САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ (ФИЛИАЛ)
УНИВЕРСИТЕТА ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Д.А. БЕЗБОРОДОВ, А.В. ЗАРУБИН

ИНЫЕ МЕРЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИИ

Монография

Санкт-Петербург
2026

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ (ФИЛИАЛ)
УНИВЕРСИТЕТА ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Д.А. БЕЗБОРОДОВ, А.В. ЗАРУБИН

ИНЫЕ МЕРЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИИ

Монография

Санкт-Петербург
2026

УДК 343.2 (02)
ББК 67.408
Б 39

Р е ц е н з е н т ы

Е.Н. РАХМАНОВА, заведующий кафедрой уголовного права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева, доктор юридических наук, доцент.

Е.В. ХРОМОВ, прокурор Гаврилово-Посадского района Ивановской области, доцент кафедры экономики и прикладной информатики Ивановского филиала Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, кандидат юридических наук, кандидат технических наук.

Безбородов, Д. А.

Б39 Иные меры уголовно-правового характера в уголовном праве России : монография / Д.А. Безбородов, А.В. Зарубин. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2026. – 174, [2] с.

ISBN 978-5-6055963-3-2

В монографии рассматриваются понятие, признаки, виды иных мер уголовно-правового характера, предусмотренных Уголовным кодексом Российской Федерации, их соотношение с уголовным наказанием. Анализируются основания и особенности применения таких иных мер уголовно-правового характера, как принудительные меры медицинского характера, конфискация имущества и судебный штраф. Исследуются проблемы совершенствования уголовного законодательства, предусматривающего порядок назначения иных мер уголовно-правового характера, и практики применения этих мер.

Адресована специалистам в области криминологии и уголовного права, студентам, аспирантам, преподавателям юридических учебных заведений.

УДК 343.2(02)
ББК 67.408

ISBN 978-5-6055963-3-2

© Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации, 2026

Оглавление

Принятые сокращения..... *4*

ВВЕДЕНИЕ..... *5*

1. УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ИНЫХ МЕР УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА..... *9*

1.1. Понятие, признаки и место иных мер уголовно-правового характера в системе мер уголовно-правового воздействия..... —

1.2. Виды иных мер уголовно-правового характера в уголовном праве России..... *20*

1.3. Иные меры уголовно-правового характера в уголовном праве зарубежных государств..... *32*

2. ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ МЕДИЦИНСКОГО ХАРАКТЕРА..... *56*

2.1. Основания и порядок применения принудительных мер медицинского характера..... —

2.2. Виды принудительных мер медицинского характера..... *60*

2.3. Совершенствование законодательства о применении принудительных мер медицинского характера..... *74*

3. КОНФИСКАЦИЯ ИМУЩЕСТВА..... *84*

3.1. Конфискация имущества как иная мера уголовно-правового характера..... —

3.2. Основания и порядок применения конфискации имущества..... *97*

3.3. Совершенствование законодательства, предусматривающего порядок назначения конфискации имущества, и практики его применения..... *110*

4. СУДЕБНЫЙ ШТРАФ..... *120*

4.1. Судебный штраф как иная мера уголовно-правового характера..... —

4.2. Назначение и исполнение судебного штрафа..... *137*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ..... *173*

Принятые сокращения

ГК РФ – Гражданский кодекс Российской Федерации

ГПК РФ – Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации

ЕАЭС – Евразийский экономический союз

КоАП РСФСР – Кодекс Российской Советской Федеративной Социалистической Республики об административных правонарушениях

МВД России – Министерство внутренних дел Российской Федерации

РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика

СНГ – Содружество Независимых Государств

СССР – Союз Советских Социалистических Республик

УК РСФСР – Уголовный кодекс Российской Советской Федеративной Социалистической Республики

УК РФ – Уголовный кодекс Российской Федерации

УПК РСФСР – Уголовно-процессуальный кодекс Российской Советской Федеративной Социалистической Республики

УПК РФ – Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации

ФРГ – Федеративная Республика Германия

ФССП России – Федеральная служба судебных приставов

ВВЕДЕНИЕ

Важнейшая роль в государственном воздействии на преступность принадлежит уголовно-правовым средствам. Уголовно-правовое воздействие базируется на реализации различных по своей социальной сущности и юридической природе мер, применяемых к лицам, совершившим преступление или общественно опасное деяние в состоянии невменяемости, в первую очередь – на реализации мер уголовной ответственности.

Однако исследования ученых показывают, что наказание не может быть признано единственным средством воздействия на преступность[1]. Его применение в настоящее время в недостаточной степени влияет на снижение уровня преступности[2], о чем свидетельствует повсеместный ее рост в мире, прежде всего рецидивной, профессиональной и организованной. Применение всех видов наказания, в особенности наказания в виде лишения свободы, сопряжено со многими отрицательными социальными последствиями.

Низкая эффективность применения наказания в виде лишения свободы в современных условиях социальной жизни населения проявляется особенно отчетливо в рецидиве преступлений. Большое количество лиц, ранее осужденных за преступление к наказанию в виде лишения свободы, возвращаясь после отбытия срока наказания в современную социальную среду, чувствуют себя чужими, не нужными этой «другой» жизни, что побуждает их к совершению новых, зачастую более тяжких преступлений, после обвинительного приговора суда они возвращаются в ту среду, к которой привыкли, где их понимают, где такие же, как они.

---

[1] Пропостин А.А. Конфискация имущества как мера борьбы с преступностью: прошлое, настоящее, будущее : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Томск, 2010. С. 3.

[2] Набиуллин Ф.К. Некарательные меры уголовно-правового характера: природа, система и социально-правовое назначение : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Казань, 2008. С. 3.

М.П. Журавлев обращал внимание, основываясь на собственных исследованиях, а также на работах Ю.В. Солопанова и В.А Ласточкина, на то, что «в течение 10 лет после освобождения совершают новые преступления до 50 % из всех отбывших наказание в виде лишения свободы»[1].

В части 2 ст. 2 УК РФ приведена норма о применении иных мер уголовно-правового характера за совершение преступления как альтернативы уголовному наказанию. Основной проблемой применения иных мер уголовно-правового характера, как отмечает С.В. Максимов, «является отсутствие законодательно закрепленного понятия, видов иных мер уголовно-правового характера и их соотношения с уголовным наказанием»[2].

Отечественному уголовному праву иные меры уголовно-правового характера хорошо известны. В советском уголовном праве указанные меры именовались мерами социальной защиты, были направлены на устранение причин и условий совершения преступления и некоторое время служили даже заменой уголовному наказанию[3].

Понятие «меры социальной защиты» было исключено из уголовного права в связи с введением в советское уголовное законодательство термина «наказание». Наказание рассматривалось как единственное средство достижения целей исправления осужденного и предупреждения преступлений. УК РСФСР 1960 года не проводил различия между наказанием и мерами социальной защиты. В части 2 ст. 1 данного Кодекса было определено, что единственной уголовно-правовой мерой воздействия на преступность является уголовное наказание.

Однако в Уголовном кодексе Российской Федерации 1996 года вновь появилось упоминание об «иных мерах уголовно-правового характера».

---

[1] Журавлев М.П. Проблема поиска путей замены лишения свободы иными мерами воздействия на правонарушителей // Проблемы обеспечения прав человека в деятельности органов внутренних дел : по материалам Московского (1991 г.) совещания конференции по человеческому измерению СБСЕ. М., 1994. С. 34.

[2] Максимов С.В. Цели принудительных мер медицинского характера // Российский следователь. 2002. № 12. С. 24.

[3] Советское уголовное право : учебник для юридических школ / В.Д. Меньшагин, З.А. Вышинская ; Всесоюзный институт юридических наук Министерства юстиции СССР. М., 1950. С. 164.

Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ[1] в Уголовный кодекс Российской Федерации был включен раздел, получивший название «Иные меры уголовно-правового характера», в соответствии с которым к иным мерам отнесены принудительные меры медицинского характера и конфискация имущества. А Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ[2] в данный раздел была включена глава 15.2 «Судебный штраф».

При этом ни самого понятия иных мер уголовно-правового характера, ни признаков, отличающих эти меры от всех остальных, предусмотренных в Уголовном кодексе Российской Федерации, но также не относящихся к числу наказаний, законодатель не определил.

Как видим, введение наряду с видами наказания в текст уголовного закона иных мер уголовно-правового характера – это своеобразное «расширение» мер уголовно-правового воздействия на лиц, совершивших преступление. Представляется, что отсутствие легитимного определения понятия «меры уголовно-правового характера» отражается на различиях во взглядах на содержание данного понятия и соотношение со смежными понятиями.

Проблема выбора средств и методов уголовно-правового воздействия является одной из наиболее актуальных в правовой науке. Сложившаяся в настоящее время в обществе криминогенная обстановка требует существенного расширения форм и методов борьбы с преступностью.

Ресурсы традиционного средства уголовно-правового воздействия – наказания во многом ограничены, и наказание не мо-

---

[1] О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О ратификации Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма» и Федерального закона «О противодействии терроризму» : Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ : текст с изм. и доп. на 21 декабря 2021 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102108258 (дата обращения: 12.05.2026).

[2] О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности : Федеральный закон от 3 июля 2006 г. № 323-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102403665 (дата обращения: 12.05.2026).

жет выступать единственной формой реагирования государства на факт совершения преступления.

Вопрос о возможности применения за совершенное преступное деяние мер, не связанных с наказанием и не всегда выступающих формой реализации уголовной ответственности, напрямую сопряжен с вопросом определения предмета и метода самой отрасли уголовного права. Преобладающей на сегодняшний день точкой зрения является понимание предмета уголовного права лишь как общественных отношений, которые возникают и осуществляются в связи с совершением лицом преступления и назначением наказания.

Уголовным правом охватывается гораздо больший круг общественных отношений, а реакция государства на факт совершения преступления происходит не только в форме привлечения лица к уголовной ответственности и назначения ему наказания, но и при помощи иных мер, указанных в уголовном законе. При этом правовая природа мер, не связанных с наказанием, но выступающих правовым последствием совершенного преступления, остается недостаточно изученной. В доктрине уголовного права не получили должного освещения вопросы разработки самостоятельной системы иных мер уголовно-правового характера, механизма их воздействия, целей, стоящих перед ними, а также их соотношения с наказанием. Игнорирование особенностей механизма воздействия той либо иной меры приводит к возникновению ряда противоречий в действующем законодательстве и существенному снижению эффективности уголовно-правового регулирования в целом.

Данные правовые последствия преступления являются «новыми» для отечественного уголовного законодательства, не относятся к числу наказаний, а также не имеют четко определенного правового статуса и механизма их реализации.

С учетом изложенного исследование иных мер уголовно-правового характера как средства противодействия совершению преступлений, выяснение их места в системе методов уголовно-правового регулирования, определение содержания, оснований применения и порождаемых ими юридических последствий имеют большую актуальность в деятельности сотрудников правоохранительных органов.

В монографии рассматриваются вопросы, позволяющие глубже изучить уголовно-правовую природу иных мер уголовно-

правового характера, определить их понятие, признаки и цели применения.

Важное значение для совершенствования института иных мер уголовно-правового характера имеет разграничение исследуемого института с уголовной ответственностью и наказанием, а также мерами безопасности, применение которых урегулировано законодательством Российской Федерации.

С этой целью авторы предприняли попытку исследования истории развития законодательства об иных мерах уголовно-правового характера в уголовном праве России и опыта использования иных мер уголовно-правового характера в противодействии преступности в уголовном праве зарубежных государств.

Важное место в работе занимает рассмотрение особенностей применения и совершенствования уголовного законодательства об иных мерах уголовно-правового характера, закрепленных в разделе VI УК РФ «Иные меры уголовно-правового характера».

1. УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ИНЫХ МЕР УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА

1.1. Понятие, признаки и место иных мер уголовно-правового характера в системе мер уголовно-правового воздействия

В современном обществе перед уголовным правом ставится широкий круг задач по охране прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств, по обеспечению мира и безопасности человечества, а также предупреждению преступлений. В общем виде деятельность государства по решению указанных задач принято называть противодействием преступности[1], которое происходит при помощи механизма пра-

[1] Тонков Е.Е., Масалытина С.В. Некоторые проблемы политико-правового регулирования в сфере противодействия преступности // Юридический мир. 2008. № 12. С. 60 ; Миронов Р.Г. Меры законодательного противодействия рецидивной преступности // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2008. № 1. С. 37.

вового воздействия (механизма правового регулирования).

Механизм правового регулирования в теории права рассматривается как «взятая в единстве система правовых средств (юридических норм, правоотношений, актов), при помощи которых осуществляется результативное правовое воздействие на общественные отношения»[1]. В.К. Дуюнов в своем исследовании отмечает, что понятия «механизм правового регулирования», «механизм правовой защиты», «механизм правового воздействия» являются однородными, близкими друг другу по смыслу понятиями, а «механизм уголовно-правового воздействия представляет собой сложный динамичный процесс практической реализации реакции государства на совершение преступлений при помощи системы уголовно-правовых средств (уголовно-правовых норм, уголовно-правовых отношений и актов применения норм уголовного права) в целях обеспечения и поддержания порядка в общественной жизни»[2].

В содержание механизма правового регулирования включается специфический набор средств правового воздействия, из которых юридическая ответственность хотя и является центральным, но далеко не единственным[3]. При этом большую часть основанной на законе деятельности правоохранительных органов, направленной на пресечение и предупреждение преступлений, а также на реализацию ответственности лиц, их совершивших[4], составляет применение конкретных правоограничений, или мер уголовно-правового воздействия.

Однако и в законодательстве, и в уголовно-правовой доктрине вопрос о понятии и содержании мер уголовно-правового воздействия (или мер уголовно-правового характера) в целом

---

[1] Алексеев С.С. Теория государства и права. М., 2008. С. 215–216 ; Теория государства и права : учебник / под ред. М.М. Рассолова. М., 2004. С. 442–443 ; Теория государства и права : курс лекций / М.И. Байтин, Ф.А. Григорьев, И.М. Зайцев [и др.] ; под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М., 2001. С. 473–474.

[2] Дуюнов В.К. Механизм уголовно-правового воздействия : дис. … д-ра юрид. наук. Тольятти, 2001. С. 41.

[3] Морозова Л.А. Теория государства и права : учебник. М., 2010. С. 39 ; Кожевников В.В. Теория государства и права. Омск, 2009. Ч. 2. 183 с.

[4] Гришанин П.Ф. Современные проблемы уголовной политики и уголовно-правовой практики. М., 1994. С. 34.

и иных мер уголовно-правового характера в частности, а также о соотношении данных институтов до настоящего времени остается нерешенным.

Так, С.И. Курганов отмечает, что «в общем виде меры уголовно-правового характера можно определить как предусмотренные уголовным законом меры, применяемые к лицам, совершившим преступления (общественно опасные деяния в состоянии невменяемости)»[1].

В свою очередь, С.В. Максимов утверждает, что «законодатель не раскрывает содержание понятия „иные меры уголовно-правового характера", равно как и не указывает, какие это меры и каким образом они соотносятся с уголовным наказанием»[2].

В Словаре русского языка мера (меры) определяется как действие или совокупность действий, средств для осуществления, достижения чего-либо[3], мероприятие (меры предосторожности)[4].

В Толковом словаре русского языка Д.Н. Ушакова воздействие толкуется как система действий, имеющих целью повлиять на кого-то, что-то. Моральное воздействие. Воздействие на преступника. Оказать воздействие на ход событий. Физическое воздействие (с применением физической силы)[5]. В Толковом словаре русского языка С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой воздействовать объясняется так: оказав влияние, добиться (добиваться) необходимого результата. Например, воздействовать на ребенка лаской[6].

Таким образом, под словосочетанием «меры воздействия» подразумевается совокупность действий, мероприятий, направленных на достижение определенного результата (цели). Соответственно, меры уголовно-правового воздействия необходимо рассматривать как совокупность активных действий, мероприятий, которые включают в себя правоограничения либо организа-

---

[1] Курганов С.И. Меры уголовно-правового характера // Уголовное право. 2007. № 2. С. 59.

[2] Максимов С.В. Указ. соч. С. 24.

[3] Ефремова Т.Ф. Словарь русского языка. В 3 т. Т. 2. М., 2001. С. 204.

[4] Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2007. С. 350.

[5] Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. М., 2004. С. 119.

[6] Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Указ. соч. С. 92.

ционные процедуры, применяемые в связи с совершением преступления и предназначенные для достижения целей защиты членов общества от преступных посягательств.

Несмотря на достаточную распространенность данного понятия, в том числе и в науке уголовного права[1], в настоящее время в уголовном законодательстве оно не упоминается, однако неоднократно используется выражение «иные меры уголовно-правового характера».

В статье 2 УК РФ прямо указывается, что средствами решения задач, ставящихся перед уголовным законодательством, являются наказание и иные меры уголовно-правового характера. То есть законодатель, с одной стороны, включает наказание в число мер уголовно-правового характера, с другой – противопоставляет его группе иных мер уголовно-правового характера. При этом в уголовном законе не раскрывается, в чем состоят принципиальные отличия данных средств уголовно-правового воздействия.

Основной, традиционной мерой уголовно-правового воздействия считается наказание, и несмотря на все негативные последствия его применения, ни одно государство в мире не способно отказаться от данного инструмента защиты общества от опасных посягательств. При этом наказание, как и любая другая санкция, имеет свое предназначение, выражающееся в целях, ради которых устанавливаются и применяются правоограничения, составляющие его содержание. Так, согласно ст. 43 УК РФ наказание должно в первую очередь преследовать цель восстановления социальной справедливости и лишь потом – предупреждения совершения новых преступлений. Возместить причиненный преступлением ущерб, вернуть преступника в общество либо же устранить (нейтрализовать) причины и условия, способствовавшие совершению преступления, исходя из содержания закона вообще необязательно. Об этом свидетельствует и само содержание наказания, которое вне зависимости от того, какие социально полезные цели им преследуются, заключается в пред-

[1] Бавсун М.В. Понятие и содержание уголовно-правового воздействия на преступность // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 336. С. 99–103.

усмотренных Уголовным кодексом лишении или ограничении прав и свобод (ч. 1 ст. 43 УК РФ).

Однако угрозой применения наказания, выступающего психологическим регулятором, невозможно оказать воздействие абсолютно на всех членов общества. Такого рода воздействие может быть эффективным в отношении тех лиц, которые в полной мере осознают подобную угрозу и в своих действиях руководствуются исключительно морально-волевыми регуляторами. Известно, что общественно опасные деяния нередко совершаются лицами, страдающими психическими заболеваниями, алкоголизмом, наркоманией, несовершеннолетними и престарелыми, юридическими лицами, т. е. субъектами, в отношении которых применение наказания не всегда имеет достаточный «предупредительный эффект» либо невозможно как таковое. Более того, совершению преступления (либо общественно опасного деяния в состоянии невменяемости) предшествует ряд объективных факторов, без устранения которых невозможно полноценное противодействие совершению преступлений в будущем. Следует отметить и то, что нельзя достигнуть состояния защищенности общества, не восстановив нарушенные материальные (экономические) правоотношения (как минимум возмещение вреда потерпевшему). Однако наказание по своим объективным свойствам не предназначено для решения указанных задач. Таким образом, для полноценной защиты общественных отношений и предупреждения преступлений требуется системный подход к применению мер уголовно-правового воздействия, при котором каждая мера имела бы свое предназначение в достижении общей цели.

По данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, за первую половину 2025 года судами применены принудительные меры медицинского характера к 3599 лицам, и ежегодно их число остается высоким[1].

[1] Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 6 месяцев 2025 года // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : офиц. сайт. URL: http://www.cdep.ru/ (дата обращения: 10.01.2026).

Совершение общественно опасных деяний данными лицами находится в зависимости не только от воли лица, но и от его психического состояния, когда человек не в полной мере имеет возможность осознавать происходящее и руководить своими поступками. Применение к таким лицам наказания, пусть даже самого справедливого, не может устранить факторы, способствовавшие совершению преступления (психическое заболевание, алкоголизм, наркомания, токсикомания и т. д.).

Ежегодно примерно 36 % преступлений совершается лицами, ранее уже судимыми за совершение преступления[1].

По данным судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, за 6 месяцев 2025 года было осуждено 61 575 ранее судимых лиц (без учета лиц, у которых судимость снята или погашена)[2].

Совершение преступления лицом, к которому ранее уже было применено наказание, также свидетельствует о неэффективности наказания и необходимости применения альтернативных либо дополнительных мер, даже за рамками наказания.

В Концепции развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2036 года, утвержденной Распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 мая 2026 г. № 1272-р[3], обращается внимание на то, что в настоящее время, несмотря на сохранение тенденции к снижению числа несовершеннолетних, ранее совершавших преступления (в 2022 году – 6,4 тыс. человек, в 2023 году – 5,2 тыс. человек, в 2024 году – 4,1 тыс. человек), не теряет актуальности вопрос повторной преступности несовершеннолетних, состоявших на учете в уголовно-исполнительных инспекциях.

Безусловно, совершение преступления данной категорией лиц говорит о серьезных упущениях общества в воспитании и обучении несовершеннолетнего, а соответственно, требует

---

[1] Сипягина М.Н. Значение криминологического (фактического) рецидива в системе множественности преступлений : дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2020. С. 3.

[2] Сводные статистические сведения …

[3] URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202606010080?index=1 (дата обращения: 12.05.2026).

в первую очередь устранения условий, непосредственно повлиявших на совершение преступления конкретным лицом. За рамками официальной статистики остаются убийства, кражи, изнасилования, совершенные лицами, не достигшими возраста уголовной ответственности, которым наказание не может быть назначено. Полагаем, что применение к вышеназванным категориям правонарушителей лишь наказания объективно не в состоянии в достаточной степени противодействовать совершению ими преступлений.

Более того, статистика показывает, что ежегодно 38–45 % лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, наказание назначается условно. Иными словами, суд, основываясь на сведениях о личности преступника и иных обстоятельствах, приходит к выводу, что в реальном отбывании наказания лицо не нуждается и достижение поставленных целей возможно иным способом, без применения наказания, избирая в качестве способа воздействия не кару (воздаяние наказанием), а испытание посредством возложения на испытуемого совокупности некарательных правоограничений (запретов и предписаний) «позволяющих убедиться в его способности вести в дальнейшем правопослушный образ жизни»[1].

Одним из показателей защищенности общества от преступных посягательств выступает возмещение вреда, причиненного преступлением.

Например, общая сумма ущерба от преступлений, определенная по судебным актам, в 2021 году составила 105 901 251 154 рубля. Сумма ущерба, признанная судом погашенной до вынесения судебного акта, составила только 18 895 610 796 рублей (около 17,8 % от общей суммы причиненного ущерба)[2].

---

[1] Нечепуренко А.А. Испытание в уголовном праве Российской Федерации: опыт комплексного исследования. Омск, 2008. С. 79.

[2] Отчет судов общей юрисдикции о суммах ущерба от преступлений, суммах материальных взысканий в доход государства, количестве вынесенных постановлений об оплате процессуальных издержек за счет средств федерального бюджета и назначении экспертиз за 2021 год // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : офиц. сайт. URL: https://www.cdep.ru/ (дата обращения: 10.01.2026).

При этом необходимость в защите общественных отношений и предупреждении преступлений требует наличия мер, способных воздействовать на лиц, применение наказания к которым невозможно либо нецелесообразно, а также мер, устраняющих (нейтрализующих) негативное влияние факторов, способствовавших совершению преступления.

Предупредительное (устрашающее) воздействие наказания является неотъемлемым элементом уголовно-правового воздействия, однако оно не всегда может обеспечить полноценное противодействия совершению преступлений.

А.И. Марцев указывал, что «на современном этапе развития нашего общества одного рефлекторного влияния мер государственно-правового характера в целях предупреждения преступлений явно недостаточно. По своему характеру это пассивное воздействие, которое может быть замечено и воспринято гражданами, а может быть и не замечено, и не воспринято»[1].

Действующее законодательство (ст. 2 УК РФ) к средствам решения задач уголовного права, помимо наказания, относит иные меры уголовно-правового характера. Данное понятие используется и в качестве названия раздела VI УК РФ, включающего нормы о принудительных мерах медицинского характера, конфискации имущества и судебном штрафе.

Несмотря на то что и наказание, и иные меры уголовно-правового характера предназначаются для достижения общих целей, в законе не указывается, что они взаимозаменяемы. Однако в теории уголовного права преобладает мнение, что иные меры уголовно-правового характера как минимум способствуют достижению целей именно уголовного наказания, а в некоторых случаях и предназначаются для их достижения.

Ряд ученых включают иные меры уголовно-правового характера в систему наказаний[2]. На наш взгляд, изложенная пози-

---

[1] Марцев А.И. Уголовная ответственность как средство предупреждения преступлений. Омск, 1980. С. 35.

[2] Бектимеров Э.Л. Иные меры уголовно-правового характера и их роль в осуществлении задач уголовного права России : дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2009. 206 с. ; Гареев М.Ф. Цели иных мер уголовно-правового характера и средства их достижения по уголовному праву России : дис. … канд. юрид. наук. Казань, 2005. 198 с.

ция, зачастую проявляющаяся и в практической деятельности, неверна. Во-первых, данные меры с формальных позиций не отнесены к числу наказаний (ст. 44 УК РФ), а во-вторых, они обладают различным механизмом уголовно-правового воздействия и не могут отождествляться.

Большинство ученых сходятся во мнении, что основной механизм воздействия наказания состоит в каре, т. е. «прежде всего, нравственной, социально-политической и условно-юридической оценке преступления и личности преступника»[1], и выражается в назначении лицу таких правоограничений, которые соответствуют тяжести совершенного им деяния.

Т.Ф. Минязева пишет, что «кара проявляется в необходимости претерпевания осужденным определенных ограничений, тягот, страданий в процессе исполнения назначенного наказания»[2]. Прямое отождествление наказания с карой имело законодательное закрепление в УК РСФСР 1960 года (ст. 20).

В качестве синонимов рассматривали наказание и кару А.А. Пионтковский[3], М.Д. Шаргородский, Н.А. Беляев[4] и др.

Так, М.Д. Шаргородский отмечал, что наказание не сопряжено с карой, а само является уголовной карой[5]. В Толковом словаре русского языка С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой также определяются как синонимичные понятия наказание, кара и возмездие[6], более того, толкуются данные слова друг через друга.

И. Кант считал, что наказание не может назначаться ради какой-то утилитарной цели, но после того, как осуществлена справедливость, он не исключал возможность реализации той или иной непосредственно полезной цели.

---

[1] Дуюнов В.К. Уголовно-правовое воздействие: теория и практика. М., 2003. С. 27.

[2] Минязева Т.Ф. Цели наказания и иных мер уголовно-правового характера и средства их достижения в современном уголовном праве // Законы России: опыт, анализ, практика. 2007. № 5. С. 34.

[3] Курс советского уголовного права. Общая часть / А.А. Пионтковский, Н.А. Стручков, П.С. Ромашкин [и др.] ; редкол. А.А. Пионтковский [и др.]. М., 1970. Т. 3. С. 26.

[4] Беляев Н.А. Цели наказания и средства их достижения. Л., 1963. С. 25.

[5] Курс советского уголовного права. В 5 т. Т. 2 / Н.С. Лейкина, С.А. Домахин, В.И. Пинчук [и др.] ; отв. ред. Н.А. Беляев, М.Д. Шаргородский. Л., 1970. С. 193.

[6] Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Указ. соч. С. 92, 265, 383.

А.А. Пионтковский подчеркивал, что «с точки зрения „категорического императива", он (преступник) прежде всего должен получить следуемое наказание, а потом можно подумать о том, какую пользу можно извлечь из этого наказания для него или для сограждан»[1].

Таким образом, проявление в наказании кары характеризует не цели его применения, а механизм его уголовно-правового воздействия, т. е. способ восстановления социальной справедливости. В свою очередь, именно акт восстановления социальной справедливости выступает средством общего предупреждения преступлений.

Вне зависимости от конкретного содержания и размера наказания его основное воздействие будет заключаться в возложении правоограничений (лишении определенных благ) для восстановления социальной справедливости. Данное правило будет распространяться на любой вид наказания, будь то смертная казнь, либо штраф, уплаченный в пользу государства, либо лишение свободы. Так Нильс Кристи утверждает, что «назначение наказания в соответствии с правовыми установлениями означает причинение боли и предназначено именно для этого»[2], однако несогласованность данного факта с такими признанными ценностями, как доброта и способность прощать, приводит к попыткам скрыть основное содержание наказания[3].

Вопрос о степени «полезности» наказания возникает только после того, как свершился акт восстановления справедливости. Применение (либо угроза применения) правоограничений, соответствующих тяжести (общественной опасности) совершенного деяния, будет выступать основным механизмом защиты общественных отношений и предупреждения преступлений.

Так, по мнению А.И. Марцева, «наказание находится в диалектической взаимосвязи с совершенным преступлением, через наказание достигается социальная справедливость, и тем самым оно выступает в качестве основного средства разрешения соци-

---

[1] Пионтковский А.А. Уголовно-правовые воззрения И. Канта, А. Фейербаха и Фихте. М., 1940. С. 53–54.

[2] Кристи Н. Причиняя боль. Роль наказания в уголовной политике. СПб., 2011. С. 18.

[3] Там же.

ального конфликта, порожденного преступлением»[1].

Однако для осуществления полноценного противодействия преступности и защиты общественных отношений недостаточно только восстановления справедливости, требуются также возмещение причиненного вреда, ресоциализация лица, совершившего преступление, устранение причин и условий, способствовавших совершению преступления, восстановление материального (экономического) положения, существовавшего до момента совершения преступления, и т. д. Н.С. Таганцев в свое время подчеркивал, что «нормы уголовного права социально обусловлены и должны адекватно отражать в уголовном законе потребности общества в уголовно-правовой охране»[2].

В зависимости от ориентированности на достижение той либо иной цели выстраивается и соответствующая система санкций (уголовно-правовых средств). Дж. Мид в связи с этим пишет: «Враждебность по отношению к нарушителю закона неизбежно предполагает установки на возмездие, подавление и исключение. Последние не обеспечивают нас никакими принципами для искоренения преступности, для возвращения нарушителя к нормальным социальным отношениям или для формулировки нарушенных прав»[3].

Однако без средств, позволяющих достигать все поставленные цели (или хотя бы большинство из них), оказываемое воздействие не может быть полноценным, а система мер противодействия преступности завершенной.

С точки зрения А.И. Марцева, «вся система уголовно-правового воздействия существует для удержания граждан от совершения преступлений»[4]. При этом системой будет выступать лишь совокупность таких мер, которые, взаимодействуя между собой и дополняя друг друга, способны эффективно решать поставленные задачи.

Таким образом, необходимо признать, что наказание являет-

---

[1] Марцев А.И. Общие вопросы учения о преступлении. Омск, 2000. С. 53.

[2] Цит. по: Орехов В.В. Социология в науке уголовного права. Л., 1985. С. 12.

[3] Мид Дж. Психология пунитивного правосудия // Американская социологическая мысль. М., 1994. С. 249.

[4] Марцев А.И. Диалектика и вопросы теории уголовного права. Красноярск, 1990. С. 59.

ся одним из средств защиты наиболее значимых общественных отношений от преступных посягательств и предупреждения преступлений. Представляется, что иные меры уголовно-правового характера имеют аналогичное предназначение, но принципиально иной механизм воздействия.

1.2. Виды иных мер уголовно-правового характера в уголовном праве России

В настоящее время за рамками наказания (и даже за рамками уголовной ответственности) могут применяться такие средства воздействия на лицо, совершившее преступление, как условное осуждение либо условно-досрочно освобождение (ст. 73, 79 УК РФ), освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием (ст. 75 УК РФ), освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим (ст. 76 УК РФ), освобождение от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба (ст. 76.1 УК РФ), освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (ст. 76.2 УК РФ, глава 15.2 УК РФ), отсрочка отбывания наказания (ст. 82, УК РФ), отсрочка отбывания наказания больным наркоманией (ст. 82.1 УК РФ), принудительные меры воспитательного воздействия (ст. 90, 92 УК РФ), принудительные меры медицинского характера (ст. 97–103 УК РФ), конфискация имущества (ст. 104.1, 104.2 УК РФ), возмещение причиненного ущерба (ст. 104.3 УК РФ).

В теории уголовного права относительно содержания категорий «меры уголовно-правового характера» («меры уголовно-правового воздействия») в целом и «иные меры уголовно-правового характера» в частности до настоящего времени нет единого мнения. Отсутствует определенность и в соотношении указанных понятий с понятием уголовной ответственности и формами ее реализации. Различные позиции ученых по данным вопросам существуют именно в связи с разнообразием правовой природы мер государственно-правового воздействия, представленных в Уголовном кодексе Российской Федерации (медицинского, воспитательного характера и т. д.).

В.К. Дуюнов предлагает относить к категории иных мер уголовно-правового характера следующие меры воздействия

на лиц, совершивших преступление: 1) принудительные меры воспитательного воздействия, применяемые при освобождении от уголовной ответственности или наказания, указанные в ст. 90 УК РФ, а также помещение несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение при освобождении его от наказания на основании ч. 2 ст. 92 УК РФ; 2) условное осуждение (ст. 73 УК РФ); 3) освобождение от уголовной ответственности по основаниям, предусмотренным в уголовном законе (ст. 75–78 УК РФ и др.); 4) освобождение от уголовного наказания по предусмотренным в уголовном законе основаниям (ст. 79–83 УК РФ и др.); 5) принудительные меры медицинского характера (ст. 99 УК РФ)[1].

В.Ф. Ширяев, разделяя систему мер уголовно-правового воздействия на основную подсистему, т. е. систему наказаний, и вспомогательную подсистему («вспомогательные элементы»), включает в последнюю: 1) условное осуждение; 2) отсрочку отбывания наказания; 3) амнистию; 4) помилование; 5) условно-досрочное освобождение от наказания и освобождение от наказания по иным мотивам (освобождение от наказания по болезни); 6) институт замены наказаний (замена наказанием в виде лишения свободы при уклонении от исполнения наказания в виде исправительных работ); 7) освобождение от уголовной ответственности и иные досудебные меры уголовно-правового воздействия (освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим, в связи с деятельным раскаянием, в связи с истечением срока давности совершения преступления или обвинительного приговора); 8) принудительные меры воспитательного воздействия, применяемые к несовершеннолетним; 9) принудительные меры медицинского характера; 10) возмещение ущерба, причиненного преступлением[2].

В.А. Уткин в числе мер уголовно-правового характера называет наказание, условное осуждение, отсрочку отбывания наказания и условно-досрочное освобождение в связи с тем, что данные меры схожи с наказанием, носят возмездный характер и выражают собой уголовную ответственность. В связи с данными

---

[1] Дуюнов В.К. Уголовно-правовое воздействие .... С. 39.

[2] Ширяев В.Ф. Наказание в системе мер уголовно-правового воздействия: теория и практика. Вологда, 2004. С. 67–69.

обстоятельствами автор исключает из числа мер уголовно-правового характера принудительные меры воспитательного воздействия и медицинского характера[1].

И.Э. Звечаровский считает, что к мерам уголовно-правового характера следует относить только те, которые сами по себе являются уголовно-правовыми. Это меры, применение которых влечет за собой изменение уголовно-правового статуса личности. По данному параметру автор исключает из числа мер уголовно-правового характера принудительные меры медицинского характера, а также меры воспитательного воздействия. Также автор отмечает, что ряд мер уголовно-правового характера входит в содержание уголовной ответственности, другие же не могут быть признаны формой реализации уголовной ответственности[2].

По мнению С.Г. Келиной, мерами уголовно-правового характера являются наказание, принудительные меры воспитательного воздействия, принудительные меры медицинского характера, условное осуждение и судимость. При этом С.Г. Келина не признавала иными мерами уголовно-правового характера, во-первых, конфискацию имущества, так как полагала необходимым вернуть данной мере статус дополнительного наказания, во-вторых, условно-досрочное освобождение, расценевая данную меру как «стимулирующую»[3].

В.И. Горобцов включал в перечень мер уголовно-правового характера наказание, принудительные меры воспитательного воздействия и медицинского характера, рассматривая их в то же время и как форму реализации уголовной ответственности[4].

---

[1] Уткин В.А. Пределы уголовно-исполнительного законодательства // Актуальные проблемы теории уголовного права и правоприменительной практики : межвуз. сб. науч. тр. / Краснояр. высш. шк. МВД России ; отв. ред. В.И. Горобцов. Красноярск, 1997. С. 111.

[2] Звечаровский И.Э. Меры уголовно-правового характера: понятие, система, виды // Законность. 1999. № 3. С. 38–40 ; Его же. Понятие мер уголовно-правового характера // Законность. 2007. № 1. С. 19–21.

[3] Келина С.Г. Наказание и иные меры уголовно-правового характера // Государство и право. 2007. № 6. С. 55–57.

[4] Горобцов В.И. О понятии и целевых установках уголовно-правового принуждения // Актуальные проблемы теории борьбы с преступностью и правоприменительной практики : межвуз. сб. науч. тр. / Краснояр. высш. шк. МВД России ; отв. ред. В.И. Горобцов. Красноярск, 2001. С. 35–36.

Л.В. Багрий-Шахматов хотя и относил меры медицинского и воспитательного характера к элементам системы мер уголовно-правового принуждения, все же не считал их формой реализации уголовной ответственности[1].

Относя к мерам уголовно-правового характера принудительные меры медицинского характера и воспитательного воздействия, некоторые ученые признают только часть данных мер формой реализации уголовной ответственности в зависимости от того, в отношении каких лиц они применяются.

Например, с точки зрения М.Н. Голоднюк, являются уголовной ответственностью лишь принудительные меры медицинского характера, применяемые в отношении вменяемых, а меры медицинского характера, применяемые к лицам, признанным невменяемыми, – иными мерами уголовно-правового характера[2]. Аналогичным образом К.Н. Неткачев относит к уголовной ответственности лишь те меры воспитательного воздействия, которые применяются при освобождении от наказания[3].

С.И. Курганов, анализируя содержание мер уголовно-правового характера и сопоставляя различные точки зрения ученых по данному вопросу, приходит к выводу, что возможны существенно несхожие интерпретации данного понятия, основывающиеся на различном понимании оснований применения этих мер. При этом сам автор относит к мерам уголовно-правового характера (помимо форм реализации уголовной ответственности) меры, применяемые к лицам, совершившим преступление, за неисполнение требований приговора (постановления, решения суда)[4].

По поводу сложившейся дискуссии о понятии мер уголовно-

---

[1] Багрий-Шахматов Л.В. Уголовная ответственность и наказание. Минск, 1976. С. 107, 142.

[2] Голоднюк М. Некоторые вопросы применения принудительных мер медицинского характера // Уголовное право. 2001. № 4. С. 21–23.

[3] Неткачев К.Н. Принудительные меры воспитательного воздействия как форма реализации уголовной ответственности // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. В 2 ч. Ч. 1 / отв. ред. В.И. Горобцов. Красноярск, 2003. С. 209.

[4] Курганов С.И. Меры уголовно-правового характера // Уголовное право. 2007. № 2. С. 59.

правового характера и их содержании, а также соотношении с понятием «иные меры уголовно-правового характера» А.А. Нечепуренко отмечает, что «весьма затруднительно, если вообще возможно, прийти к однозначному пониманию системы уголовно-правового принуждения, используя для ее обозначения такие термины, как „меры уголовно-правового характера" и „меры уголовно-правового воздействия"»[1].

При этом автор полагает, что если бы законодатель решился на определение всех закрепленных в Уголовном кодексе мер, применяемых государством к лицу, нарушившему уголовно-правовой запрет, то перед ним (законодателем) неизбежно встал бы вопрос о систематизации этих мер и необходимости их классификации.

Необходимо согласиться с мнением Н.В. Щедрина о том, что «ведущиеся в теории споры в значительной мере вызваны стремлением к уяснению понятия „иные меры", а также недостаточной детализацией видов воздействия, которые в нее входят»[2].

Деление всех уголовно-правовых средств воздействия на лиц, совершивших преступление, только на наказание и иные меры либо на уголовную ответственность и иные меры не позволяет сформировать полноценную систему уголовно-правового воздействия, которая бы использовала все существующие механизмы (или хотя бы большинство из них) воздействия общества на отдельно взятого индивида в целях удержания его от совершения преступлений.

Таким образом, на сегодняшний день относительно содержания иных мер уголовно-правового характера в юридической литературе отсутствует единое и даже превалирующее мнение.

Ряд ученых относят к «иным мерам» условное осуждение (ст. 73 УК РФ)[3], условно-досрочное освобождение (ст. 79 УК РФ), отсрочку отбывания наказания (ст. 82 УК РФ)[4], другие –

---

[1] Нечепуренко А.А. Указ. соч. С. 126.

[2] Щедрин Н.В. Четыре «колеи» российского уголовного права // Уголовное право. 2008. № 4. С. 59.

[3] Меры уголовно-правового характера : монография / В.К. Андрианов, В.Ф. Лапшин, Ю.Е. Пудовочкин, А.А. Толкаченко ; под ред. Ю.Е. Пудовочкина. М. 2022. С. 104–160.

[4] Российское уголовно-исполнительное право / А.Я. Гришко [и др.]. М., 2000. С. 16 ; Курганов С. Указ соч. С. 59.

только принудительные меры медицинского характера (ст. 97–104 УК РФ) и принудительные меры воспитательного воздействия[1] (ст. 92 УК РФ), третьи – только те меры, которые вошли в содержание одноименного раздела (принудительные меры медицинского характера и конфискацию имущества)[2].

Некоторые авторы, напротив, стоят на позиции исключения принудительных мер медицинского характера и воспитательного воздействия из числа уголовно-правовых мер[3]. Полагаем, что такое разнообразие мнений в уголовно-правовой доктрине не способствует системности ни самого уголовного законодательства, ни практики его применения.

В русском языке слово «иной» означает другой, отличающийся от этого[4].

Согласно законам логики, дихотомическое деление объема понятия на «основные» и «иные» подразумевает, что все имеющиеся объекты (меры) должны быть отнесены либо к основным (наказанию), либо к иным, и третьего не дано.

В контексте указанных норм иные меры уголовно-правового характера противопоставляются наказанию и, соответственно, должны включать в себя все уголовно-правовые меры, не являющиеся наказанием, однако применение которых регулируется уголовным законодательством.

Использование понятия «иные меры уголовно-правового характера» отражает только один из признаков мер, входящих в его содержание, – «иные», т. е. отличные, не такие, как наказание. К тому же данный признак негативный (отрицающий наличие определенного качества), т. е. он констатирует, что указанные меры не являются наказанием. Сделать вывод о наличии каких-либо позитивных признаков, отражающих сущность данного концепта, не представляется возможным, за исключением того, что все эти меры, так же, как и наказание, являются мерами уголовно-правового характера.

---

[1] Уголовное право России. Части Общая и Особенная / под ред. А.И. Рарога. М., 2006. С. 199.

[2] Хачиян В.Н. Иные меры уголовно-правового характера // Российский судья. 2009. № 9. С. 13.

[3] Звечаровский И.Э. Меры уголовно-правового характера ... С. 35.

[4] Толковый словарь русского языка / сост. О.В. Михайлова. СПб., 2015. С. 181–182.

В свою очередь, возникновение раздела с названием «Иные меры уголовно-правового характера», включившего в себя лишь три меры, порождает вопрос, к чему же отнести такие меры, как условное осуждение, отсрочка отбывания наказания, меры воспитательного воздействия и др., которые не вошли ни в систему наказаний, ни в содержание раздела VI УК РФ.

Учитывая разнообразие средств уголовно-правового воздействия, представленных в Уголовном кодексе Российской Федерации, а также законодательные формулировки ст. 2, 6, 7 УК РФ, разграничивающие все меры на наказание и иные меры, на наш взгляд, наиболее логичным и обоснованным будет использовать словосочетание «иные меры уголовно-правового характера» как собирательное, включающее в себя все меры уголовно-правового воздействия (правоограничения, организационные процедуры, мероприятия), урегулированные в уголовном законе, однако не являющиеся разновидностями наказания (ст. 44 УК РФ).

В теории уголовного права большинство из перечисленных мер уголовно-правового характера, не являющихся наказанием, рассматриваются в рамках институтов мер безопасности, мер социальной защиты[1], однако содержание первых включает в себя далеко не все иные меры, указанные в Уголовном кодексе Российской Федерации, на основании чего говорить об идентичности данных институтов не совсем верно.

Кроме мер, предназначенных для устранения «опасного состояния личности», в Уголовном кодексе Российской Федерации предусмотрена возможность применения мер, поощряющих правомерное поведение осужденных, – условно-досрочное освобождение, а также мер, предназначенных для восстановления нарушенных материальных (экономических) правоотношений, – конфискация имущества, судебный штраф. Данные меры не относятся к наказанию, однако и в содержание мер безопасности они также не входят, так как обладают самостоятельным механизмом уголовно-правового воздействия и целевыми установками.

---

[1] Жижиленко А.А. Наказание. Его понятие и отличие от других правоохранительных средств. Петроград, 1914. С. 167 ; Щедрин Н.В. Введение в правовую теорию мер безопасности. Красноярск, 2000. С. 42 ; Козочкин И.Д. Уголовное право зарубежных стран. Часть общая. М., 2003. 576 с.

Совокупность мер уголовно-правового характера, различных по своей природе, но предназначенных для достижения единой цели – защита общества и предупреждение преступлений, позволяет говорить о целенаправленной деятельности государства, выражающейся в осуществлении комплекса мер правового воздействия в отношении лиц, совершивших преступление, направленных на противодействие совершению преступлений.

Поскольку общественная опасность может проявляться только в деяниях либо деятельности человека, то и меры противодействия общественно опасным деяниям могут осуществляться только через воздействие на субъекта деятельности. При этом уголовное право, ставя перед собой задачи предупреждения преступлений и защиты общественных отношений, не может ограничиваться восстановлением социальной справедливости.

Таким образом, привлечение к уголовной ответственности и назначение наказания выступают лишь одним из средств противодействия преступности, но далеко не единственным.

Н.В. Щедрин, определяя содержание мер безопасности, указывал на необходимость сравнения их с другими средствами социальной регуляции. При этом сам автор проводит сравнение по непосредственной цели, по фактическим (материальным) основаниям применения, по основаниям возникновения, по срокам применения, по механизму реализации, по субъектам осуществления и т. д.[1]

Такое сопоставление представляется необходимым и для определения содержания иных мер уголовно-правового характера. В связи с чем встает вопрос о соотношении иных мер уголовно-правового характера с мерами ответственности в целом и формами реализации уголовной ответственности в частности.

Необходимо отметить, что в уголовном законе не оговаривается, какие из правоограничений, предусмотренных Уголовным кодексом Российской Федерации, являются уголовной ответственностью, а какие нет, что порождает массу споров среди теоретиков и практиков. До настоящего времени как среди ученых, так и среди правоприменителей отсутствует единство относительно того, какие именно меры уголовно-правового характе-

[1] Щедрин Н.В. Введение в правовую теорию ... С. 32.

ра, приведенные в Уголовном кодексе, относятся к уголовной ответственности, а какие не входят в ее содержание[1].

Проанализировав различные мнения ученых и результаты социологических опросов относительно того, какие из мер уголовно-правового характера относятся к формам реализации уголовной ответственности, а какие таковыми не являются, можно выделить две прямо противоположные позиции:

только наказание служит формой реализации уголовной ответственности, а иные меры не относятся к уголовной ответственности;

все меры уголовно-правового воздействия (и наказание, и иные меры) являются формами реализации уголовной ответственности.

Кроме данных диаметрально противоположных точек зрения можно выделить третью позицию (наиболее распространенную), которая состоит в отнесении к уголовной ответственности помимо наказания лишь части иных мер уголовно-правового характера.

Если предположить, что правы сторонники первой точки зрения, то получается, что понятия «наказание» и «уголовная ответственность» полностью совпадают по содержанию, обозначают одинаковый объем правоограничений. В таком случае относительно иных мер в уголовном законе должна быть сделана оговорка о том, что они не являются уголовной ответственностью. В противном случае возникает вопрос: на каком основании правоограничения, не входящие в содержание уголовной ответственности, указаны в Уголовном кодексе Российской Федерации?

Возможно, тогда меры медицинского характера, воспитательного воздействия должны регулироваться в законодательстве о здравоохранении, о профилактике безнадзорности, гражданском законодательстве и т. д.?

---

[1] Журавлев М., Журавлева Е. Понятие уголовной ответственности и форм ее реализации // Уголовное право. 2005. № 3. С. 28–31 ; Егоров В.С. Теоретико-правовой анализ мер принуждения по уголовному закону России : монография. Пермь, 2006. С. 45 ; Ведмидь С.Э. Цели уголовной ответственности // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. В 2 ч. Ч. 1 / отв. ред. В.И. Горобцов. Красноярск, 2004. С. 179 ; Щедрин Н.В. Введение в правовую теорию ... С. 34–36 ; Горобцов В.И. О понятии и целевых установках ... С. 35–36.

Если согласиться со вторым вариантом решения данной проблемы, то возникает ряд противоречий внутри самого уголовного закона. Например, как может быть привлечено к уголовной ответственности лицо, совершившее общественно опасное деяние в состоянии невменяемости (ст. 97–104 УК РФ), либо как формой реализации уголовной ответственности может быть «освобождение от уголовной ответственности» (ст. 75, 76, 90 УК РФ)?

Третья позиция, по сути, также не позволяет систематизировать меры уголовно-правового воздействия в связи с тем, что отнесение той или иной меры уголовно-правового воздействия к формам реализации уголовной ответственности либо исключение той или иной меры из разряда форм реализации уголовной ответственности принципиально не влияет ни на основания применения и отмены данной меры, ни на фактическое содержание предусмотренных ею правоограничений.

В связи с этим нельзя не упомянуть и другую позицию по данному вопросу. Так, Н.В. Щедрин отмечал, что развитие системы мер уголовно-правового воздействия «затрудняет „бородатая" дискуссия о понятии уголовной ответственности и формах ее реализации. Сама же категория „уголовная ответственность" создает ненужные коллизии на практике, а также порождает бесконечные споры в теории»[1].

Автор небезосновательно предлагал в принципе отказаться от использования понятия «уголовная ответственность». Вместо него, указывал Н.В. Щедрин, «можно использовать другие понятия, обобщающие все уголовно-правовые последствия совершения общественно опасного деяния: „уголовно-правовое воздействие", „меры уголовно-правового характера" или просто „уголовно-правовые санкции"»[2].

В связи с тем, что понятие и содержание уголовной ответственности в нормативных предписаниях уголовного закона не раскрываются (существуют лишь в доктрине), а меры уголовно-правового характера (как наказание, так и иные меры), напротив, существуют в форме конкретных правоограничений, за-

[1] Щедрин Н.В. Меры уголовно-правового характера // Актуальные проблемы уголовного права : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (3 марта 2010 г.) / Омская акад. МВД России. Омск, 2010. С. 67.

[2] Там же.

крепленных в тексте уголовного закона, считаем целесообразным более детально остановиться на рассмотрении конкретных правоограничений, входящих в содержание иных мер уголовно-правового характера.

Так, исходя из буквального толкования уголовного закона (ст. 2 УК РФ) к мерам уголовно-правового характера законодатель относит наказание и иные меры уголовно-правового характера. В таком контексте понятие «иные меры уголовно-правового характера» является лишь собирательным, объединяющим некую совокупность мер воздействия, закрепленных в Уголовном кодексе Российской Федерации, применяемых к лицам, совершившим преступление (общественно опасное деяние), и не являющихся наказанием. При этом к мерам воздействия следует относить те предписания уголовного закона, которые содержат механизм непосредственного сдерживания лица от совершения преступных посягательств и проявляются в выполнении лицом, совершившим преступление, определенных действий либо соблюдении специальных запретов, а также претерпевании правоограничений.

При этом уголовное законодательство предусматривает ряд способов освобождения от уголовной ответственности или наказания, которые в полной мере нельзя отнести к мерам воздействия на лицо, совершившее преступление, так как они не содержат механизма непосредственного воздействия, удерживающего лицо, совершившее преступление, или других лиц от совершения преступлений в будущем. Их скорее следует рассматривать как проявление принципа гуманизма со стороны государства.

К таким способом можно отнести освобождение от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности (ст. 78 УК РФ), освобождение от наказания в связи с изменением обстановки (ст. 80.1 УК РФ), освобождение от наказания в связи с болезнью (ст. 81 УК РФ), освобождение от отбывания наказания в связи с истечением сроков давности обвинительного приговора суда (ст. 83 УК РФ), амнистия (ст. 84 УК РФ), помилование (ст. 85 УК РФ).

Таким образом, понятие «иные меры уголовно-правового характера» объединяет в себе меры уголовно-правового воздействия, не являющиеся уголовным наказанием, но при этом состоящие в возложении на лицо конкретных правоограничений,

выполнении им необходимых действий либо соблюдении предписанных обязательств.

Изучение понятия «иные меры уголовно-правового характера» и места иных мер уголовно-правового характера в системе уголовно-правового воздействия позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, действующее уголовное законодательство фактически допускает применение в качестве правовых последствий преступления различных средств уголовно-правового воздействия, однако целостной системы данных мер ни в законодательстве, ни в теории уголовного права не сформировано. Иные меры уголовно-правового характера выступают альтернативой карательному воздействию наказания либо как дополнение к нему, однако не заменяют его и не используют карательный механизм, свойственный наказанию.

Во-вторых, использование словосочетания «иные меры уголовно-правового характера» одновременно в ст. 2, 3, 6, 7 УК РФ и в названии раздела VI УК РФ порождает ряд противоречий и не позволяет четко очертить круг мер, которые должны относиться к числу иных мер уголовно-правового характера. Таким образом, более целесообразным было бы использовать оборот «иные меры уголовно-правового характера» как собирательное понятие, обозначающее все меры воздействия, названные в уголовном законе, но не относящиеся к наказанию.

В-третьих, иные меры уголовно-правового характера обладают самостоятельным механизмом уголовно-правового воздействия, который является принципиально отличным от механизма воздействия наказания и характеризуется направленностью на устранение факторов, способствующих совершению преступлений, а также на решение других задач, не связанных с воздаянием лицу, совершившему преступление. К таким задачам следует относить: устранение причин и условий, способствующих совершению преступлений (наличие психического заболевания, заболевания алкоголизмом, наркоманией, токсикоманией, индивидуальная склонность лица к совершению преступления и т. д.), оказание воспитательного воздействия на лицо, поощрение правомерного поведения лица, совершившего преступление, восстановление материальных (экономических) отношений, нарушенных в результате совершения преступления.

Рассмотрение института иных мер уголовно-правового характера как самостоятельного элемента системы уголовно-правового воздействия и закрепление данного положения в законе позволят расширить круг мер, направленных на противодействие преступности, которые дополняли бы в этой деятельности наказание и позволили бы разнообразить систему мер уголовно-правового воздействия.

1.3. Иные меры уголовно-правового характера в уголовном праве зарубежных государств

Всестороннее рассмотрение иных мер уголовно-правового характера невозможно без исследования правового регулирования данного института в законодательстве зарубежных стран. Обращение к опыту правовой регламентации иных мер уголовно-правового характера в уголовном праве других государств, соотношению с соответствующими уголовно-правовыми нормами отечественного законодательства позволяет выявить особенности и приоритеты соответствующих норм, а также тенденции и перспективы развития института иных мер уголовно-правового характера.

Уголовному праву современных иностранных государств наряду с уголовной ответственностью и наказанием известны иные меры уголовно-правового характера, называемые иногда мерами безопасности.

В уголовном законодательстве большинства иностранных государств установлено, что, в отличие от наказания, меры безопасности не преследуют целей воздаяния или устрашения, а направлены на устранение «опасного состояния» лица, совершившего либо не совершившего, но могущего совершить общественно опасное деяние.

Институт мер безопасности в настоящее время признан и воспринят всеми законодательными системами и занимает в них прочные позиции, причем не только в континентальном, но и в общем праве[1].

[1] Щедрин Н.В. Введение в правовую теорию ... С. 24.

В иностранном уголовном праве иные меры уголовно-правового характера обозначены, в частности, как меры безопасности (Уголовный кодекс Польши), меры исправления и безопасности (Уголовный кодекс ФРГ), меры безопасности, предусматривающие лишение свободы (Уголовный кодекс Испании).

Перечень мер безопасности, их название и особенности применения регламентируются уголовным законодательством многих государств с учетом особенностей законодательной техники, целей и задач уголовного законодательства. Например, Уголовный кодекс Приднестровской Молдавской Республики, упоминая в ч. 2 ст. 2 иные меры уголовно-правового характера, фактически относит к ним лишь принудительные меры медицинского характера[1].

В 1908 году в Англии был принят Закон о предупреждении преступлений. Он ввел в английское право понятие «привычный преступник», а также регламентировал применение к таким лицам мер безопасности. Вердиктом присяжных или собственным признанием судом «привычным преступником» определялось лицо старше 16 лет, которое до совершения последнего преступления было, по крайней мере, три раза осуждено за подобное преступление и вело «бесчестную или преступную жизнь»[2].

Суд был вправе, осудив лицо за последнее преступление, приговорить его после этого к отбыванию превентивного заключения на срок от 5 до 10 лет, которое подлежало исполнению в тюрьме.

Законодательство Англии о «привычных преступниках» подвергалось неоднократным изменениям. Закон 1967 года об уголовной юстиции ввел «продленное» тюремное заключение для «привычных преступников». При назначении продленного срока лишения свободы суд учитывает следующие обстоятельства: а) с момента последнего осуждения не прошло 3 лет; б) наличие у лица не менее трех судимостей по достижении им 21 года; в) общий срок по предыдущему приговору составляет не менее 5 лет.

---

[1] Уголовный кодекс Приднестровской Молдавской Республики : ред. на 17 апр. 2026 г. URL: https://vspmr.org/ (дата обращения: 12.05.2026).

[2] Уголовное право зарубежных стран. Общая и Особенная части : учебник для магистров / Н.А. Голованова, В.Н. Еремин, М.А. Игнатова [и др.] ; под ред. Н.Е. Крыловой. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2013. С. 108.

Продолжительность наказания за данное преступление зависит от наказания за последнее преступление: если максимум (в случае вынесения неопределенного приговора) наказания был равен 5 годам или более, срок продленного приговора должен быть не менее 10 лет, если же наказание за преступление было менее 5 лет, продленный приговор мог достигать 5 лет тюремного заключения[1].

Одним из видов мер безопасности, применяемым к алкоголикам, является содержание в специальном заведении для алкоголиков.

Особое место занимает институт поручительства. Поручительство состоит в принятии на себя лицом обязательства хорошего поведения, с поручителями или без них. В случае невыполнения взятого обязательства лицо или его поручители обязаны внести в казну сумму, под которую они поручились. Ручательство может отбираться: а) у лица, уже совершившего преступление, в качестве дополнения к другому виду наказания; б) у лица, еще не совершившего преступление. Второе может быть двух видов: обязательство блюсти мир (*to keep the peace*) и обязательство вести себя должным образом (*to be good behaviour*). Обязательство о соблюдении мира может быть отобрано судом у любого лица в случае сделанного кем-либо под присягой заявления, что данное лицо может причинить ему или членам его семьи «физический вред». Ручательство вести себя должным образом может также отбираться у любого лица. Продолжительность срока, в течение которого лицо обязано «блюсти мир» или «вести себя должным образом», устанавливается по усмотрению суда, но не может превышать 1 года. Нарушение ручательства допускает применение меры наказания в виде тюремного заключения на срок до 6 месяцев[2].

Уголовному праву Франции также известно понятие «меры безопасности». Проект Уголовного кодекса Франции 1934 года предлагал тщательно разработанную систему мер безопасности,

---

[1] Уголовное законодательство зарубежный стран (Англии, США, Франции, Германии, Японии) : сб. законодат. материалов / под ред. И.Д. Козочкина. М., 2001. С. 42–45.

[2] Крылова Н.Е., Серебренникова А.В. Уголовное право зарубежных стран (Англия, США, Франция, Германия) : учеб. пособие. Изд. 2-е, перераб и доп. М., 1998. С. 175.

которая применялась бы параллельно с системой наказаний. Это не было воспринято французским уголовным правом, и на момент принятия Уголовного кодекса 1992 года какой-либо системы мер безопасности не существовало[1]. Можно лишь говорить о некоторых видах таких мер: 1) меры безопасности, официально признанные и применяемые в качестве таковых (меры воспитательного характера, применяемые к малолетним, совершившим общественно опасное деяние); 2) меры медицинского характера, применяемые к лицам, признанным невменяемыми в силу психического заболевания, к «опасным» алкоголикам, наркоманам и токсикоманам); 3) меры безопасности, функционирующие под видом наказаний (некоторые дополнительные наказания, например запрещение проживать в определенных местах, а также наказания, замещающие исправительное тюремное заключение, и др.); 4) меры безопасности, функционирующие в административном правовом режиме (помещение в психиатрическую больницу опасных психически больных, принудительное помещение на лечение больных венерическими заболеваниями, административное закрытие заведения, открытого публике или используемого ею, где были совершены нарушения законодательства об использовании наркотических средств, и т. д.); 5) меры безопасности, функционирующие в рамках отсрочки исполнения или назначения наказания с помещением в режим испытания или с предписанием либо в рамках условного освобождения.

Несмотря на официальный отказ от категории «мера безопасности», фактически она сохранена и в действующем Уголовном кодексе Франции[2]. Ярким примером служит применение к несовершеннолетним, совершившим общественно опасное деяние, «мер защиты, помощи, надзора и воспитания», которые по своей сути являются мерами безопасности в их традиционном понимании. Эти меры представлены в основном, в трех видах: 1) меры воспитательного характера, применяемые в условиях полной свободы: передача на воспитание семье, либо лицу, заслуживающему доверия, либо службе социальной помощи детству; 2) меры надзора, включающие наблюдение за условиями

[1] Там же.
[2] Там же.

жизни несовершеннолетнего, его поведением, окружением и т. п.; 3) помещение несовершеннолетнего в интернат: государственный или частный, медицинский или медико-психологический, со строгим наблюдением или корректирующим воспитанием – в зависимости от личности несовершеннолетнего.

Мерами безопасности являются также мероприятия, предусмотренные действующим Уголовным кодексом Франции в качестве обязательных при предоставлении отсрочки исполнения или назначения наказания с помещением осужденного в режим испытания, отсрочки исполнения наказания с возложением на осужденного обязанности выполнять труд в общественных интересах.

Статья 132-43 Уголовного кодекса Франции, закрепляющая институт отсрочки исполнения наказания с помещением осужденного в режим испытания, предусматривает: «В течение испытательного срока осужденный должен удовлетворять мерам контроля, предусмотренным ст. 132-44, и выполнять определенные, специально на него возложенные обязанности, предусмотренные ст. 132-45.

Помимо этого, осужденный пользуется мерами помощи, предназначенными для содействия его ресоциализации»[1].

Приведенная статья прямо говорит о «мерах контроля», «мерах помощи», целью которых является ресоциализация осужденного лица. К мерам контроля, которым должен подчиняться осужденный, действующий Уголовный кодекс Франции относит: обязанность осужденного отвечать на вызовы судьи по применению наказаний или уполномоченного по пробации, предоставлять сведения и документы, необходимые для осуществления контроля за источниками доходов осужденного, а также выполнением им своих обязанностей, предупреждать уполномоченного об изменении места жительства или места работы и т. п.

Кроме того, на осужденного могут быть специально возложены и другие обязанности: обязанность продолжить образование или профессиональную деятельность, проживать в опреде-

[1] Уголовное законодательство зарубежный стран ... С. 223.

ленном месте, пройти курс лечения, возместить полностью или частично ущерб, даже при отсутствии гражданского иска, не посещать места продажи спиртных напитков, не иметь оружия, не посещать других осужденных, в частности соисполнителей или соучастников, и т. п.

Осужденный, которому предоставлена отсрочка исполнения наказания, вправе воспользоваться мерами помощи, целью которых является «содействие усилиям осужденного по своей ресоциализации» (ст. 132-46 УК Франции)[1]. Эти меры выражаются в форме помощи общественного характера и, если это необходимо, в форме материальной помощи и осуществляются службой по пробации с привлечением любых общественных или частных организаций.

Меры исправления и безопасности представляют собой специфический институт уголовного права ФРГ. Их особенность состоит в том, что они являются особым правовым последствием и применяются не только тогда, когда виновность лица установлена судом и имеется приговор суда, но и в случае отсутствия виновности лица, например при помещении в психиатрическую больницу.

Меры исправления и безопасности в качестве превентивных мер были введены в Уголовный кодекс ФРГ в систему правовых последствий так называемым Законом о привычных преступниках от 24 ноября 1933 г. Суду предоставлялась возможность (§ 42а УК ФРГ) назначать меры безопасности наряду с наказанием или самостоятельно при отсутствии вины для устранения будущей опасности субъекта.

Казалось бы, уже то, что институт мер безопасности рожден фашистским правом, должно было повысить бдительность в отношении его либеральных правоведов ФРГ. Однако этого не произошло. За редчайшим исключением против мер безопасности голосов не слышно. Наоборот, система мер безопасности все время в законодательстве расширялась. Теоретики ее всячески превозносят как результативное средство ресоциализации «хронических» преступников, преступников «по влечению», политических преступников, как раннепрофилактическую меру.

[1] Крылова Н.Е., Серебренникова А.В. Указ соч. С. 177.

Вторая после подавления политических противников цель мер безопасности заключается в борьбе с рецидивной (крайне неудачно называемой «привычной») преступностью, третья – в профилактике преступности по аномальным влечениям: алкогольным, наркотическим, психоневротическим, сексопатическим и т. п., четвертая – в лечении невменяемых правонарушителей[1].

В целом же при применении мер исправления и безопасности, по мнению германских правоведов, наиболее полно нашли свое отражение цель ресоциализации и превентивные функции.

Среди правоведов ФРГ и российских правоведов, изучающих германское уголовное право, наблюдается неоднозначное отношение к мерам исправления и безопасности.

Так, один из крупнейших комментаторов германского Уголовного кодекса проф. К. Лакнер считает, что «в основе УК лежит двухколейная (дуалистическая) реакционная система. В ней меры (безопасности) наряду с наказанием образуют второй основной тип правовых последствий. В то время как наказание ограничено принципом вины и преследует превентивные цели только в ограниченном объеме, меры служат защите общества от опасного преступника...»[2].

К. Лакнер подчеркивает, «что в настоящее время проводится широкая дискуссия о преобразовании, ограничении или, вообще, об устранении системы мер в полном объеме»[3].

Н.Ф. Кузнецова отмечала также, что «ряд правоведов ФРГ говорит о кризисе „системы двухколейности" по ряду оснований. Во-первых, меры безопасности не основаны на виновности. Крайне спорен и не определен принцип констатации опасности лица вне его вины. Во-вторых, неясна правовая природа многих мер безопасности и поэтому их далеко не всегда можно отграничить от наказаний. В-третьих, многие из них более репрессивны, чем наказания»[4].

---

[1] Кузнецова Н.Ф. Избранные труды / предисл. В.Н. Кудрявцева. СПб., 2003. С. 638.

[2] Цит. по: Крылова Н.Е., Серебренникова А.В. Указ соч. С. 178.

[3] Там же.

[4] Преступление и наказание в Англии, США, Франции, ФРГ, Японии : Общая часть уголовного права / И. С. Власов, Н. Ф. Кузнецова, Н. А. Голованова [и др.] ; отв. ред. Н.Ф. Кузнецова. М., 1991. С. 112.

С этими утверждениями в целом можно согласиться. Однако следует подчеркнуть, что законодатель ФРГ не относит меры исправления и безопасности к наказанию и отличает их от дополнительных наказаний и дополнительных последствий. Хотя нормы о мерах исправления и безопасности расположены в разделе третьем Общей части Уголовного кодекса ФРГ «Правовые последствия деяния», они не смешиваются ни с одним из иных видов правовых последствий, а представляют собой самостоятельную группу норм, объединенных в главе шестой «Меры исправления и безопасности», в которых содержатся правовые предписания, определяющие не только систему этих мер, но и специфику данного института правовых последствий деяния, например последовательность их исполнения, замену одной меры другой в процессе исполнения, условную отсрочку мер исправления и безопасности и ряд других моментов. Это подчеркивает их своеобразие, так как для остальных наказаний указанные правовые предписания содержатся в иных главах рассматриваемого раздела, например в главе второй «Назначение наказания», главе четвертой «Условная отсрочка наказания».

Таким образом, немецкий законодатель даже терминологически проводит различие между наказанием и мерами исправления и безопасности, хотя, конечно, отличие в правовой природе наказаний и некоторых мер исправления и безопасности иногда бывает сложно рассмотреть. Определенная непоследовательность германского законодателя проявляется, на наш взгляд, в том, что если рассматривать Общую часть Уголовного кодекса ФРГ с системной точки зрения, то нормы о мерах исправления и безопасности, как уже отмечалось, он помещает в раздел «Правовые последствия деяния», хотя в ряде случаев лицо еще не было осуждено, а существует лишь вероятность вынесения обвинительного приговора в случае ожидаемого деяния (§ 62), в чем проявляется профилактическая функция применения таких мер. Перечень мер исправления и безопасности определен в § 61 Уголовного кодекса ФРГ и является исчерпывающим.

К ним относятся: 1) помещение в психиатрическую больницу; 2) помещение в лечебное заведение, специализирующееся на лечении от алкогольной и наркотической зависимости; 3) превентивное заключение; 4) установление надзора за поведением;

5) лишение водительских прав; 6) запрещение заниматься определенной профессиональной деятельностью[1].

В основе назначения всех указанных мер исправления и безопасности лежит принцип соответствия, установленный в § 62 Уголовного кодекса ФРГ, который заключается в соответствии назначаемой меры исправления и безопасности «совершенному лицом или ожидаемому от него деянию, также, как и степени исходящей от него опасности»[2].

Специфичным для германского уголовного права является то, что помимо мер исправления и безопасности, указанных в Уголовном кодексе ФРГ, существуют и меры, установленные в дополнительном уголовном праве (Nebenstrafrecht). Например, Закон о защите животных от 24 июля 1972 г. (§ 20) содержит такую меру, как запрет содержания животных любого или определенного вида. Специфические меры, применяемые к несовершеннолетним правонарушителям, установлены в молодежном уголовном праве (Jugendstrafrecht). К ним можно отнести, например, воспитательные и исправительные меры, предусмотренные Законом об отправлении правосудия по делам молодежи в редакции опубликования 11 декабря 1974 г. Система таких уголовно-правовых мер представляет собой определенные правовые последствия виновно совершенного деяния, которые не относятся ни к основным, ни к дополнительным наказаниям, ни к дополнительным последствиям. Такими мерами являются, помимо названных, «любые меры исправления и безопасности, конфискация имущества, изъятие предметов преступления, уничтожение орудий преступления и запрещенных к обороту вещей»[3].

Согласно Уголовному кодексу Италии общественно опасным признается лицо, включая и невменяемое или не подлежащее наказанию, которое совершило одно из деяний, предусмотренных законом как уголовное правонарушение. При определе-

---

[1] Уголовное право зарубежных государств. Общая часть : учебник для вузов / А.В. Наумов, А.Г. Кибальник, С. Боронбеков [и др.] ; под ред. А.В. Наумова, А.Г. Кибальника. М., 2020. С. 199. (Высшее образование).

[2] Уголовный кодекс ФРГ / пер. и предисл. А.В. Серебренниковой. М., 2000. С. 35–36.

[3] Жалинский А.Э. Современное немецкое уголовное право. М., 2006. С. 317.

нии общественной опасности лица учитываются не только его психическое состояние, но и мотив уже совершенного преступления, характер преступника, его поведение во время и после правонарушения.

Согласно ч. 3 ст. 25 Конституции Италии никто не может быть подвергнут мере безопасности, не предусмотренной действующим уголовным законом.

Меры безопасности по Уголовному кодексу Италии подразделяются на личные, связанные и не связанные с ограничением свободы, и имущественные.

К личным мерам безопасности, связанным с ограничением свободы, относятся: 1) направление в сельскохозяйственное поселение или в трудовое учреждение; 2) помещение в специальное лечебное учреждение; 3) помещение в специальное психиатрическое учреждение; 4) помещение в реформаторий.

Личными мерами безопасности, не связанными с ограничением свободы, являются: 1) надзор; 2) запрет на проживание в одной или нескольких коммунах либо в одной или нескольких провинциях; 3) запрет на посещение таверн и мест, где идет торговля алкогольными напитками; 4) высылка иностранца из государства[1].

Минимальная продолжительность меры безопасности при направлении в сельскохозяйственное или трудовое учреждение устанавливается 1 год, для привычных преступников – 2 года, а для профессиональных преступников – 3 года, для лиц, склонивших к совершению преступления, – 4 года (ст. 217 Уголовного кодекса Италии).

Длительность нахождения в лечебном заведении итальянский закон связывает в первую очередь с тяжестью совершенного деяния, а не с состоянием здоровья лица.

В современных условиях применение таких мер безопасности, как помещение в лечебное заведение больных лиц, совершивших уголовно наказуемое правонарушение, по мнению Н.П. Мелешко и Е.Г. Тарло, вполне оправданно[2].

---

[1] Уголовное право зарубежных государств ... С. 214.

[2] Мелешко Н.П., Тарло Е.Г. Уголовно-правовые системы России и зарубежных стран (криминологические проблемы сравнительного правоведения, теории, законодательная и правоприменительная практика). М., 2003. С. 86.

Помещение в реформаторий является специальной мерой для несовершеннолетних, продолжительность которой должна быть не менее 1 года (ст. 223 Уголовного кодекса Италии).

В отношении несовершеннолетних, не достигших возраста 18 лет и являющихся привычными преступниками, профессиональными преступниками или лицами, склонными к совершению преступлений, всегда применяется мера безопасности в виде помещения в реформаторий сроком не менее 3 лет (ст. 226 Уголовного кодекса Италии).

Если наказание за совершенное деяние предусмотрено в виде лишения свободы на срок не менее 10 лет, то минимальный срок меры безопасности устанавливается в 5 лет. Это положение применяется также к лицам в возрасте от 14 до 18 лет, оправданным по причине возраста, если они совершили деяние, отнесенное законом к уголовному правонарушению.

К имущественным мерам безопасности относятся: 1) залог, как гарантия надлежащего поведения; 2) конфискация.

Значительный интерес представляют положения уголовного законодательства Испании, где меры безопасности подразделяются на меры, предусматривающие лишение свободы и не предусматривающие лишение свободы. При этом назначение того или иного вида мер безопасности зависит от вида и от размера возможного наказания, предусмотренного в санкции статьи за конкретное преступление. Если в статье не предусматривается лишение свободы, суд или трибунал может назначить только ту меру безопасности, которая не связана с лишением свободы. Примечательным является и тот факт, что в Уголовном кодексе Испании регламентированы случаи конкуренции наказания и мер безопасности с изоляцией от общества, которая разрешается судом или трибуналом в пользу назначения мер безопасности с зачетом их в срок исполнения наказания.

Так, к лицу, совершившему уголовное деяние по причине какого-либо психического отклонения или нарушения, в результате которого оно не могло осознавать противоправности совершаемого им деяния либо не могло руководить своими действиями, согласно ст. 101 Уголовного кодекса Испании применяются меры безопасности.

В Уголовном кодексе Эстонии в перечень иных мер воздействия входят: 1) конфискация средства и непосредственного объекта совершения виновного деяния (ст. 83–83.2); 2) принудительное психиатрическое лечение (ст. 86); 3) меры воздействия, применяемые к несовершеннолетним (ст. 87); 4) контроль за поведением после отбытия наказания (ст. 87.1)[1].

В уголовном законодательстве стран СНГ меры уголовно-правового характера названы, но, как и в отечественном законодательстве, не раскрывается их содержание (Уголовный кодекс Республики Казахстан, Уголовный кодекс Республики Узбекистан, Уголовный кодекс Республики Азербайджан). Более точно такие меры указаны в ч. 2 ст. 2 Уголовного кодекса Республики Армения и названы как иные меры уголовно-правового воздействия.

Этим подчеркивается их общность с уголовной ответственностью и наказанием. На различие в правовой природе уголовной ответственности и наказания обратил внимание законодатель Республики Беларусь, закрепив в ч. 1 ст. 1 УК термины «наказание» и «иные меры уголовной ответственности». Самостоятельное место в Уголовном кодексе Республики Беларусь занимают нормы о принудительных мерах безопасности и лечения в отношении лиц, совершивших общественно опасные деяния. Данные меры могут применяться к лицу, признанному невменяемым (ч. 2 ст. 28 Уголовного кодекса Республики Беларусь), или в случае совершения преступления лицом, страдающим хроническим алкоголизмом, наркоманией или токсикоманией (ч. 2 ст. 30 Уголовного кодекса Республики Беларусь)[2].

Уголовный кодекс Республики Молдова содержит главу X «Меры безопасности». Меры безопасности имеют целью устранение опасности и предупреждение совершения деяний, предусмотренных уголовным законом (ч. 1 ст. 98). К мерам безопасности, по Уголовному кодексу Республики Молдова, относятся: 1) принудительные меры медицинского характера; 2) принудительные меры

---

[1] Уголовный кодекс Эстонской Республики / науч. ред. и пер. с эстон. В.В. Запевалова. СПб., 2001.

[2] Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З : текст с изм. и доп. на 22 окт. 2025 г. URL: https://pravo.bu/document/?guid=3871&p0=HK9900275 (дата обращения: 12.05.2026).

воспитательного характера; 3) высылка, применяемая к иностранным гражданам и лицам без гражданства, осужденным за совершение преступления; 4) специальная конфискация[1].

Существенный интерес представляет опыт уголовно-правового регулирования иных мер уголовно-правового характера в Республике Казахстан. Законодатель Республики Казахстан предусмотрел дополнительные наказания, которые применимы как за проступки, так и за преступления: 1) конфискация имущества; 2) выдворение за пределы Республики Казахстан иностранца или лица без гражданства[2].

Перечень уголовных наказаний, установленный законодателем, является исчерпывающим. Суд может назначить только тот вид наказания, который закреплен в Уголовном кодексе Республики Казахстан.

Конфискация, пожалуй, единственный сегодня вид правовой санкции, законодательное закрепление и применение которой прямо предписано международным правом как обязанность государств. Ее особое положение объясняется той ролью, которую отводит ей мировое сообщество в борьбе с такими видами транснациональной организованной преступности, как терроризм, наркоторговля, легализация преступных доходов и коррупция.

Возлагая на государства-участники обязанность предусмотреть в своих законодательствах рассматриваемую меру, международные конвенции тем не менее оставляют национальным законодателям широкий простор для самостоятельного определения ее юридического формата в соответствии с местными правовыми традициями.

Так, в ст. 1 Конвенции об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности 1990 года установлено, что термин «конфискация» означает не только

[1] Уголовный кодекс Республики Молдова от 18 апреля 2002 г. № 985-XV : текст с изм. и доп. на 21 марта 2026 г. URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30394923#pos=6:-142 (дата обращения: 12.05.2026).

[2] Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V : текст с изм. и доп. на 2 июля 2026 г. URL: http://online.zakon.kz/Document/ (дата обращения: 14.01.2026).

наказание, но и «меру, назначенную судом в результате судопроизводства по уголовному делу или уголовным делам и состоящую в лишении имущества» (п. 1)[1].

Из текстов международно-правовых документов со всей определенностью следует, что обязанностью государств-участников являются закрепление и применение института специальной (а отнюдь не общей) конфискации.

Приведем характерный пример: в соответствии со ст. 12 Конвенции против транснациональной организованной преступности 2000 года государства – участники этой Конвенции принимают в максимальной степени, возможной в рамках их внутренних правовых систем такие меры, которые могут потребоваться для обеспечения возможности конфискации как доходов от преступлений, так и имущества, оборудования или других средств, использовавшихся или предназначавшихся для использования при совершении преступлений (п. 1)[2].

В том что касается уголовно-правовой конфискации, вышеприведенные формулировки международных конвенций весьма четко отражают реалии, сложившиеся в современных уголовно-правовых системах[3].

Почти повсеместно применявшаяся еще в недавнем прошлом к настоящему моменту общая конфискация имущества исключена из уголовного законодательства подавляющего большинства государств мира. Во многих странах она прямо запрещена конституцией.

В Азербайджане и Грузии Конституционным судом этот вид наказания был признан противоречащим Конституции. В решении Конституционного суда Грузии (от 21 июля 1997 г. № 1/51) отмечается: «В условиях развития в Грузии свободного пред-

---

[1] Конвенция об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности : закл. в г. Страсбурге 8 ноября 1990 г. : с изм. от 16 мая 2005 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Конвенция против транснациональной организованной преступности : принята в г. Нью-Йорке 15 ноября 2000 г. Резолюцией 55/25 на 62-ом пленарном заседании 55-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН : с изм. от 15 нояб. 2000 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] Уголовное право. Особенная часть : учебник для вузов / под ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамовой, Г.П. Новосёлова. М., 2008. С. 321.

принимательства стало возможным конституционное утверждение защиты права собственности...

Введение в ранг закона конфискации имущества – проявление незащищенности права собственности. Конфискация имущества, предусмотренная ст. 23 Уголовного кодекса Грузии, не соответствует требованиям к отчуждению собственности, установленным п. 3 ст. 21 Конституции Грузии, поскольку одним из обязательных условий отчуждения является равноценное возмещение»[1]. Вынося это постановление, Конституционный суд Грузии основывался именно на том, что норма Уголовного кодекса о конфискации не предусматривала равноценного возмещения, а значит, нарушалась ст. 21 Конституции Грузии.

В настоящее время общая конфискация имущества сохраняется в законодательстве относительно небольшого числа стран. В Киргизии и Узбекистане она была упразднена как вид наказания в 2001 году

Во Франции эта разновидность конфискации носит исключительный характер и предусматривается только за преступления против человечества, а также за незаконные производство, ввоз или вывоз наркотиков.

В Армении конфискация имущества предусмотрена в Уголовном кодексе 2003 года как вид наказания (ст. 55), однако с важной оговоркой: «Размер конфискуемого имущества не может превышать размера имущественного вреда, причиненного преступлением, или размера выгоды, полученной преступным путем»[2].

Анализ уголовных кодексов зарубежных стран показал, что конфискация имущества активно применяется за совершение преступлений в сфере экономической деятельности. В странах СНГ, Эстонской Республике, Республике Латвия конфискация выступает в качестве наказания и включена в санкции норм за преступления в сфере экономической деятельности.

В Уголовном кодексе Эстонии предпочтение отдается специальной конфискации, направленной на изъятие орудий пре-

[1] Законодательный вестник Грузии. URL: https://matsne.gov.ge/ru/ (дата обращения: 12.05.2026).

[2] Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть : учебник / Л.В. Иногамова-Хегай, А.И. Рарог, А.И. Чучаев. М. : ИНФРА-М, 2009. С. 181.

ступлений, предметов и полученных в результате преступных деяний материальных ценностей и выгод имущественного характера, перечисленных в ч. 2 ст. 33 Уголовного кодекса Эстонии[1].

В части 4 ст. 72 Уголовного кодекса Литовской Республики предусматривается возможность конфискации имущества, принадлежащего юридическому лицу, а также допускается применение такой уголовно-правовой меры и к несовершеннолетним в тех случаях, когда это имущество, добытое преступным путем, передается данным лицам[2].

В § 34 Уголовного кодекса Норвегии говорится о том, что «любой доход, полученный в результате уголовно наказуемого деяния, должен быть изъят. Изъятие осуществляется, даже если нарушитель закона не может быть наказан, поскольку был невменяем (§ 44 или 46) или вина не была доказана»[3]. В соответствии с § 73с Уголовного кодекса ФРГ «конфискация не назначается, если она является неоправданно жестокой мерой по отношению к тому лицу, у которого производится конфискация, а также если ко времени решения вопроса об этом в имуществе у данного лица нет предметов, приобретенных преступлением, или если приобретенное имеет лишь незначительную ценность»[4].

Сравнивая институты принудительных мер медицинского характера в зарубежном и российском уголовном праве, необходимо отметить, что в законодательстве иностранных государств принудительные меры медицинского характера – меры безопасности – оцениваются их сторонниками как воплощение идеи ресоциализации, как ранние профилактические меры. Например, меры безопасности могут применяться к лицам, совершившим не уголовно наказуемое деяние, а просто противоправное деяние. Такое положение, по нашему мнению, выходит за рамки уголовного права и нарушает права человека.

---

[1] Уголовный кодекс Эстонской Республики …

[2] Уголовный кодекс Литовской Республики / науч. ред. В. Павилонис. СПб., 2002. С.187.

[3] Уголовное законодательство Норвегии / под ред. Ю.В. Голика. СПб., 2003. С. 171.

[4] Уголовный кодекс ФРГ / пер. и предисл. А.В. Серебренниковой. М., 2000. С. 147.

В соответствии с российским уголовным правом принудительные меры медицинского характера применяются только к лицам, совершившим запрещенное законом общественно опасное деяние в состоянии невменяемости или ограниченной вменяемости, или к тем, у кого после совершения преступления наступило психическое расстройство, делающее невозможным назначение или исполнение наказания.

Аналогичный российскому подход у законодателей Республики Таджикистан и Республики Казахстан. Так в Уголовном кодексе Республики Таджикистан предусмотрен раздел VI «Принудительные меры медицинского характера», включающий главу «Цели, основания, назначения и порядок применения принудительных мер медицинского характера»[1], а в Уголовном кодексе Республики Казахстан – раздел VII «Принудительные меры медицинского характера»[2]. Оба раздела практически идентичны разделу VI УК РФ на момент принятия Уголовного кодекса Российской Федерации.

Ряд отечественных авторов также определяют принудительные меры медицинского характера как меры безопасности (социально-правовые и медико-реабилитационные)[3]. Данная позиция вызывает возражение. В действующем российском уголовном законе понятие «меры безопасности» отсутствует, поэтому они не могут быть признаны уголовно-правовым понятием. Применение такого термина противоречит ч. 2 ст. 2 УК РФ, в которой в качестве средств достижения задач уголовного закона, наряду с наказанием, называются иные меры уголовно-правового характера[4].

---

[1] Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 г. № 574 : текст с изм. и доп. на 17 июня 2026 г. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397325 (дата обращения: 14.01.2026).

[2] Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V : текст с изм. и доп. на 2 июля 2026 г. URL: http://online.zakon.kz/Document/ (дата обращения: 14.08.2026).

[3] Принудительные меры медицинского характера в уголовном праве – социально-правовые и медико-реабилитационные меры безопасности / Р.И. Михеев, А.В. Беловодский, В.А. Воробей, О.Р. Михеев. Владивосток, 2000. С. 24.

[4] Говрунова А.И. Сравнительно-правовой анализ регулирования принудительных мер медицинского характера в российском и зарубежном законодательстве // Общество и право. 2008. № 3. С. 24.

В уголовном праве зарубежных государств, так же, как и в отечественном уголовном праве, психически больных лиц, к которым могут быть применены уголовно-правовые меры, подразделяют на несколько категорий. Чаще всего выделяют следующие категории: а) лица, признанные решением суда невменяемыми в момент совершения общественно опасного деяния; б) лица, у которых после совершения преступления либо назначения наказания наступило психическое расстройство, лишающее их способности сознавать свои действия или руководить ими.

Например, ст. 98 Уголовного кодекса Литовской Республики предусматривает применение принудительных медицинских мер к лицам, признанным судом невменяемыми или ограниченно вменяемыми, а также к лицам, у которых после совершения преступления либо назначения наказания наступило психическое расстройство, лишающее их способности осознавать свои действия или руководить ими[1].

В Великобритании к лицам, совершившим преступление и страдающим алкоголизмом, может быть применена такая мера безопасности, как содержание в специальном заведении для наркологических пациентов. Суд вправе направить лицо в подобное заведение на срок до 3 лет в том случае, если: а) лицо осуждено за преступление, преследуемое по обвинительному акту; б) суд признает, что преступление было совершено под влиянием опьянения и сам преступник или присяжные считают, что он привычный пьяница. По режиму такое учреждение мало чем отличается от тюремного заключения. Именно поэтому тюремное заключение может заменяться содержанием в заведении для наркологических больных. В отношении лиц, страдающих психическими (но не наркологическими) расстройствами, в Великобритании применяется интернирование в специальное учреждение, однако только в отношении лиц, совершивших общественно опасные деяния и признанных невменяемыми по правилам Макнатена. Решение о направлении в такое учреждение может быть вынесено: а) до открытия главного производства решением присяжных заседателей о неспособности лица участ-

[1] Уголовный кодекс Литовской Республики ...

вовать в процессе; б) в результате главного производства вердиктом «виновен, но невменяем».

По уголовному праву Германии к психически больным, совершившим противоправное деяние, применяются меры безопасности двух видов: а) связанные с лишением свободы в виде помещения лица в психиатрическую больницу и б) не связанные с лишением свободы вследствие установления надзора за ними[1].

Согласно Уголовному кодексу ФРГ помещение в психиатрическую больницу (§ 63) возможно при наличии ряда условий: а) совершение противоправного деяния (преступления или проступка) в состоянии невменяемости (§ 20) или уменьшенной вменяемости (§ 21); б) если из общей оценки лица и его деяния следует, что от него, вследствие его состояния, можно ожидать серьезных противоправных деяний и поэтому оно опасно для общества. Таким образом, должна существовать вероятность совершения лицом противоправных деяний в будущем. Следует отметить, что при помещении в психиатрическую больницу невменяемого липа (§ 20) данная мера назначается без учета виновности лица, так как оно действует без вины, хотя и выполняет состав закона, предусмотренного в Уголовном кодексе, что характерно для германской уголовно-правовой концепции. Если лицо действует в состоянии уменьшенной вменяемости (§ 21), то наказание ему может быть смягчено и наряду с наказанием лицу назначается рассматриваемая мера.

Для помещения в лечебное заведение для алкоголиков и наркоманов (§ 64) необходимо соблюдение следующих условий: а) наличие склонности к чрезмерному употреблению спиртных напитков или других одурманивающих средств; б) осуждение за противоправное деяние (преступление или проступок), совершенное им в таком состоянии или в результате этой склонности, либо отсутствие осуждения только потому, что лицо было в состоянии невменяемости, которая доказана или не исключена; в) имеется опасность, что вследствие такой склонности лицо способно совершить в будущем серьезные противоправные деяния[2].

---

[1] Жалинский А.Э. Указ соч. С. 318.

[2] Крылова И.В., Серебренникова А.В. Указ. соч. С. 173–175.

Следует выделить ряд признаков, характерных для указанных мер.

Во-первых, если рассматривать последовательность исполнения меры безопасности (помещение в психиатрическую больницу, помещение в лечебное заведение для алкоголиков или наркоманов) и наказания, то можно отметить, что мера безопасности исполняется, как правило, до наказания, если суд устанавливает, что она достигается таким образом легче (§ 67).

Во-вторых, в процессе отбывания таких мер, как помещение в психиатрическую больницу, лечебное заведение для алкоголиков или наркоманов, возможна замена одной меры другой, если ресоциализация этого лица может быть таким образом достигнута лучше (абз. 1 § 67a).

В-третьих, в большинстве случаев при назначении меры безопасности – помещение в психиатрическую больницу или лечебное заведение для алкоголиков и наркоманов – суд принимает решение об условной отсрочке этой меры, если «особые обстоятельства дают основания полагать, что цель этой меры может быть достигнута и таким образом». В таких случаях над лицом устанавливается надзор (абз. 1, 2 § 67b).

В-четвертых, если наказание в виде лишения свободы исполняется перед указанной выше мерой или одновременно с ней, то суд перед окончанием отбывания наказания в виде лишения свободы устанавливает, требуется ли применение этой меры для достижения ее целей. Если этого не требуется, то суд назначает условную отсрочку этой меры, а над лицом устанавливается надзор (абз. 1 § 67c).

В статье 43 Уголовного кодекса Швейцарии сказано, что суд может вынести предписание о помещении душевнобольного, совершившего деяние, за которое возложено наказание каторжной тюрьмой или тюремным заключением, в лечебное учреждение или приют, если указанному лицу требуется врачебное наблюдение или особый уход[1].

Целью данной меры является также предотвращение или уменьшение опасности совершения новых противоправных дея-

[1] Уголовный кодекс Швейцарии / науч. ред., предис. и пер. с нем. канд. юрид. наук А.В. Серебренниковой. СПб., 2002. С. 100.

ний. И в Германии, и в Швейцарии режим мер безопасности, применяемый к психически больному, определяется степенью его опасности.

Так, в Швейцарии, если психически больной не представляет угрозы для общества, он может направляться судьей на амбулаторное лечение. В Германии же суд, назначая помещение в психиатрическую больницу, может одновременно постановить об условной отсрочке этой меры при наличии особых обстоятельств, дающих основания полагать, что цель этой меры может быть достигнута и без ее осуществления, но тогда за таким лицом обязательно устанавливается надзор.

Вместе с тем в Уголовном кодексе Швейцарии предусмотрено, что если психически больной общественно опасен или же амбулаторное лечение в отношении его не достигает своей цели и лицо будет представлять опасность для общества, то судья должен вынести распоряжение о применении к нему интернирования в специальное лечебное учреждение или решение о помещении в приют.

В большинстве уголовных кодексов стран постсоветского пространства анализируемые меры выделены в качестве самостоятельного института и именуются принудительными мерами медицинского характера.

Уголовные кодексы всех стран ближнего зарубежья предусматривают применение принудительных мер медицинского характера к лицам, совершившим общественно опасное деяние в состоянии невменяемости либо приобретшим психическое заболевание, лишающее возможности сознавать свои действия или руководить ими, до постановления приговора или во время отбывания наказания. Еще одной категорией лиц, к которым могут быть применены принудительные меры медицинского характера, являются лица, совершившие общественно опасное деяние и страдающие психическим заболеванием, не исключающим вменяемости (ограниченно либо уменьшенно вменяемые лица).

В Уголовном кодексе Республики Беларусь содержится раздел IV «Принудительные меры безопасности и лечения»[1]. В ста-

[1] Уголовный кодекс Республики Беларусь : научно-практический комментарий / Т.П. Афонченко [и др.]. под ред. В.М. Хомича, В.В. Марчука. Минск, 2019. С. 240.

тье 100 Уголовного кодекса Республики Беларусь закреплено, что принудительные меры безопасности и лечения могут быть назначены судом в отношении психически больных, совершивших общественно опасные деяния, лиц, признанных уменьшенно вменяемыми, лиц, страдающих хроническим алкоголизмом, наркоманией или токсикоманией. При этом цели их применения Кодекс определяет исходя из перечисленных категорий лиц, что является, на наш взгляд, положительным опытом.

В Уголовном кодексе Республики Молдова принудительные меры медицинского характера отнесены к мерам безопасности (ст. 98), которые могут быть применены к лицам, совершившим деяния, предусмотренные уголовным законом, в состоянии невменяемости или совершившим подобные деяния в состоянии вменяемости, но до вынесения приговора или во время отбывания наказания заболевшим психической болезнью, лишающей их возможности осознавать значение своих действий или руководить ими[1]. Лечение лица в качестве цели принудительных мер медицинского характера не указано.

В соответствии со ст. 94 Уголовного кодекса Туркменистана принудительные меры медицинского характера могут быть назначены судом лицам: а) совершившим деяния, предусмотренные уголовным законом, в состоянии невменяемости; б) заболевшим после совершения преступления психическими расстройствами, делающими невозможным назначение или исполнение наказания[2].

В то же время уголовные законы Туркменистана, Узбекистана, Эстонии не содержат положений о применении принудительных мер медицинского характера к ограниченно либо уменьшенно вменяемым лицам.

В соответствии с Уголовными кодексами Азербайджанской Республики, Грузии, Республики Армения, Республики Казахстан, Республики Молдова, Республики Таджикистан, Республики Узбекистан и Туркменистана, а также Республики Беларусь принудительные меры медицинского характера могут приме-

[1] Уголовный кодекс Республики Молдова ...

[2] Уголовный кодекс Туркменистана от 12 июня 1997 года № 222-I : текст с изм. и доп. на 17 апр. 2022 г. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31295286&pos=1061;-46#pos=1061;-46 (дата обращения: 10.01.2026).

няться к лицам, страдающим алкогольной, наркотической зависимостью или токсикоманией. В свою очередь, данная категория лиц исключена из Уголовного кодекса Российской Федерации, не содержится в аналогичных законах Украины, Латвии, Литвы и Эстонии.

Уголовный кодекс Кыргызской Республики (ст. 121) содержит положения о лечении лиц, страдающих психическим заболеванием, не исключающим вменяемости, а также алкоголизмом, наркоманией или токсикоманией[1].

В уголовных законах некоторых стран указываются и иные категории лиц, к которым может быть применено принудительное лечение. Так, Уголовные кодексы Кыргызской Республики (ст. 121) и Республики Таджикистан (п. «г» ч. 1 ст. 97) закрепляют возможность применения мер медицинского характера к лицам, страдающим туберкулезом[2].

В Уголовном кодексе Российской Федерации в качестве отдельной категории выделены лица, совершившие в возрасте старше 18 лет преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, не достигшего 14-летнего возраста, и страдающие расстройством сексуального предпочтения (педофилия), не исключающим вменяемости.

Критерием классификации принудительных мер медицинского характера во всех странах ближнего зарубежья выступает тип медицинского учреждения. В большинстве уголовных законов зарубежных стран, выделяется амбулаторное наблюдение и стационарное лечение с дифференциацией на различные режимы. Уголовные кодексы Республики Молдова и Эстонской Республики предусматривают только стационарное принудительное лечение.

Отсутствие амбулаторного наблюдения как вида анализируемых мер ведет к помещению в стационар лиц, психическое состояние которых позволяет наблюдать их в амбулаторном по-

[1] Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 г. № 127 : с изм. и доп. на 9 авг. 2022 г. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36675065&pos=1286;58#pos=1286;58 (дата обращения: 10.01.2026).

[2] Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 г. № 574 : с изм. и доп. на 24 дек. 2022 г. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397325&pos=830;-44#pos=830;-44 (дата обращения: 10.01.2026).

рядке. На основе анализа уголовных законов государств бывшего СССР можно сделать вывод о схожих основаниях и порядке назначения принудительных мер медицинского характера.

При назначении принудительных мер медицинского характера и выборе их вида суд учитывает психическое состояние лица, характер и степень общественной опасности совершенного им деяния. Эти меры применяются к лицу, совершившему наказуемое деяние в состоянии невменяемости и не привлекающемуся к уголовной ответственности, либо предшествуют назначенному наказанию (например, лицам, совершившим деяние в состоянии уменьшенной или ограниченной вменяемости), либо применяются параллельно с отбыванием лицом назначенного наказания.

В уголовных законах государств ближнего зарубежья применение принудительных мер медицинского характера не ограничивается каким-либо сроком. Наиболее удачно, по мнению А.М. Марковой, это отражено в п. 6 ст. 98 Уголовного кодекса Литовской Республики: «Суд не устанавливает сроков применения принудительных медицинских мер. Они применяются до тех пор, пока лицо не выздоравливает либо [не] улучшается его психическое состояние и лицо перестает быть опасным»[1].

Продление, изменение и прекращение принудительных мер медицинского характера осуществляется на основании заключения медиков о состоянии здоровья лица.

В целом, исследовав нормы о принудительных мерах медицинского характера в странах ближнего зарубежья, можем отметить общий подход к пониманию законодателем анализируемого института уголовного права.

Проведенное исследование дает основания полагать, что нормы Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующие применеие иных мер уголовно-правового характера, могут быть усовершенствованы с учетом опыта регулирования сходных отношений в уголовном законодательстве зарубежных стран.

---

[1] Маркова А.М. Принудительные меры медицинского характера в уголовном законодательстве стран ближнего зарубежья // Журнал Белорусского государственного университета. Право. 2017. № 1. С. 114.

2. ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ МЕДИЦИНСКОГО ХАРАКТЕРА

2.1. Основания и порядок применения принудительных мер медицинского характера

Уголовная ответственность и уголовное наказание не могут в полной мере обеспечить соблюдение уголовно-правовых запретов, так как общественно опасные деяния совершаются не только физическими вменяемыми лицами, достигшими возраста уголовной ответственности, но и лицами, не подлежащими уголовной ответственности в силу невменяемости. Кроме того, после совершения преступления у лиц могут возникнуть различные психические расстройства, препятствующие применению наказания, преступления могут совершаться лицами, страдающими психическими расстройствами, не исключающими вменяемости, о которых речь идет в ст. 22 УК РФ. В целях предупреждения нарушения уголовно-правовых запретов к этим лицам применяются принудительные меры медицинского характера в соответствии с нормами, изложенными в главе 15 УК РФ.

Принудительные меры медицинского характера выражаются в принудительном психиатрическом наблюдении и лечении. Они регламентированы уголовным законодательством и применяются судом на основании заключения судебно-психиатрической экспертизы к лицам, страдающим определенными психическими расстройствами и совершившим деяния, предусмотренные статьями Особенной части УК РФ.

Действующее уголовное законодательство не содержит определения понятия принудительных мер медицинского характера. В науке даются различные его определения, которые с разной степенью полноты раскрывают существенные признаки указанных мер, подчеркивая их юридическое и медицинское содержание.

Принудительные меры медицинского характера можно охарактеризовать как указанные в уголовном законе меры, применяемые к совершившим предусмотренные статьями Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации деяния лицам, страдающим психическими расстройствами, с целью их излечения или улучшения их психического состояния и предупреждения антиобщественного поведения.

Несмотря на то что принудительные меры медицинского характера являются разновидностью мер уголовно-правового характера и назначаются судом, к мерам уголовного наказания они не относятся, поскольку не содержат элемента кары, так как: а) в них нет возмездия за совершенное преступление; б) не выражают отрицательной оценки государства общественно опасных действий лиц, находящихся в состоянии психического расстройства; в) не направлены на исправление указанных лиц и восстановление социальной справедливости; г) их продолжительность не зависит от опасности совершенного деяния; д) не влекут судимости.

В статье 97 УК РФ выделяются три основания для применения принудительных мер медицинского характера.

1. Уголовно-правовое основание применения связано с совершением лицом преступления или сходного с ним по степени опасности для общества иного деяния. Малозначительное деяние, не представляющее общественной опасности (ч. 2 ст. 14 УК РФ), не влечет применения к лицу, его совершившему, принудительных мер медицинского характера.

2. Медицинским основанием применения принудительных мер медицинского характера служит такое психическое расстройство лица, которое связано с возможностью причинения им существенного вреда либо с опасностью для себя или других лиц.

К числу таких лиц относятся лица, признанные невменяемыми (п. «а» ч. 1 ст. 97 УК РФ). Эти лица в силу болезненного состояния психики неспособны осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими (ст. 21 УК РФ).

Не применяются принудительные меры медицинского характера к лицам, совершившим общественно опасное деяние в состоянии патологического аффекта, патологического опьянения.

Принудительные меры медицинского характера могут быть применены к лицам, которые совершили преступление, а затем до суда, во время судебного разбирательства либо в период отбывания наказания у них развилось психическое расстройство, делающее невозможным назначение или исполнение в отношении их наказания.

3. Уголовно-процессуальным основанием применения при-

нудительных мер медицинского характера является постановление суда об освобождении лица от уголовной ответственности или от наказания и о применении к нему принудительных мер медицинского характера в соответствии со ст. 21 и ст. 81 УК РФ (ст. 443 УПК РФ).

Решение о применении принудительного лечения является правом суда, а не его обязанностью. Оно может применяться только в двух случаях: когда лицо помимо совершения им общественно опасного деяния в связи с психическим расстройством способно причинить еще и другой существенный вред (уничтожить имущество, поджечь дом, лишить жизни) или по своему состоянию и поведению представляет опасность для самого себя или других лиц (вспышки агрессивности, неуправляемость, бредовые состояния и т. п.).

Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 21 мая 2013 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности частей второй и четвертой статьи 443 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.А. Первова и запросом мирового судьи судебного участка № 43 города Кургана»[1] указал, что законодатель не обязан исчерпывающим образом разъяснять понятие «опасность для себя или окружающих», поскольку вряд ли возможно охватить в законе все разнообразие состояний, которые включают в себя психиатрические риски, тем более, если закон требует, чтобы суды проводили проверку всех дел о недобровольном помещении в психиатрический стационар на основании медицинских данных, что является важной гарантией от произвола.

Таким образом, суды, решая вопрос о применении принудительных мер медицинского характера, не только должны исходить из оценки психического состояния лица в момент совершения общественно опасного деяния, но и уметь прогнозировать его поведение с точки зрения потенциальной опасности для общества.

Если такие лица по своему психическому состоянию не представляют опасности для себя или других лиц, суд может

[1] URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201305230002 (дата обращения: 12.05.2026).

принять решение о нецелесообразности применения к ним принудительных мер медицинского характера и передать необходимые материалы о состоянии их здоровья в органы здравоохранения для решения вопроса о добровольном лечении таких лиц или помещении их в психоневрологическое учреждение социального обеспечения[1].

Принудительные меры медицинского характера содержат в себе два аспекта – юридический и медицинский.

Юридический аспект образуют основания, цели, виды, порядок назначения, исполнения, продления, изменения и прекращения принудительных мер медицинского характера, которые регламентируются уголовным и уголовно-исполнительным законодательством.

Медицинский аспект определяется самим содержанием этих мер, задачами излечения нуждающихся в принудительном лечении лиц или улучшения их психического состояния, а также тем, что выводы о диагнозе психического расстройства, рекомендации по назначению и проведению лечения, профилактике психических расстройств и необходимых социально-реабилитационных мероприятий дают врачи-психиатры.

В статье 98 УК РФ сформулированы цели применения принудительных мер медицинского характера. К ним относятся: а) обеспечение безопасности лиц, страдающих психическими расстройствами; б) излечение лиц, совершивших общественно опасное деяние; излечение подразумевает исчезновение болезненных проявлений психического расстройства; в) улучшение психического состояния, при котором лицо перестает представлять опасность для себя и общества; возможно в том случае, когда у больного исчезнут наиболее тяжелые и стойкие проявления психического расстройства; г) предупреждение совершения лицами, страдающими психическими расстройствами, новых деяний, предусмотренных статьями Особенной части УК РФ.

[1] О практике применения судами принудительных мер медицинского характера : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 апреля 2011 г. № 6 : текст с изм. и доп. на 21 мая 2026 г. // Верховный Суд Российской Федерации : офиц. сайт. URL: https://www.vsrf.ru/documents/own/8236 (дата обращения: 17.06.2026).

2.2. Виды принудительных мер медицинского характера

Принудительные меры медицинского характера применяются к лицам: а) совершившим деяния, предусмотренные статьями Особенной части УК РФ, в состоянии невменяемости; б) у которых после совершения преступления наступило психическое расстройство, делающее невозможным назначение или исполнение наказания; в) совершившим преступление и страдающим психическим расстройством, не исключающим вменяемости; г) совершившим в возрасте старше 18 лет преступление против половой неприкосновенности лица, не достигшего 14 лет, и страдающим расстройством сексуального предпочтения (педофилией), не исключающим вменяемости.

В статье 99 УК РФ закреплены четыре вида принудительных мер медицинского характера: 1) принудительное наблюдение и лечение у врача-психиатра в амбулаторных условиях (п. «а» ч. 1 ст. 99 УК РФ); 2) принудительное лечение в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях, общего типа (п. «б» ч. 1 ст. 99 УК РФ); 3) принудительное лечение в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях, специализированного типа (п. «в» ч. 1 ст. 99 УК РФ); 4) принудительное лечение в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях, специализированного типа с интенсивным наблюдением (п. «г» ч. 1 ст. 99 УК РФ).

Вид принудительных мер медицинского характера назначает суд в зависимости от психического состояния лица на момент рассмотрения дела с учетом заключения судебно-психиатрической экспертизы. Заключение экспертизы не является для суда обязательным, оно подлежит проверке и оценке, однако несогласие с выводом экспертов должно быть мотивировано (ст. 80, 88 УПК РФ). Уголовное законодательство предоставляет суду возможность выбора при назначении принудительных мер медицинского характера одного из их видов в зависимости от опасности совершенного деяния и психического состояния лица, установленного судебно-психиатрической экспертизой.

В соответствии с п. 4 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 апреля 2011 г. № 6 (ред. от 21 мая 2026 г.) «О практике применения судами прину-

дительных мер медицинского характера»[1] вид принудительной меры медицинского характера избирается судом с учетом положений ч. 2 ст. 99, ст. 100 и 101 УК РФ. При определении вида принудительной меры медицинского характера в отношении лиц, указанных в пп. «а», «б» ч. 1 ст. 97 УК РФ, судам следует принимать во внимание характер и степень психического расстройства, опасность лица для себя и других лиц или возможность причинения им иного существенного вреда. Суду надлежит мотивировать принятое решение на основе оценки заключения эксперта (экспертов) о психическом состоянии лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, и других собранных по делу доказательств.

Названные в законе (пп. «а», «б», «в» ч. 1 ст. 99 УК РФ) медицинские организации различаются с учетом критериев обеспечения безопасности помещенных туда лиц и других лиц, находящихся на лечении в медицинской организации, при различии в режиме содержания, степени интенсивности наблюдения за этими лицами.

Принудительное наблюдение и лечение у врача-психиатра в амбулаторных условиях может быть назначено при наличии оснований, предусмотренных ст. 97 УК РФ, если лицо по своему психическому состоянию не нуждается в помещении в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях (ст. 100 УК РФ).

Так, согласно акту повторной судебной стационарной комплексной психолого-психиатрической экспертизы Д. хроническим психическим расстройством, слабоумием, иным болезненным состоянием психики не страдал, обнаруживает признаки органического эмоционально-лабильного расстройства личности в связи с сосудистым заболеванием.

Во время совершения инкриминируемых ему преступлений не обнаруживал признаков какого-либо временного психического расстройства. Вместе с тем указанное психическое расстройство в условиях длительной психотравмирующей ситуации усугубилось, поэтому в период, относящийся к инкриминируемым

[1] URL: https://www.vsrf.ru/documents/own/8236 (дата обращения: 17.06.2026).

ему деяниям, он не мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими.

Во время совершения преступления в состоянии физиологического либо кумулятивного аффекта Д. не находился.

На этом основании Верховный Суд Российской Федерации сделал вывод о том, что Д. нуждается в амбулаторном принудительном наблюдении и лечении у психиатра, и оставил без изменения приговор в отношении Д., а апелляционную жалобу без удовлетворения[1].

В соответствии с ч. 4 ст. 97 УК РФ в отношении лиц, указанных в пп. «а», «б», «в» ч. 1 данной статьи и не представляющих опасности по своему психическому состоянию, суд может передать необходимые материалы в федеральный орган исполнительной власти в сфере здравоохранения или орган исполнительной власти субъекта Российской Федерации в сфере здравоохранения для решения вопроса о лечении указанных лиц в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь, или направлении указанных лиц в стационарные учреждения социального обслуживания для лиц, страдающих психическими расстройствами, в порядке, установленном законодательством в сфере охраны здоровья.

В соответствии с ч. 2 ст. 99 УК РФ лицам, осужденным за преступления, совершенные в состоянии вменяемости, но нуждающимся в лечении психических расстройств, не исключающих вменяемости, в том числе лицам, совершившим в возрасте старше 18 лет преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, не достигшего 14-летнего возраста, и страдающим расстройством сексуального предпочтения (педофилией), не исключающим вменяемости, суд наряду с наказанием может назначить принудительную меру медицинского характера в виде принудительного наблюдения и лечения у врача-психиатра в амбулаторных условиях.

---

[1] Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 14 мая 2014 г. по делу № 16-АПУ14-9. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Принудительное наблюдение и лечение у психиатра осуществляется психоневрологическим диспансером (диспансерным отделением, кабинетом) по месту жительства больного.

При назначении этой меры лицу разъясняются ее смысл и значение, а также то, что уклонение от наблюдения и лечения может привести к замене амбулаторного лечения на стационарное. Основное преимущество такой меры состоит в том, что лицо, к которому она применяется, остается в привычной обстановке, живет в семье, продолжает работать, свободно общается с окружающими.

Эта мера применяется в случаях, когда больной по своему психическому состоянию способен осознавать смысл применяемой меры и может организовать свое поведение в соответствии с предписаниями врачей.

Более всего этим требованиям соответствуют следующие лица:

а) совершившие общественно опасные деяния в состоянии временного психического расстройства или психического обострения хронического психического расстройства, окончившегося ко времени проведения экспертизы, в случае малой вероятности повторения психоза, а также при сохранении адаптации больного и способности к соблюдению предписанного режима;

б) с хроническими психическими расстройствами или слабоумием после проведения принудительного лечения в медицинской организации при неустойчивой социальной адаптации и выявлявшейся в прошлом склонности к повторным общественно опасным действиям – в качестве этапа перед полным прекращением принудительного лечения (в порядке изменения принудительной меры медицинского характера).

Основанием для направления лица в медицинскую организацию на принудительное лечение является связанная с психическим расстройством возможность причинения этим лицом существенного вреда либо опасность для себя или других лиц. При этом характер психического расстройства таков, что требует стационарного лечения, ухода, содержания и наблюдения, которые невозможно осуществить в амбулаторных условиях.

В соответствии с ч. 2 ст. 101 УК РФ принудительное лечение в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях, общего типа может быть

назначено лицу, которое по своему психическому состоянию нуждается в лечении и наблюдении в стационарных условиях, но не требует интенсивного наблюдения.

Принудительное лечение в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях, общего типа применяется к следующим лицам:

а) совершившим опасные для общества деяния и (или) находящимся в болезненном состоянии при отсутствии грубых нарушений больничного режима и благоприятном прогнозе в отношении терапевтического лечения психоза, но при сохраняющейся вероятности его повторения (хронические заболевания с частыми обострениями; наличие патологической почвы, способствующей возникновению временных психических состояний, органического поражения головного мозга и т. п.), а также при недостаточной критике к своему состоянию, делающей невозможным проведение лечения в стационаре или в амбулаторных условиях на общих основаниях;

б) с явлениями слабоумия и другими психическими расстройствами, совершившим деяния, спровоцированные какими-либо внешними неблагоприятными обстоятельствами, без выраженной тенденции к их повторению и грубым нарушениям больничного режима;

в) находящимся в состоянии временного психического расстройства, развившегося после совершения общественно опасного деяния, но до вынесения приговора, при отсутствии выраженных тенденций к совершению новых общественно опасных деяний и грубым нарушениям больничного режима; г) которые по своему психическому состоянию нуждаются в больничном содержании и лечении в условиях стационара общего типа (в порядке изменения принудительной меры медицинского характера).

В соответствии с ч. 3 ст. 101 УК РФ принудительное лечение в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях, специализированного типа может быть назначено лицу, которое по своему психическому состоянию требует постоянного наблюдения.

К ним относятся лица, находящиеся в состоянии психического расстройства, представляющие значительную опасность для общества и склонные к повторению опасных для общества действий:

а) совершившие опасное для общества деяние и (или) находящиеся в данное время в психотическом состоянии, в случаях отсутствия выраженных тенденций к грубым нарушениям больничного режима и благоприятного прогноза в отношении терапевтического ограничения психоза, но при сохраняющейся вероятности его повторения (хронические заболевания с частыми обострениями; наличие патологической почвы, способствующей возникновению временных психотических состояний), а также при недостаточной критике к своему состоянию, делающей невозможным проведение лечения в стационаре или в амбулаторных условиях на общих основаниях.

Например, по постановлению Калужского областного суда от 21 мая 2013 г. Р. освобожден от уголовной ответственности за совершение в состоянии невменяемости общественно опасных деяний, предусмотренных ст. 317 и п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ. К нему применена принудительная мера медицинского характера в виде принудительного лечения в психиатрическом стационаре специализированного типа.

Судом установлено, что при обстоятельствах, изложенных в постановлении, Р. в состоянии невменяемости совершил посягательство на жизнь сотрудника милиции, причинив ему смерть, а также совершил убийство двух потерпевших.

В определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации указано, что «имеющееся у Р. психическое расстройство лишало его в период, относящийся к инкриминируемым ему деяниям, способности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими; по своему психическому состоянию в настоящее время Р. не может понимать характера и значения уголовного судопроизводства и своего процессуального положения, а также не обладает способностью к самостоятельному совершению действий, направленных на реализацию своих процессуальных прав и обязанностей, не может правильно понимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них показания»[1];

[1] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 3 июня 2014 г. № 85-АПУ14-7. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

б) с явлениями слабоумия, состояниями психического дефекта различного происхождения и другими психическими расстройствами, совершившие деяния, спровоцированные какими-либо внешними неблагоприятными обстоятельствами, без выраженной тенденции к их повторению и грубым нарушениям больничного режима;

в) страдающие временным психическим расстройством, развившимся после совершения общественно опасного деяния, но до вынесения приговора (принудительное лечение до выхода из указанного болезненного состояния), при отсутствии выраженных тенденций к совершению новых общественно опасных деяний и грубым нарушениям больничного режима;

г) с хроническими психическими расстройствами или слабоумием после принудительного лечения в психиатрических стационарах (больницах, отделениях) специализированного типа, в том числе с интенсивным наблюдением, в случае улучшения их психического состояния и (или) снижения опасности, позволяющих продолжить принудительное лечение в условиях психиатрического стационара общего типа (в порядке изменения принудительной меры медицинского характера);

д) обнаружившие во время ранее назначенного судом амбулаторного принудительного лечения ухудшение психического состояния и (или) возрастание опасности, если это делает невозможным проведение показанных им лечебно-реабилитационных мероприятий в амбулаторных условиях и требует их перевода в условия психиатрического стационара (больницы, отделения) общего типа (в порядке изменения принудительной меры медицинского характера).

Например, по постановлению Пермского краевого суда от 24 марта 2014 г. В. освобожден от наказания за совершение им общественно опасного деяния, предусмотренного ч. 3 ст. 30, п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ. В отношении его применена принудительная мера медицинского характера в виде принудительного лечения в психиатрическом стационаре специализированного типа с интенсивным наблюдением.

В. совершил покушение на насильственные действия сексуального характера в отношении П., не достигшей 14-летнего возраста, с применением к ней насилия, с использованием ее беспомощного состояния, соединенные с угрозой убийством.

В апелляционной жалобе В. просил изменить постановление суда и назначить принудительное лечение в психиатрическом стационаре общего типа, поскольку, по его мнению, он не представляет особой опасности для общества.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации 29 мая 2014 г. постановление суда оставила без изменения по следующим основаниям.

Вывод суда о совершении В. преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ, является обоснованным. Согласно заключению экспертов, проводивших повторную амбулаторную комплексную судебную психолого-психиатрическую экспертизу, в прошлом В. не страдал хроническим психическим расстройством, слабоумием, а у него имелось шизоидное расстройство личности.

Однако существующие у него изменения психики были выражены не столь значительно, не сопровождались грубыми нарушениями интеллекта и памяти, недостаточностью критических способностей и не лишали его возможности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими.

В период совершения инкриминируемого ему деяния он не находился в состоянии какого-либо временного психического расстройства, в тот период он мог осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими. Впоследствии психическое состояние В. ухудшилось.

При обследовании в Государственном научном центре социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского у него были выявлены бредовые идеи внешнего воздействия с элементами синдрома Кандинского-Клерамбо с грубыми нарушениями мышления, эмоциональной неадекватностью, отсутствием критики, что было расценено как острое полиморфное психотическое расстройство без симптомов шизофрении и послужило основанием для помещения его в психиатрический стационар специализированного типа с интенсивным наблюдением.

За период лечения существенного улучшения психического состояния не произошло, при последующем психолого-психиатрическом обследовании эксперты пришли к выводу, что у В. имеется хроническое психическое расстройство в форме параноидной шизофрении и по своему психическому состоянию

он не может осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими.

В силу имеющегося у него хронического психического расстройства отбывать наказание он не может. Указанное психическое расстройство В. требует лечения в психиатрическом стационаре, а поскольку оно связано с возможностью причинения им иного существенного вреда, а также с опасностью для себя или других лиц, то в отношении В. рекомендуется применение принудительных мер медицинского характера в виде принудительного лечения в психиатрическом стационаре специализированного типа, так как ему необходимо интенсивное наблюдение. Убедительных данных о наличии у него признаков расстройства сексуального предпочтения (педофилии) не выявлено.

Суд признал заключение экспертов обоснованным, а В. – лицом, у которого после совершения преступления наступило психическое расстройство, лишающее его возможности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими.

В соответствии с ч. 1 ст. 81 УК РФ лицо, у которого после совершения преступления наступило психическое расстройство, лишающее его возможности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, освобождается от наказания.

Таким лицам суд может назначить принудительные меры медицинского характера. Поскольку у В. после совершения преступления наступило психическое расстройство в форме параноидной шизофрении, которое требует лечения в психиатрическом стационаре, а из материалов дела и заключений экспертов следует, что его психическое состояние связано с возможностью причинения им иного существенного вреда, а также с опасностью для себя и других лиц, суд счел необходимым в соответствии с п. «б» ч. 1 ст. 97 и п. «г» ч. 1 ст. 99 УК РФ применить к нему принудительную меру медицинского характера в виде принудительного лечения в психиатрическом стационаре специализированного типа с интенсивным наблюдением.

Лечение, сколь бы активным оно ни было, не может существенно повлиять на опасность таких лиц. Они обычно проявляют тенденцию к противоправным действиям даже во время пребывания в психиатрическом стационаре. Поэтому здесь обеспе-

чивается более строгое наблюдение, что достигается либо за счет наружной охраны и создания пропускного режима в таких стационарах, либо за счет лучшей обеспеченности их медицинским персоналом, на который возлагаются функции психиатрического контроля и надзора[1].

По своему состоянию больные, направляемые на принудительное лечение в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, специализированного типа, существенно не отличаются от пациентов, которые поступают туда на общих основаниях. Чаще всего у них имеют место острые или обострившиеся хронические психические расстройства, требующие активной медикаментозной терапии. Общественная опасность таких больных прямо связана с их психотическими переживаниями: бредовыми идеями, галлюцинациями, явлениями психического автоматизма. Вне психотического обострения эти лица, даже при хроническом течении заболевания, обычно антисоциальных тенденций не обнаруживают. Поэтому купирование с помощью терапии названных психотических явлений и установление ремиссии (светлого промежутка в течении хронического заболевания) являются основанием для прекращения применения принудительной меры. Необходимо лишь удостовериться, что достигнутое улучшение является стойким и не грозит скорый рецидив заболевания. Именно последнее обстоятельство приводит обычно к тому, что сроки принудительного лечения в таких отделениях бывают все же значительно более длительными, чем пребывание в них обычных пациентов.

В соответствии с ч. 4 ст. 101 УК РФ принудительное лечение в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях, специализированного типа с интенсивным наблюдением может быть назначено лицу, которое по своему психическому состоянию представляет особую опасность для себя или других лиц и требует постоянного и интенсивного наблюдения.

К ним относятся следующие психически больные лица:

---

[1] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2014 г. № 44-АПУ14-24. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

а) с хроническими психическими расстройствами или слабоумием, обнаруживающие тенденцию, обусловленную проявлениями заболевания и (или) склонностью лица к совершению повторных общественно опасных деяний, имеющих признаки тяжких или особо тяжких преступлений, особенно насильственного характера;

б) с хроническими психическими расстройствами или слабоумием, у которых обнаруживаются явно выраженные тенденции к совершению опасных для общества деяний, проявляющиеся в многократных общественно опасных действиях, а также в грубых нарушениях больничного режима (нападения на персонал, побеги, инициирование групповых беспорядков), если такие нарушения поведения делают невозможным проведение лечебно-реабилитационных мероприятий в условиях применения других принудительных мер медицинского характера;

в) находящиеся в состоянии временного психического расстройства, развившегося после совершения преступления до вынесения приговора, если есть угроза совершения ими новых общественно опасных деяний, имеющих признаки тяжких или особо тяжких преступлений, а также побега;

г) другие больные, нуждающиеся в переводе в условия психиатрического стационара с интенсивным наблюдением.

Под последствиями применения принудительных мер медицинского характера понимаются урегулированные законом продление, изменение, прекращение и зачет принудительных мер медицинского характера в срок наказания в виде лишения свободы.

Действующим Уголовным кодексом Российской Федерации сроки применения принудительных мер медицинского характера не регламентированы. Исходя из смысла закона, лечение следует проводить до полного выздоровления больного или улучшения его психического состояния до уровня, при котором отпадает либо значительно снижается его опасность для общества.

В соответствии с ч. 2 ст. 102 УК РФ лицо, которому назначена принудительная мера медицинского характера, подлежит освидетельствованию комиссией врачей-психиатров не реже одного раза в 6 месяцев для решения вопроса о наличии оснований для внесения представления в суд о прекращении применения или об изменении такой меры.

Освидетельствование такого лица проводится по инициативе лечащего врача, если в процессе лечения он пришел к выводу о необходимости изменения принудительной меры медицинского характера либо прекращения ее применения, а также по ходатайству самого лица, его законного представителя и (или) близкого родственника.

Ходатайство подается через администрацию медицинской организации, осуществляющей принудительное лечение, или уголовно-исполнительную инспекцию, осуществляющую контроль за применением принудительных мер медицинского характера, вне зависимости от времени последнего освидетельствования.

При отсутствии оснований для прекращения или изменения принудительной меры медицинского характера администрация учреждения, осуществляющего принудительное лечение, представляет в суд заключение для продления принудительного лечения. Первое такое продление может быть произведено через 6 месяцев с момента начала лечения, в последующем продление производится ежегодно. В последнем случае по прошествии 6 месяцев после предыдущего освидетельствования необходимость продолжения принудительного лечения, если состояние больного не изменилось, подтверждается врачебной комиссией.

Течение срока начинается с момента вступления в законную силу определения суда о назначении или продлении принудительной меры медицинского характера. Если же результатом предыдущего освидетельствования было продление назначенного лечения без представления заключения в суд (так как после первого последующие продления осуществляются ежегодно), то исчисление производится с даты этого освидетельствования.

В соответствии с ч. 2.1 ст. 102 УК РФ вне зависимости от времени последнего освидетельствования и от принятого решения о прекращении применения принудительной меры медицинского характера суд на основании внесенного не позднее чем за 6 месяцев до истечения срока исполнения наказания ходатайства администрации учреждения, исполняющего наказание, назначает судебно-психиатрическую экспертизу в отношении лица, совершившего в возрасте старше 18 лет преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, не достигшего 14-летнего возраста, и страдающего расстройством сексу-

ального предпочтения (педофилией), не исключающим вменяемости, в целях решения вопроса о необходимости применения к нему принудительных мер медицинского характера в период условно-досрочного освобождения или в период отбывания более мягкого вида наказания, а также после отбытия наказания. Суд на основании заключения судебно-психиатрической экспертизы может назначить принудительное наблюдение и лечение у врача-психиатра или прекратить ее применение.

Изменение принудительной меры медицинского характера осуществляется судом в случае такого изменения психического состояния лица, при котором отпадает необходимость в применении ранее назначенной меры и возникает необходимость в назначении иной принудительной меры медицинского характера. При этом в зависимости от снижения либо возрастания опасности больного может смягчаться либо усиливаться режим принудительного лечения.

При снижении опасности больного он по решению суда переводится из психиатрического стационара специализированного типа с интенсивным наблюдением в стационар без интенсивного наблюдения, затем в стационар общего типа, а затем применяется принудительное амбулаторное наблюдение и лечение у психиатра. В случае возрастания опасности больного он может быть переведен из психиатрического стационара специализированного типа в психиатрический стационар специализированного типа с интенсивным наблюдением.

Прекращение применения принудительных мер медицинского характера к лицам, находящимся в состоянии психического расстройства, осуществляется судом в случае такого изменения психического состояния указанных лиц, при котором отпадает необходимость в применении ранее назначенной принудительной меры медицинского характера и не возникает необходимость в применении иной принудительной меры. Прекращение лечения является следствием выздоровления лица, улучшения его психического состояния. Улучшение психического состояния должно сопровождаться значительным снижением возможности причинения больным иного существенного вреда или опасности для себя и других лиц.

Нерешенным до настоящего времени остается вопрос о прекращении принудительной меры медицинского характера в слу-

чае явного ухудшения физического состояния больного (ухудшения, делающие невозможным совершение им общественно опасных деяний) при остающемся на прежнем уровне психическом состоянии. Законодательно данная процедура не урегулирована.

После прекращения применения принудительной меры медицинского характера при необходимости продолжения лечения больной может быть оставлен для продолжения лечения на общих основаниях в том же или ином психиатрическом стационаре, за исключением стационаров специализированного типа и специализированного типа с интенсивным наблюдением, или может наблюдаться в психоневрологическом диспансере.

Прекращение применения принудительной меры медицинского характера в отношении лица, у которого психическое расстройство, делающее невозможным назначение или исполнение наказания, наступило после совершения преступления, служит основанием для возобновления производства по уголовному делу либо дальнейшего отбывания наказания. В случае возобновления приостановленного уголовного дела или исполнения ранее назначенного наказания производство предварительного расследования, судебного разбирательства, назначение и исполнение наказания осуществляются в общем порядке. При этом следует устанавливать, нет ли обстоятельств, препятствующих возобновлению производства по делу или исполнению наказания.

Время, в течение которого к лицу применялось принудительное лечение в психиатрическом стационаре, засчитывается при назначении наказания либо возобновлении его исполнения из расчета один день пребывания в психиатрическом стационаре за один день лишения свободы (ст. 103 УК РФ).

Данное правило не распространяется на амбулаторное принудительное наблюдение и лечение у психиатра. Связано это с тем, что амбулаторное лечение не налагает ограничений на больного, присущих уголовному наказанию в виде лишения свободы. При зачете принудительных мер медицинского характера в сроки иных видов наказаний, кроме лишения свободы, необходимо использовать правила ст. 72 УК РФ.

Принудительные меры медицинского характера в отношении лиц, осужденных за преступления, но нуждающихся в лечении психических расстройств, не исключающих вменяемости,

исполняются совместно с наказанием. В данном случае суд в соответствии с законом вправе назначить только принудительное амбулаторное наблюдение и лечение у психиатра, поскольку стационарное психиатрическое лечение применяется в отношении лиц, неспособных в силу своего психического состояния отбывать наказание.

Принудительное лечение может быть назначено при осуждении к любому виду наказания. В отношении осужденных к лишению свободы принудительные меры медицинского характера применяются по месту его отбывания, в отношении осужденных к иным видам наказания – в учреждении органов здравоохранения, оказывающих амбулаторную психиатрическую помощь.

2.3. Совершенствование законодательства о применении принудительных мер медицинского характера

Несмотря на нормативное закрепление в Уголовном кодексе Российской Федерации целей принудительных мер медицинского характера, в науке уголовного права в настоящее время нет единства мнений относительно целей этих мер. Отмечается, что перечень целей, закрепленный в ст. 98 УК РФ, является неполным. В научных работах, посвященных исследованию принудительных мер медицинского характера, указывается на необходимость отнесения к целям (задачам) принудительных мер медицинского характера обеспечение безопасности общества[1], устранение опасного состояния психически больного лица и обеспечение в связи с этим безопасности как других лиц, так и самого лица, которому назначено принудительное лечение[2].

---

[1] Горобцов В.И. Принудительные меры медицинского характера в отношении психически больных по Уголовному кодексу Российской Федерации. Красноярск, 1997. С. 22 ; Понятия и виды иных мер уголовно-правового характера : учеб. пособие / М.Ф. Костюк, А.Н. Батанов, В.А. Посохова, Т.М. Калинина. М., 2011. С. 130.

[2] Васеловская А.В. Принудительное лечение в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях, по Уголовному кодексу Российской Федерации : дис. … канд. юрид. наук. Томск, 2019. С. 90.

На наш взгляд, необходимо разграничивать принудительные меры медицинского характера, применяемые самостоятельно и применяемые совместно с наказанием, преследующие различные цели в аспекте их соотношения с целями уголовной ответственности.

Цели принудительных мер медицинского характера, не соединенных с наказанием, – по своему содержанию исключительно лечебные, имеют самостоятельное значение и не соотносятся с целями уголовной ответственности. К целям принудительных мер медицинского характера, не соединенных с наказанием, относятся излечение лиц или улучшение их психического состояния, а также предупреждение совершения ими новых общественно опасных деяний. Статья 98 УК РФ отражает именно эти цели.

Определяя цели принудительных мер медицинского характера, соединенных с наказанием, следует учитывать, что данные меры служат «этапом» в достижении целей уголовной ответственности. Таким образом, в достижении целей уголовной ответственности наказание является основным средством, а принудительные меры медицинского характера – дополнительным. Признавая, что наказание имеет единственную цель – предупреждение преступлений, представляется, что целями принудительных мер медицинского характера следует считать излечение лиц или улучшение их психического состояния. Выделение цели предупреждения преступлений в отношении принудительных мер медицинского характера, соединенных с наказанием, представляется излишним. «Принудительные меры медицинского характера, применяемые к лицам, страдающим психическими расстройствами, не исключающими вменяемости, алкоголизмом и наркоманией, способствуют и достижению целей уголовного наказания»[1]. Обоснованно указывается, что «достижение цели предупреждения новых преступлений со стороны лиц, совершивших преступление и страдающих психическими расстрой-

[1] Чучаев А.И. Цели принудительных мер медицинского характера // Проблемы правового регулирования в современных условиях : материалы науч.-практ. конф., Ижевск, 25–27 сентября 1997 года / Удмуртский гос. ун-т ; отв. ред. З.З. Зинатуллин. Ижевск, 1997. С. 74.

ствами, не исключающими вменяемости, а также признанными нуждающимися в лечении от алкоголизма и наркомании, в большей мере применимо к наказанию, которое им может быть назначено наряду с применением принудительных мер медицинского характера»[1].

Излечение означает выздоровление лица, т. е. полное исчезновение психического расстройства. Это так называемая программа-максимум, чего можно добиться с помощью принудительных мер медицинского характера. Справедливо отмечается, что термин «излечение» следует понимать шире, чем выздоровление, так как понятие «принудительное лечение» включает в себя не только лечение как таковое, но и содержание в стационаре с определенным режимом, соответствующим характеру психического заболевания и степени общественной опасности лица[2]. При этом лицо неспособно воспринимать реализуемое в отношении его воздействие вследствие утраты обратной связи[3].

Поскольку в результате лечения далеко не всегда удается достигнуть выздоровления или полного исчезновения психического расстройства, обоснованным является выделение такой цели, как улучшение психического состояния, под которым понимается своего рода программа-минимум при проведении лечебных мероприятий[4]. В этом случае психическое состояние лица изменяется таким образом, что лицо становится неопасным для себя и общества, хотя и продолжает страдать тем или иным психическим расстройством.

Цель предупреждения совершения новых общественно опасных деяний психически больными лицами не тождественна цели предупреждения совершения преступлений, имеющейся у наказания. Это связано с тем, что цель предупреждения преступлений адресована, с одной стороны, лицам, уже совершив-

---

[1] Уголовное право Российской Федерации. Общая часть : учебник / под ред. А.И. Рарога. М., 2001. С. 499.

[2] Назаренко Г.В. Принудительные меры медицинского характера в уголовном праве : учеб. пособие для юрид. вузов и факультетов. М., 2000. С. 14.

[3] Горобцов В.И. Принудительные меры ... С. 21.

[4] Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / А.Н. Игнатов, Ю.А. Красиков, Э.Ф. Побегайло [и др.] / под общ. ред. Ю.И. Скуратова, В.М. Лебедева. М., 1998. С. 205.

шим преступление (частная превенция), а с другой – неопределенному кругу лиц, которые могут совершить преступление (общая превенция). В обоих случаях предупредительная функция наказания направлена на всех вменяемых лиц, которые могут осознавать фактический характер своих действий (бездействия) и руководить ими. Что касается цели предупреждения в отношении психически больных лиц, перечисленных в ч. 1 ст. 97 УК РФ, то ее содержание не осознается невменяемыми лицами, в отношении которых самостоятельно применяется принудительная медицинская мера, не соединенная с наказанием. В данном случае правовая цель частного предупреждения общественно опасных деяний достигается в зависимости от достижения медицинских целей излечения или улучшения психического состояния лица. Что же касается цели общего предупреждения, то законодатель обоснованно не включает ее в перечень целей принудительных мер медицинского характера, поскольку, применяя эти принудительные меры, объективно невозможно удержать других психически больных лиц от совершения общественно опасных деяний.

В.П. Котов справедливо отмечает, что предупреждение новых общественно опасных деяний не следует понимать слишком узко. С одной стороны, это достижение такого состояния больного, при котором значительно снижается или исчезает вероятность совершения после отмены принудительной меры новых деяний, предусмотренных Особенной частью Уголовного кодекса Российской Федерации, а с другой – это и предупреждение возможности совершения таких деяний в настоящее время. Причем подчеркивается, что последняя задача иногда приобретает самостоятельное значение и решающую роль при выборе той или иной принудительной медицинской меры (средства достижения указанной цели)[1].

Таким образом, на наш взгляд, закрепленные в ст. 98 УК РФ цели принудительных мер медицинского характера нуждаются в некотором уточнении. Кроме того, представляется неправильным наименование данной статьи – «цели применения принуди-

[1] Там же. С. 240.

тельных мер медицинского характера». Вполне достаточным и содержательным будет термин «цели принудительных мер медицинского характера». Следует отметить, что в ст. 43 УК РФ законодатель совершенно справедливо говорит о «целях наказания», а не о «целях применения наказания».

С.В. Максимов в порядке *de lege ferenda* целесообразно предлагает изменение существующей нормы Уголовного кодекса Российской Федерации о целях принудительных мер медицинского характера и изложение ее в следующей редакции:

«Статья 98. Цели принудительных мер медицинского характера

1. Принудительные меры медицинского характера, не соединенные с наказанием, применяются в целях излечения лиц, указанных в пунктах „а" и „б" части 1 статьи 97 настоящего Кодекса, или улучшения их психического состояния, а также предупреждения совершения ими новых деяний, предусмотренных статьями Особенной части настоящего Кодекса.

2. Принудительные меры медицинского характера, соединенные с наказанием, применяются в целях излечения лиц, указанных в пунктах „в" и „г" части 1 статьи 97 настоящего Кодекса, или улучшения их психического состояния и способствуют достижению целей наказания»[1].

Таким образом, подводя итог рассмотрению целей принудительных мер медицинского характера, следует отметить, что установленные уголовным законом «иные меры уголовно-правового характера» применяются целенаправленно. Включение в Уголовный кодекс Российской Федерации положений, раскрывающих цели принудительных мер медицинского характера, ставит их применение на принципиальную основу, облегчает практическое решение вопросов о назначении и прекращении их применения, позволяет снять противоречия между представителями различных учреждений и служб, принимающих участие в назначении, исполнении и прекращении этих мер[2]. Несмотря на то что в соотношении с наказанием доля данных мер как средств, с помощью которых достигаются цели уголовной ответственности, несоизмеримо мала, их значение от этого не умень-

[1] Максимов С.В. Указ. соч. С. 26.

[2] Комментарий к Уголовному кодексу ... С. 204.

шается. Необходимо четко разграничивать случаи, когда указанные меры выступают в качестве форм реализации уголовной ответственности и когда в качестве самостоятельных форм государственного принуждения, не связанного с уголовной ответственностью. От решения данного вопроса напрямую зависит целевая направленность этих уголовно-правовых мер. При этом методологическая характеристика целей принудительных мер медицинского характера служит неотъемлемой частью характеристики категории цели в уголовном праве.

Согласно ст. 17 Конституции Российской Федерации в Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина. Этот принцип реализуется в том числе в праве граждан и организаций на защиту от преступлений, а также (по аналогии) от иных общественно опасных деяний.

Однако нормы Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации позволяют лицам, совершившим общественно опасные деяния, не только избежать применения принудительных мер медицинского характера, но и вообще отказаться от должной медицинской помощи.

Так, в соответствии с ч. 2 ст. 443 УПК РФ, если лицо не представляет опасности по своему психическому состоянию либо им совершено деяние небольшой тяжести, то суд может принять только одно решение – прекратить уголовное дело и отказать в применении принудительных мер медицинского характера (несмотря на наличие заключения экспертизы о том, что данное лицо в применении принудительных мер медицинского характера нуждается).

В Научно-практическом комментарии к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации указывается, что решение о прекращении дела и об отказе в применении принудительных мер медицинского характера суд выносит в двух случаях, а именно: а) если по своему психическому состоянию лицо не представляет опасности; б) им совершено деяние небольшой тяжести (за которое максимальное наказание не превышает двух лет лишения свободы)[1].

[1] Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / В.К. Бобров, В.П. Божьев, С.В. Бородин [и др.] ; под общ. ред. В.М. Лебедева ; науч. ред. В.П. Божьев. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2007.

При этом преступления (общественно опасные деяния) небольшой тяжести составляют значительное число преступлений, предусмотренных Уголовным кодексом Российской Федерации.

Если лицо, страдающее психическим расстройством, исключающим вменяемость, нанесет гражданину побои, что-то тайно похитит, незаконно с применением насилия ворвется в чье-либо жилище и, наконец, по неосторожности причинит смерть человеку, то оно согласно положениям Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов Российской Федерации не только не понесет уголовной ответственности, но даже не будет направлено на принудительное лечение.

Складывается парадоксальная ситуация: по всем вышеизложенным фактам органы предварительного расследования обязаны возбудить уголовное дело, провести предварительное следствие, избрать меру пресечения, при наличии оснований для проведения стационарной судебно-психиатрической экспертизы поместить лицо в психиатрический стационар, а по окончании предварительного следствия направить уголовное дело с постановлением о возбуждении перед судом ходатайства о применении в отношении данного лица принудительных мер медицинского характера надзирающему прокурору. Прокурор по результатам изучения дела при отсутствии процессуальных нарушений и при наличии доказательств совершения общественно опасного деяния данным лицом обязан утвердить постановление следователя и направить дело в суд. А суд же, рассмотрев дело, при подтверждении обстоятельств, изложенных в постановлении о возбуждении перед судом ходатайства о применении в отношении данного лица принудительных мер медицинского характера, обязан... в удовлетворении данного ходатайства отказать[1].

Так, Канашским межрайонным прокурором направлено в суд уголовное дело с ходатайством о применении принудительных мер медицинского характера в отношении Д., который в ходе скандала нанес матери удар кулаком, а затем, схватив нож, нанес им удар потерпевшей, причинив телесные повреждения, оценивающиеся как легкий вред здоровью. В суде потер-

[1] Ортиков Е. Применение принудительных мер медицинского характера // Законность, 2009. № 4. С 25.

певшая показала, что Д. постоянно угрожает ей, ее дочери и внуку убийством, они опасаются, что Д. может убить их. Постановлением мирового судьи судебного участка № 2 Канашского района Чувашской Республики от 24 марта 2006 г. Д. освобожден от уголовной ответственности за совершенное в состоянии невменяемости общественно опасное деяние, предусмотренное ч. 1 ст. 115 УК РФ. С учетом наличия в деле заключения судебно-медицинской экспертизы о необходимости помещения Д. в психиатрический стационар специализированного типа к нему была применена соответствующая принудительная мера медицинского характера.

Однако Президиум Верховного суда Чувашской Республики на основании ч. 2 ст. 443 УПК РФ постановление мирового судьи отменил и в удовлетворении ходатайства о применении принудительных мер медицинского характера отказал[1].

Постановлением мирового судьи судебного участка № 1 Мариинско-Посадского района Чувашской Республики от 27 апреля 2006 года И. освобожден от уголовной ответственности за совершение в состоянии невменяемости общественно опасных деяний, предусмотренных ч. 1 ст. 116, ч. 2 ст. 116, ст. 119 УК РФ, и в отношении его применена принудительная мера медицинского характера – помещение в психиатрический стационар специализированного типа.

Данное постановление также отменено Президиумом Верховного суда Чувашской Республики по тем же основаниям[2].

Аналогичная ситуация имела место и при рассмотрении мировым судом судебного участка № 7 Калининского района г. Чебоксары Чувашской Республики уголовного дела в отношении М., совершившего общественно опасное деяние, подпадающее под признаки преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 116 УК РФ[3].

Наличие основанного на законе «иммунитета» лиц, совершивших общественно опасное деяние небольшой тяжести в со-

[1] Судебный вестник Чувашии. 2006. № 4.
[2] Судебный вестник Чувашии. 2007. № 3.
[3] Судебный вестник Чувашии. 2006. № 4.

стоянии невменяемости, от принудительного лечения подтверждает и Верховный Суд Российской Федерации[1].

Казалось бы, возникшую ситуацию разрешает норма ч. 4 ст. 443 УПК РФ, согласно которой при прекращении уголовного дела по основаниям, предусмотренным чч. 2 и 3 данной статьи, копия постановления суда в течение 5 суток направляется в орган здравоохранения для решения вопроса о лечении или направлении лица, нуждающегося в психиатрической помощи, в психиатрический стационар.

Одним из принципов оказания психиатрической помощи в соответствии со ст. 4, 11 Закона Российской Федерации от 2 февраля 1992 г. № 3185-1 (ред. от 22 июля 2024 г.) «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании»[2] является добровольность.

Закон Российской Федерации «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» выделяет два вида амбулаторной психиатрической помощи: консультативно-лечебная помощь и диспансерное наблюдение (ст. 26). Консультативно-лечебная помощь оказывается врачом-психиатром только при самостоятельном обращении лица, страдающего психическим расстройством, по его просьбе или с его согласия. Что же касается диспансерного наблюдения, то оно устанавливается только за лицом, страдающим хроническим и затяжным психическим расстройством с тяжелыми стойкими или часто обостряющимися болезненными проявлениями. Соответственно, если лицо, совершившее общественно опасное деяние, нуждается в амбулаторном принудительном наблюдении и лечении у психиатра, но не отвечает вышеуказанным критериям, принудительное лечение данного лица невозможно.

Что касается лечения в психиатрическом стационаре, то процедура принудительной госпитализации лица, совершившего общественно опасное деяние небольшой тяжести, выглядит следующим образом. Судья обязан отказать в удовлетворении

[1] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 4 июля 2006 г. по делу № 11-ДП06-66. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102017214 (дата обращения: 12.05.2026).

ходатайства следователя о применении в отношении такого лица принудительных мер медицинского характера и отменить избранную в отношении его меру пресечения (в том числе содержание в психиатрическом стационаре). Затем судья направляет копию постановления в соответствующий орган здравоохранения для того, чтобы его работники вновь водворили лицо, совершившее общественно опасное деяние, в психиатрический стационар и обратились с заявлением в этот же или другой суд (только в порядке гражданского судопроизводства) для решения вопроса о принудительной госпитализации гражданина в психиатрический стационар.

Представляется, что в данном случае имеет место неоправданная волокита, излишняя трата рабочего времени медицинских работников, сотрудников полиции, прокуратуры (прокурор участвует и в уголовном судопроизводстве в качестве государственного обвинителя, и в гражданском – в качестве лица, участвующего в деле) и денег налогоплательщиков.

Неполучение пациентом показанного ему необходимого и научно обоснованного лечения или прекращение такого лечения представляет собой явление, нежелательное в практике оказания психиатрической помощи. Оно может привести к отрицательным последствиям: обострению и прогрессированию болезненных проявлений, нарастанию их тяжести и продолжительности, увеличению частоты приступов, существенному снижению вероятности благоприятного исхода, нарушению социальной адаптации, временной или стойкой утрате трудоспособности и т. п. В ряде случаев они чреваты возникновением поведения, представляющего опасность для больного и окружающих его лиц.

При этом никто не может гарантировать, что отпущенное судом на свободу лицо вновь не совершит аналогичное или более тяжкое общественно опасное деяние.

Представляется, что ч. 2 ст. 443 УПК РФ необходимо изложить в следующей редакции:

«Если лицо не представляет опасности по своему психическому состоянию, суд может вынести постановление о прекращении уголовного дела и об отказе в применении принудительных мер медицинского характера. Одновременно суд решает вопрос об отмене меры пресечения».

ГЛАВА 3. КОНФИСКАЦИЯ ИМУЩЕСТВА

3.1. Конфискация имущества как иная мера уголовно-правового характера

Конфискация имущества известна в России с древних времен. Термин «конфискация» происходит от латинского *confiscatio* (дословно – помещение в корзину для хранения денег) и означает «принудительное изъятие имущества, денег и т. п. в собственность государства в соответствии с судебным решением или административным актом.

Свое современное название конфискация получила в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года. На протяжении многих десятилетий конфискация имущества была предусмотрена в уголовном законодательстве как вид наказания. Так, в соответствии со ст. 35 УК РСФСР 1960 года это наказание выражалось в принудительном безвозмездном изъятии в собственность государства всего или части имущества, являющегося собственностью осужденного. Конфискация имущества была включена в систему наказаний, признавалась дополнительным видом наказания и применялась только в случаях, предусмотренных статьями Особенной части указанного Уголовного кодекса РСФСР. Возможности ее применения в УК РСФСР 1960 года были достаточно широкими. Конфискация имущества предусматривалась в различное время примерно в 53 составах преступлений, что составляло около 70 % от общего числа санкций.

Конфискация имущества нашла отражение в Уголовном кодексе Российской Федерации (ст. 52) с тем уточнением, что этот вид наказания мог применяться только за тяжкие и особо тяжкие преступления, совершенные из корыстных побуждений. Согласно Уголовному кодексу Российской Федерации не могло быть конфисковано имущество, необходимое осужденному или лицам, находящимся на его иждивении, перечисленное в специальном перечне. В то же время суд был вправе постановить об изъятии в собственность государства в том числе и того принадлежащего виновному лицу имущества, которым он обладал законно, т. е. оно не было получено им в результате совершения преступления.

Современная уголовная политика России ориентирована на дальнейшую дифференциацию уголовной ответственности,

универсализацию мер уголовно-правового характера, а также на придание им большей предупредительной направленности.

Острые социальные проблемы и высокий уровень преступности в Российской Федерации обусловливают поиск наиболее рациональных с точки зрения задач уголовного законодательства средств и методов предупреждения различного рода преступлений.

Обращая внимание на регламентацию в тексте уголовного закона такого института уголовно-правового воздействия, как конфискация имущества, следует заметить, что данный институт претерпевает трансформацию, в ходе которой побочным эффектом выступает юридическая неполноценность. Изменение сути данного института в российском законодательстве вызвано внешним давлением, которое осуществляется посредством международных конвенционных норм, что в свою очередь порождает смутную (неопределенную) целесообразность и недостаточную полноту принимаемых норм.

Длительный период времени в России конфискация имущества была предусмотрена в уголовном законе как вид дополнительного наказания. Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ (ред. от 7 декабря 2011 г.) «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации»[1] конфискация имущества (ст. 52 УК РФ) была исключена из системы наказаний. Как отмечает Э.В. Мартыненко, «это не первое исключение данного вида наказания из уголовного законодательства. За все время своего существования конфискация трижды исключалась из уголовного законодательства и трижды восстанавливалась, что всегда вызывало неоднозначную реакцию и делило общество на два непримиримых лагеря – сторонников и противников отмены конфискации имущества»[2].

В.А. Пимонов, в преддверии принятия указанного законодательного решения, высказывал суждения, что конфискацию имущества необходимо сохранить в системе уголовных наказаний, такая необходимость обусловлена социальными и экономическими причинами. Именно современные условия диктуют

---

[1] URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102084534 (дата обращения: 12.05.2026).

[2] Мартыненко Э.В. Конфискация имущества в действующем российском уголовном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 3.

необходимость вмешательства в отношения собственности путем уголовных репрессий имущественного характера. И это вовсе не препятствует развитию и упрочению частной собственности, а скорее наоборот. Кроме того, будучи наказанием достаточно строгим, конфискация имущества способна в качестве дополнительной меры усилить исправительную и предупредительную цели основного наказания, а также обеспечить движение к цели восстановления социальной справедливости[1].

Однако несколько ранее Х. Гаджиев, обосновывая свою позицию, писал, что применение конфискации имущества как вида наказания противоречит принципам справедливости и гуманизма, поскольку у осужденного изымается имущество, являющееся его собственностью, что не может соответствовать международно-правовым и конституционным принципам неприкосновенности собственности[2].

В свою очередь, совершенно справедливо А. Кузнецов, выступая против конфискации имущества как вида уголовного наказания, отмечал, что конфискация имущества является достаточно эффективной мерой наказания, но, несмотря на это, нельзя эффективность мер социальной превенции обеспечить путем ущемления прав и свобод законопослушных граждан[3].

По мнению Конституционного Суда Российской Федерации, конфискация орудий и иных средств совершения преступления представляет собой – в контексте действующего уголовного законодательства – публично-правовую санкцию, структурно обособленную (и, как следствие, автономную) от наказания меру уголовно-правового характера, выражающуюся в возложении на обвиняемого (осужденного) обязанности претерпеть дополнительные (по отношению к наказанию) правоограничения уголовно-превентивного свойства, она по своей конституционно-правовой природе соотносима по некоторым признакам с наказанием, но не тождественна ему (как это имеет место в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушени-

---

[1] Пимонов В.А. Конфискация имущества как вид наказания по уголовному праву : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 68–69.

[2] Гаджиев Х. Имущественные наказания в системе мер уголовно-правового воздействия // Советская юстиция. 1988. № 16. С. 13.

[3] Кузнецов А. Конфискация имущества как кумулятивный вид наказания в уголовном законодательстве // Уголовное право. 1999. № 2. С. 39.

ях), а потому может применяться не только в качестве сопровождающей наказание вспомогательной меры при постановлении обвинительного приговора, но и при освобождении от наказания[1].

Конфискация имущества имеет двойственную природу: как имущественное взыскание конфискация содержит карательный элемент. Однако ее основная социально-политическая функция является предупредительной (в этом и заключается ее позитивное социально-политическое начало).

Законодатель решил этот политический вопрос: конфискация имущества по действующему Уголовному кодексу Российской Федерации является не наказанием, а мерой уголовно-правового характера, применяемой к лицу, совершившему преступление определенного характера, в целях устранения условий, способствующих совершению новых преступлений как данным лицом, так и другими лицами[2].

Институт конфискации имущества, после исключения конфискации как вида наказания Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ[3], введенный в Уголовный кодекс Российской Федерации Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ[4]

---

[1] По делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 81 и статьи 401.6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами гражданина А.Е. Певзнера : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 7 марта 2017 г. № 5-П // Официальное опубликование правовых актов : сайт. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/view/0001201703150023 (дата обращения: 12.05.2026).

[2] Понятовская Т.Г. Иные меры уголовно-правового характера // Уголовно-правовое воздействие : монография / Г.А. Есаков, Т.Г. Понятовская, А.И. Рарог [и др.] ; под ред. А.И. Рарога. М., 2012. С. 121.

[3] О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ : текст с изм. и доп. на 7 дек. 2011 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102084534 (дата обращения: 12.05.2026).

[4] О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О ратификации Конвенции совета Европы о предупреждении терроризма» и Федерального закона «О противодействии терроризму» : Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ : текст с изм. и доп. на 21 дек. 2021 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=1&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102108262 (дата обращения: 12.05.2026).

в качестве иной меры уголовно-правового характера, основан на ряде международно-правовых договоров, ратифицированных Российской Федерацией. Таковыми, в частности, являются Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 года, Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма 1999 года, Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности 2000 года, Конвенция ООН против коррупции 2003 года, Конвенция об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности 1990 года, Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию 1999 года[1], Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма 2005 года.

Указанные международные конвенции рассматривают конфискацию имущества в качестве одного из основных способов борьбы с терроризмом, коррупцией, наркоторговлей, легализацией преступных доходов.

Согласно п. 5 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 1995 г. № 8 (ред. от 3 марта 2015 г.) «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» «судам при осуществлении правосудия надлежит исходить из того, что общепризнанные принципы и нормы международного права, закрепленные в международных пактах, конвенциях и иных документах (в частности, во Всеобщей декларации прав человека, Международном пакте о гражданских и политических правах, Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах), и международные договоры Российской Федерации являются в соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации составной частью ее правовой системы. Этой же конституционной нормой определено, что если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора.

[1] Прекратила действие в отношении Российской Федерации. См.: О денонсации Российской Федерацией Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию : Федеральный закон от 23 февраля 2023 г. № 42-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=604761858 (дата обращения: 12.05.2026).

Учитывая это, суд при рассмотрении дела не вправе применять нормы закона, регулирующего возникшие правоотношения, если вступившим в силу для Российской Федерации международным договором, решение о согласии на обязательность которого для Российской Федерации было принято в форме федерального закона, установлены иные правила, чем предусмотренные законом. В этих случаях применяются правила международного договора Российской Федерации.

При этом судам необходимо иметь в виду, что в силу п. 3 ст. 5 Федерального закона О международных договорах Российской Федерации» положения официально опубликованных международных договоров Российской Федерации, не требующие издания внутригосударственных актов для применения, действуют в Российской Федерации непосредственно. В иных случаях наряду с международным договором Российской Федерации следует применять и соответствующий внутригосударственный правовой акт, принятый для осуществления положений указанного международного договора»[1].

Конфискация имущества сопряжена с ограничением прав и свобод лица, следовательно, особое значение приобретает нормативное регулирование указанной формы государственного принуждения в соответствии с Конституцией Российской Федерации.

В пункте 2 постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 31 января 2011 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности положений частей первой, третьей и девятой статьи 115, пункта 2 части первой статьи 208 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и абзаца девятого пункта 1 статьи 126 Федерального закона „О несостоятельности (банкротстве)” в связи с жалобами закрытого акционерного общества „Недвижимость-М”, общества с ограниченной ответственностью „Соломатинское хлебоприемное предприятие” и гражданки Л.И. Костаревой» отмечается, что положениям Конституции Российской Федерации, выражающим один из основополагающих аспектов верховенства права – общепризнанный в демократических государствах принцип неприкосновенности собственности, выступающий гарантией права собственности во

[1] URL: https://www.vsrf.ru/documents/own/8342/ (дата обращения: 12.05.2026).

всех его составляющих, корреспондируют положения Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года[1], согласно которым каждое физическое или юридическое лицо имеет право на уважение своей собственности; никто не может быть лишен своего имущества иначе как в интересах общества и на условиях, предусмотренных законом и общими принципами международного права; государство вправе обеспечивать выполнение таких законов, какие ему представляются необходимыми для осуществления контроля за использованием собственности в соответствии с общими интересами (ст. 1 Протокола № 1); каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях или при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона (п. 1 ст. 6 Конвенции).

Исходя из фундаментальных принципов верховенства права и юридического равенства вмешательство государства в отношения собственности не должно быть произвольным и нарушать равновесие между требованиями интересов общества и необходимыми условиями защиты основных прав, что предполагает разумную соразмерность используемых средств преследуемой цели, с тем чтобы обеспечивался баланс конституционно защищаемых ценностей и лицо не подвергалось чрезмерному обременению.

Соответственно, федеральный законодатель, осуществляя регулирование права собственности и связанных с ним отношений по владению, пользованию и распоряжению имуществом (пп. «в», «о» ст. 71 Конституции Российской Федерации), должен действовать в рамках предоставленных ему Конституцией Российской Федерации дискреционных полномочий и руководствоваться требованиями ее ч. 3 ст. 55, согласно которой права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены феде-

[1] С 16 марта 2022 г. прекратила действие в отношении Российской Федерации. См.: О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы : Федеральный закон от 23 февраля 2023 г. № 43-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=604761854 (дата обращения: 12.05.2026).

ральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Как указал Конституционный Суд Российской Федерации в п. 2 постановления от 16 июля 2008 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 82 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.В. Костылева»[1], из ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее ст. 8, ч. 3 ст. 17, чч. 1 и 2 ст. 19, ст. 34 и 35 вытекает, что ограничения права собственности, равно как и свободы предпринимательской и иной экономической деятельности могут вводиться федеральным законом, только если они необходимы для защиты других конституционно значимых ценностей, в том числе прав и законных интересов других лиц, отвечают требованиям справедливости, разумности и соразмерности, носят общий и абстрактный характер, не имеют обратной силы и не затрагивают само существо данных конституционных прав.

Ограничения такого рода могут быть обусловлены, в частности, предоставлением суду полномочия разрешать в порядке уголовного судопроизводства по ходатайству следователя или дознавателя вопрос о наложении на период предварительного расследования и судебного разбирательства ареста на имущество для обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска, других имущественных взысканий или возможной конфискации.

Применение данной уголовно-процессуальной меры, имеющей принудительный характер и вторгающейся помимо воли собственника в его правомочия по владению, пользованию и распоряжению имуществом, должно осуществляться – как того требуют конституционные гарантии охраны частной собственности законом и допустимости лишения имущества не иначе как по решению суда, выражающие принцип неприкосновенности собственности, а также конституционные гарантии судебной защиты – при эффективном, а не формальном контроле суда, соот-

[1] URL: https://sudrf.cntd.ru/document/902111248 (дата обращения: 12.05.2026).

ветствующие полномочия которого установлены с учетом правовой природы спорных отношений[1].

Говоря о конфискации имущества как мере уголовно-правового характера, можно выделить ее специфические признаки: 1) не является самостоятельным видом реализации уголовной ответственности[2]; 2) не является альтернативной наказанию мерой, а всегда сочетается с наказанием[3]; 3) может сочетаться как с основным видом наказания, так и с совокупной мерой, т. е. с основным и дополнительным видами наказаний; 4) может назначаться также при применении условного осуждения и отсрочке отбывания наказания; 5) может выступать в качестве меры уголовно-правового характера, ограничивающей имущественные права осужденного или третьих лиц (только в той части, которая касается конфискации находящегося в законном владении имущества); 6) обращение конфискуемого имущества в собственность государства поставлено законодателем во взаимосвязь с первоочередными мерами – возвращением имущества законному владельцу и возмещением причиненного ему ущерба; 7) конфискация не преследует цели исправления осужденного и назначается не за учиненное деяние, а в целях предупреждения использования имущества для совершения новых преступлений, являясь чисто профилактической мерой[4].

---

[1] По делу о проверке конституционности положений частей первой, третьей и девятой статьи 115, пункта 2 части первой статьи 208 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и абзаца девятого пункта 1 статьи 126 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобами закрытого акционерного общества «Недвижимость-М», общества с ограниченной ответственностью «Соломатинское хлебоприемное предприятие» и гражданки Л.И. Костаревой : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31 января 2011 г. № 1-П. П. 2.1 // Конституционный Суд Российской Федерации : офиц. сайт. URL: https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDocision52997.pdf (дата обращеня: 12.05.2026).

[2] Волженкин Б.В. Загадки конфискации // Известия вузов. Правоведение. 2008. № 2. С. 13.

[3] Найденко В.Н. Конфискация имущества как правовой инструмент противодействия этнонациональному экстремизму // Журнал российского права. 2009. № 1. С. 116.

[4] Макаров А.В., Жукова А.С. Некоторые законодательные особенности конфискации имущества как иной меры уголовно-правового характера по устранению корыстной мотивации совершения преступлений // Российский следователь. 2013. № 5. С. 17.

Конфискация имущества как особая мера уголовно-правового характера применяется судом наряду с наказанием в строго определенных Уголовным кодексом Российской Федерации случаях и пределах. Она существенно дополняет принудительный потенциал применяемых на основании статей Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации видов наказания и обеспечивает тем самым выполнение стоящих перед уголовным законом задач.

Основным направлением профилактического воздействия конфискации имущества является предупреждение преступлений, совершаемых в сфере экономики, т. е. посягающих на экономические и имущественные отношения и наносящих наиболее существенный материальный ущерб. Кроме того, данную меру следует применять также в тех случаях, когда в результате совершения уголовно наказуемого деяния преступник приобретает доход, полученный незаконным путем, при этом непосредственным объектом посягательства выступают общественные отношения, не касающиеся прав собственности и не связанные с экономической деятельностью.

Определяя место конфискации имущества в системе мер предупреждения преступлений, следует отметить, что данная мера относится к группе специально-криминологических уголовно-правовых средств предупреждения отдельных видов преступлений. Применение такого уголовно-правового инструмента, как конфискация имущества, возможно преимущественно на индивидуальном уровне предупредительной деятельности – как в качестве дополнительного наказание, так и в качестве иной меры уголовно-правового характера за совершение преступления из корыстных побуждений.

Применение конфискации имущества, естественно, не может полностью лишить осужденного попытки совершить новое преступление, однако ее реализация значительно ограничит его возможности, поскольку он лишается денег, ценностей или иного имущества, приобретенных в результате совершения преступления, которые нередко используются в последующем для совершения новых преступлений.

Конфискация имущества как мера уголовно-правового характера (ст. 104.1 УК РФ) имеет сходство с так называемой специальной конфискацией (ст. 81 УПК РФ). В соответствии со ст. 81 УПК РФ суд при вынесении приговора вправе постано-

вить об обращении в доход государства как вещественного доказательства совершенного преступления преступно нажитого виновным имущества. Однако специальная конфискация не ограничена кругом преступлений, как это предусмотрено в ст. 104.1 УК РФ, и специальной конфискации подлежат только имущество и орудия преступления, признанные вещественными доказательствами. Статья же 104.1 УК РФ такого требования не содержит.

Вместе с тем ряд позиций, приведенных в данных нормах, совпадают: конфискации подлежат орудия преступления, принадлежащие обвиняемому; признанные вещественными доказательствами деньги, ценности и иное имущество, названное в пп. «а», «б», «в» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ. Процессуальная конфискация, как это прямо отмечено в ч. 3 ст. 81 УПК РФ, применяется при вынесении не только приговора, но и определения или постановления о прекращении уголовного дела. На долю конфискации как меры уголовно-правового характера, следовательно, приходятся: 1) доходы от имущества, полученного в результате совершения преступлений, перечисленных в п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ УК РФ, за исключением тех доходов, которые подлежат возвращению законному владельцу этого имущества; 2) доходы от имущества, в которое имущество, полученное в результате совершения преступлений, было полностью или частично превращено или преобразовано; 3) не признанные по каким-либо причинам вещественными доказательствами деньги, ценности и иное имущество, указанные в пп. «а», «б», «в» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ; 4) имущество, указанное в чч. 2, 3 ст. 104.1 УК РФ; 5) денежная сумма, о которой говорится в ст. 104.2 УК РФ. Во всех этих случаях ссылка на ст. 81 УПК РФ недопустима[1].

В Определении Конституционного Суда Российской Федерации от 8 июля 2004 г. № 251-О[2] отмечается, что норма, содер-

[1] Волженкин Б.В. Указ соч. С. 14.

[2] Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации на нарушение конституционных прав гражданина Яковенко Андрея Федоровича пунктом 1 статьи 86 УПК РСФСР и гражданина Исмайлова Адиля Юнус оглы пунктом 1 части третьей статьи 81 УПК Российской Федерации, а также жалобы гражданина Кузьмина Владимира Клавдиевича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 81 УПК Российской Федерации : Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 8 июля 2004 г. № 251-О // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 40. Ст. 3992.

жащаяся в п. 1 ч. 3 ст. 81 УПК РФ, будучи по своей природе и сущности нормой уголовно-процессуального законодательства как самостоятельной отрасли в системе законодательства Российской Федерации, имеет собственный предмет правового регулирования – институт вещественных доказательств в уголовном судопроизводстве. Как таковая данная норма, обеспечивая выполнение Российской Федерацией принятых на себя международно-правовых обязательств применительно к сфере уголовно-процессуального законодательства, не подменяет и не может подменять собой нормы уголовного закона, которыми и только которыми конфискация устанавливается в качестве уголовного наказания, и, соответственно, не исключает урегулирование вопросов конфискации в сфере уголовного законодательства с учетом предписаний международных конвенций.

Рассматривая ходатайство Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации об официальном разъяснении Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 8 июля 2004 г. № 251-О, Конституционный Суд Российской Федерации указал, что к выводам, изложенным в данном Определении, Конституционный Суд Российской Федерации пришел на основании анализа нормы, содержащейся в п. 1 ч. 3 ст. 81 УПК РФ (п. 1 ст. 86 УПК РСФСР), в системной связи с положениями норм международного права, касающимися определения юридической природы конфискации имущества в уголовном судопроизводстве, и с ранее выраженными Конституционным Судом Российской Федерации в его Постановлениях от 11 марта 1998 г.[1]; от 14 мая 1999 г.[2]; от 27 апреля 2001 г.[1] правовыми по-

---

[1] По делу о проверке конституционности статьи 266 Таможенного кодекса Российской Федерации, части второй статьи 85 и статьи 222 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях в связи с жалобами граждан М.М. Гаглоевой и А.Б. Пестрякова : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11 марта 1998 г. № 8-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 12. Ст. 1458.

[2] По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 131 и части первой статьи 380 Таможенного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой закрытого акционерного общества «Сибирское агентство "Экспресс"» и гражданина С.И. Тененева, а также жалобой фирмы «Y. & g. Reliable Services, Inc.» : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 мая 1999 г. № 8-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 21. Ст. 2669.

зициями о допустимости ограничения законом права частной собственности как не являющегося абсолютным, а также о принципиальной допустимости закрепления в федеральном законе конфискации незаконно перемещаемых через таможенную границу Российской Федерации товаров и транспортных средств, осуществляемой по решению суда, независимо от установления их собственника.

Таким образом, Конституционный Суд Российской Федерации констатировал отсутствие неопределенности в вопросе о соответствии п. 1 ч. 3 ст. 81 УПК РФ (п. 1 ст. 86 УПК РСФСР) Конституции Российской Федерации и признал, что данная норма уголовно-процессуального закона не допускает произвольного ограничения права собственности и не нарушает конституционные права и свободы граждан, поскольку предусматривает применение по судебному решению конфискации приобщенного к уголовному делу в качестве вещественного доказательства имущества, лишь если таковое признано орудием преступления.

Вместе с тем, исходя из того, что конфискация имущества в качестве вещественного доказательства допустима лишь при подтверждении наличия законно установленных для этого оснований, Конституционный Суд Российской Федерации указал, что определение, законно или незаконно перемещались через таможенную границу валютные средства и подпадают ли эти средства в конкретном случае под признаки орудия преступления – вещественного доказательства, подлежащего по решению суда уголовно-процессуальной конфискации, относится к сфере применения закона и находится в связи с этим в ведении судов общей юрисдикции, осуществляющих правосудие по рассматриваемым ими уголовным делам на основе исследования фактиче-

[1] По делу о проверке конституционности ряда положений Таможенного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области, жалобами Открытых акционерных обществ «АвтоВАЗ» и «Комбинат „Североникель”», обществ с ограниченной ответственностью «Верность», «Вита-Плюс» и «Невско-Балтийская транспортная компания», товарищества с ограниченной ответственностью «Совместное российско-южноафриканское предприятие „Эконт”» и гражданина А.Д. Чулкова : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 апреля 2001 г. № 7-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 23. Ст. 2409.

ских обстоятельств. Законность и обоснованность судебных решений по вопросу о конфискации вещественных доказательств проверяется не в конституционном, а в уголовном судопроизводстве, а единообразие судебной практики применения этой уголовно-процессуальной меры может и должно обеспечиваться в соответствии со ст. 126 Конституции Российской Федерации Верховным Судом Российской Федерации[1].

Согласно положениям в ст. 81 УПК РФ деньги, ценности и иное имущество, полученные в результате совершения преступления, признаются вещественными доказательствами (п. 2.1 ч. 1). При окончательном решении вопроса о них, в том числе о доходах от этого имущества, должен быть решен вопрос о возвращении имущества законному владельцу (п. 4 ч. 3), после чего – о конфискации (п. 4.1 ч. 3). При этом орудия преступления, принадлежащие обвиняемому, конфискуются в обычном процессуальном порядке (п. 1 ч. 3). Остальное имущество из числа подлежащего конфискации (пп. «а», «б», «в» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ), за исключением возвращаемого законному владельцу, конфискуется в порядке, установленном Правительством Российской Федерации.

3.2. Основания и порядок применения конфискации имущества

В соответствии со ст. 104.1 УК РФ конфискация имущества – мера уголовно-правового характера, заключающаяся в принудительном безвозмездном обращении по обвинительному приговору суда в собственность государства установленного уголовным законом имущества.

Конфискации также подлежат любые доходы от этого имущества, за исключением имущества и доходов от него, которые подлежат возвращению законному владельцу.

---

[1] Об отказе в принятии к рассмотрению ходатайства Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации об официальном разъяснении Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 8 июля 2004 года № 251-О : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 24 марта 2005 г. № 146-О. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Перечень преступлений, доход от совершения которых подлежит конфискации, является исчерпывающим (п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ) и включает преступления, предусмотренные: ч. 2 ст. 105, ч. 2–4 ст. 111, ч. 2 ст. 126, ст. 127.1, 127.2, ч. 2 ст. 141, ст. 141.1, ч. 2 ст. 142, ст. 145.1 (если преступление совершено из корыстных побуждений), ст. 146, 147, ст. 153–155 (если преступления совершены из корыстных побуждений), ст. 171.1, 171.2, 171.3, 171.4, 171.5, 174, 174.1, 183, чч. 3 и 4 ст. 184, ст. 186, 187, 189, 191.1, 201.1, чч. 5–8 ст. 204, ст. 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 206, ст. 207.3 (если преступление совершено из корыстных побуждений), статьями 208, 209, 210, 212, 222, 227, 228.1, ч. 2 ст. 228.2, ст. 228.4, 229, 231, 232, 234, 235.1, 238.1, 240, 241, 242, 242.1, 258.1, 260.1, чч. 2–4 ст. 272, ст. 273, ч. 2 ст. 274, ст. 274.1, 275, 275.1, 276, 276.1, 277, 278, 279, ст. 280.3 (если преступление совершено из корыстных побуждений), ст. 280.4 (если преступление совершено из корыстных побуждений), ст. 281–281.3, 282.1-282.3, 283.1, чч. 2–4 ст. 283.2, ст. 284.2 (если преступление совершено из корыстных побуждений), ст. 284.3 (если преступление совершено из корыстных побуждений), ст. 285, 285.4, 290, 295, 307–309, ст. 322.1 (если преступление совершено из корыстных побуждений), чч. 5 и 6 ст. 327.1, ст. 327.2, 355, ч. 3 ст. 359, ст. 361 УК РФ, или являющихся предметом незаконного перемещения через таможенную границу Евразийского экономического союза либо через Государственную границу Российской Федерации с государствами – членами Евразийского экономического союза, ответственность за которое установлена ст. 200.1, 226.1 и 229.1 УК РФ, и любых доходов от этого имущества, за исключением имущества и доходов от него, подлежащих возвращению законному владельцу.

Безвозмездному обращению в собственность государства подлежат также: а) предметы незаконного перемещения через таможенную границу Таможенного союза ЕАЭС либо через Государственную границу Российской Федерации с государствами – членами Таможенного союза ЕАЭС и любые доходы от этого имущества, за исключением имущества и доходов от него, подлежащих возвращению законному владельцу; б) деньги, ценности и иное имущество, в которые имущество, полученное в результате совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьями, указанными в п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ,

и доходы от этого имущества были частично или полностью превращены или преобразованы (п. «б» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ).

В Обзоре кассационной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за второе полугодие 2009 года указано, что конфискации подлежат деньги и иное имущество, полученные в результате преступлений, виновность в совершении которых установлена в предусмотренном законом порядке[1]; в) деньги, ценности и иное имущество, используемые или предназначенные для финансирования терроризма, экстремистской деятельности, организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации) (п. «в» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ); г) орудия, оборудование или иные средства совершения преступления, принадлежащие виновному (п. «г» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ).

Так, М. и Р. признаны виновными в том, что в составе организованной группы занимались незаконными производством и сбытом наркотических средств в особо крупном и крупном размере, а также приготовлением к незаконному сбыту наркотических средств в особо крупном размере.

По приговору М. и Р. осуждены по ч. 5 ст. 228.1, пп. «а», «г» ч. 4 ст. 228.1 и ч. 1 ст. 30, ч. 5 ст. 228.1 УК РФ.

Согласно указанному приговору автомобиль, принадлежащий осужденному М., конфискован и обращен в доход государства на основании п. 1 ч. 3 ст. 81 УПК РФ и п. «г» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации оставила приговор в части решения вопроса о конфискации без изменения, поскольку судом установлено, что указанный автомобиль использовался М. для приобретения и перевозки оборудования и препаратов, необходимых при

[1] Обзор кассационной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации : утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 24 марта 2010 г. // Верховный Суд Российской Федерации : офиц. сайт. URL: https://www.vsrf.ru/files/3321/ (дата обращения: 12.05.2026).

производстве наркотических средств, а также для перевозки самих незаконно произведенных наркотических средств[1].

Если будет установлено, что виновное лицо приобщило имущество, полученное преступным путем, и (или) доходы от этого имущества к законно приобретенному им имуществу, то согласно ч. 2 ст. 104.1 УК РФ конфискации подлежит только та часть этого имущества, которая соответствует размеру (стоимости) приобщенных имущества и доходов от него.

Так, Л. признан виновным помимо прочего в злоупотреблении должностными полномочиями и осужден по ч. 1 ст. 285 УК РФ.

На основании ст. 104.1 УК РФ постановлено конфисковать в доход государства полученные в результате совершения преступлений денежные средства в российских рублях, находящиеся на расчетном счете, зарегистрированном на Л. в дополнительном офисе отделения банка.

Как усматривается из приговора, судом принято решение о конфискации в доход государства денежных средств в российских рублях, находящихся на расчетном счете на имя осужденного Л. в дополнительном офисе отделения банка, как полученных в результате совершения преступления.

В соответствии с постановлением суда был наложен арест на лицевой счет на имя Л., на котором сумма остатка составила 310 937, 54 рубля.

Между тем судом установлено, что Л. в период с 23 декабря 2005 г. по 23 декабря 2006 г., злоупотребляя своими должностными полномочиями, получил денежное вознаграждение в размере 710 311, 33 рубля посредством перечисления денежных сумм на подконтрольный Л. расчетный счет в банке, открытый на имя М.

Кроме того, Л. утверждал, в том числе и в ходе судебного разбирательства в суде первой инстанции, что на расчетный счет, открытый на его имя в отделении банка, перечислялось ежемесячное денежное пособие, назначенное ему в связи с про-

[1] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2017) : утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 16 февраля 2017 г. // КонсультантПлюс : справ.-правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_212958/ (дата обращения: 14.05.2026).

хождением службы в Северо-Кавказском регионе.

Однако эти доводы, имеющие важное значение для принятия правильного решения по вопросу о конфискации денежных средств, находящихся на расчетном счете на имя Л. в дополнительном офисе отделения банка, не получили оценки в приговоре.

При этом в нарушение ст. 307 УПК РФ в приговоре не указано, на основании каких данных суд пришел к выводу о том, что денежные средства, находившиеся на данном расчетном счете, получены осужденным в результате совершения преступления.

В силу ч. 2 ст. 104.1 УК РФ, если имущество, полученное в результате совершения преступления, и (или) доходы от этого имущества были приобщены к имуществу, приобретенному законным путем, конфискации подлежит та часть этого имущества, которая соответствует стоимости приобщенных имущества и доходов от него.

В данном случае вопрос о том, производились ли перечисления на указанный расчетный счет денежных средств, приобретенных законным путем, судом не проверялся.

Таким образом, решение о конфискации в доход государства денежных средств, находящихся на расчетном счете на имя Л. в дополнительном офисе отделения банка, противоречит обстоятельствам, которые установлены и отражены в приговоре при описании преступного деяния, а также принято судом без учета положений ч. 2 ст. 104.1 УК РФ, что повлияло на исход дела в этой части.

На основании изложенного Президиум Верховного Суда Российской Федерации приговор и кассационное определение в части решения о конфискации в доход государства денежных средств в российских рублях, находящихся на расчетном счете, открытом на имя осужденного в дополнительном офисе отделения банка, отменил и уголовное дело в этой части передал в тот же суд на новое рассмотрение в порядке, предусмотренном ст. 397, 399 УПК РФ[1].

В некоторых случаях преступно полученное виновным ли-

[1] Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации № 131-П15 // КонсультантПлюс : справ.-правовая система. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=486418#Hi3WI6TK6OqjA8ZB2 (дата обращения: 12.05.2026).

цом имущество (или доходы от него) оказывается во владении или пользовании третьих лиц, которые не всегда располагают сведениями о подлинном его происхождении. В связи с этим уголовный закон (ч. 3 ст. 104.1 УК РФ) устанавливает, что имущество, которое указано в чч. 1 и 2 ст. 104.1 УК РФ, переданное осужденным другому лицу или организации, подлежит конфискации, если лицо, принявшее имущество, знало или должно было знать, что оно получено в результате совершения преступления, т. е. указанное лицо является недобросовестным приобретателем этого имущества или владеет им временно.

Израсходование денег, утрата или продажа имущества, полученных преступным путем, а равно другие причины, исключающие на момент принятия решения судом фактическое их изъятие, не позволяют виновному лицу избежать применения уголовно-правовой санкции в виде конфискации имущества. Однако в таком случае принудительному обращению в доход государства подлежит принадлежащая виновному денежная сумма, эквивалентная стоимости утраченного имущества (ст. 104.2 УК РФ). Фактически это могут быть какое-либо имущество, ценные бумаги, вклады в банке или иной кредитной организации и др.

Конфискация не распространяется на имущество, пусть и полученное преступным путем, но подлежащее обязательному возвращению законному владельцу. Такая ситуация может складываться не только в результате совершения преступлений, указанных в перечне, содержащемся в п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ, но и других преступлений (в частности, она характерна для экологических преступлений).

Так, в соответствии со ст. 59 Федерального закона от 24 июля 2009 г. № 209-ФЗ (ред. от 31 июля 2025 г.) «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[1] незаконно добытые охотничьи ресурсы и продукция охоты, а также транспортные средства и орудия незаконной добычи охотничьих ресурсов подлежат безвозмездному изъятию или конфискации

[1] URL: http://proxy.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102131705 (дата обращения: 12.05.2026).

в порядке, установленном законодательством Российской Федерации. При этом безвозмездно изъятые или конфискованные охотничьи ресурсы подлежат возвращению в среду обитания. В том случае, если физическое состояние указанных охотничьих ресурсов и продукции охоты не позволяет возвратить их в среду обитания, они подлежат реализации или уничтожению.

В соответствии со ст. 54 Федерального закона от 20 декабря 2004 г. № 166-ФЗ (ред. от 8 марта 2026 г.) «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов»[1] незаконно добытые (выловленные) водные биологические ресурсы и рыбная продукция из них подлежат безвозмездному изъятию или конфискации в порядке, установленном законодательством Российской Федерации.

Уголовный кодекс Российской Федерации не предусматривает ограничений в части предмета конфискации имущества, принадлежащего иностранным гражданам или юридическим лицам. Имущество таких лиц, будучи использованным в качестве орудия совершения преступления (например, иностранный рыболовецкий траулер, осуществлявший незаконную добычу водных биологических ресурсов), подлежит конфискации.

Если преступлением причинен материальный вред потерпевшему (законному владельцу имущества), то он имеет право на его возмещение в соответствии с положениями Гражданского кодекса Российской Федерации. Принудительное обращение в собственность государства имущества, принадлежащего виновному лицу, на основании ст. 104.1 и 104.2 УК РФ может затруднить реализацию законного права потерпевшего. С учетом этого уголовный закон устанавливает приоритет в части возмещения причиненного преступлением ущерба: согласно ч. 1 ст. 104.3 УК РФ при решении вопроса о конфискации имущества в первую очередь должен быть решен вопрос о возмещении ущерба, причиненного законному владельцу.

Причем если у виновного лица помимо имущества, указанного в чч. 1 и 2 ст. 104.1 УК РФ, отсутствует иное имущество, на которое может быть обращено взыскание, ущерб, причинен-

[1] URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102090164 (дата обращения: 12.05.2026).

ный законному владельцу, возмещается из стоимости конфискуемого имущества, а оставшаяся его часть обращается в доход государства (ч. 2 ст. 104.3 УК РФ).

Если возвращение имущества, полученного преступным путем, законному владельцу окажется невозможным, то решается вопрос о возмещении ущерба потерпевшему (ч. 3 ст. 42 УПК РФ) (гражданскому истцу (ст. 44 УПК РФ)) при судебном рассмотрении уголовного дела или в порядке гражданского судопроизводства.

Согласно п. 23 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 июня 2010 г. № 17 (ред. от 16 мая 2017 г.) «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве»[1] размер имущественного вреда, подлежащего возмещению потерпевшему, определяется исходя из цен, сложившихся на момент вынесения решения по предъявленному иску. Размер присужденной ко взысканию суммы компенсации причиненного вреда не может быть увеличен с учетом индексации в порядке исполнения приговора, поскольку такое решение не предусмотрено главой 47 УПК РФ. Заявление гражданского истца об индексации рассматривается судом в порядке гражданского судопроизводства в соответствии с ч. 1 ст. 208 ГПК РФ.

В соответствии с п. 24 указанного Постановления Пленума, решая вопрос о размере компенсации причиненного потерпевшему морального вреда, суду следует исходить из положений ст. 151 и п. 2 ст. 1101 ГК РФ и учитывать характер причиненных потерпевшему физических и нравственных страданий, степень вины причинителя вреда, руководствуясь при этом требованиями разумности и справедливости. В случае причинения морального вреда преступными действиями нескольких лиц он подлежит возмещению в долевом порядке.

Характер физических и нравственных страданий устанавливается судом с учетом фактических обстоятельств, при которых был причинен моральный вред, поведения подсудимого непосредственно после совершения преступления (например, оказание либо неоказание помощи потерпевшему), индивидуальных особенностей потерпевшего (возраст, состояние здоровья, пове-

[1] URL: https://www.vsrf.ru/document/8269/ (дата обращения: 12.05.2026).

дение в момент совершения преступления и т. п.), а также других обстоятельств (например, потеря работы потерпевшим).

Вред, причиненный в результате преступных действий, подрывающих деловую репутацию юридического лица, подлежит компенсации по правилам возмещения вреда деловой репутации гражданина (п. 7 ст. 152 ГК РФ).

Применение конфискации имущества (ст. 104.1 УК РФ) не исключает возможности применения в отношении виновного иных мер уголовно-правового характера, в частности судебного штрафа (ст. 76.2, глава 15.2 УК РФ). В соответствии с ч. 1 ст. 104.4 УК РФ судебный штраф является денежным взысканием, назначаемым судом при освобождении лица от уголовной ответственности в случаях, предусмотренных ст. 76.2 УК РФ.

Так, Н. обвинялся в незаконной добыче (вылове) водных биологических ресурсов, совершенной с применением запрещенных орудий и на особо охраняемой природной территории (пп. «б», «г» ч. 1 ст. 256 УК РФ). С учетом фактических обстоятельств дела, возмещения причиненного преступлением ущерба суд освободил Н. от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа согласно ст. 76.2, 104.4, 104.5 УК РФ. При этом орудия и средства совершения преступления были изъяты с учетом положений ст. 81 УПК РФ и ст. 104.1 УК РФ[1].

Законодатель подчеркивает, что при применении конфискации имущества на правоприменителе лежит обязанность доказывания преступного пути приобретения имущества. В случае отсутствия доказанности преступного пути приобретения имущества применение конфискации не допускается.

Так, по приговору Головинского районного суда г. Москвы от 13 сентября 2000 г. Б. осужден по ч. 1 ст. 188 УК РФ к 2 годам лишения свободы. В соответствии со ст. 73 УК РФ постановлено назначенное наказание считать условным с испытательным сроком 2 года; 250 тыс. долларов США, хранящиеся в Шереметьевской таможне как предмет контрабанды, обратить в доход государства. Постановлением этого же суда от 13 сентября 2000 г. Б. освобожден от наказания на основании п. 6 постановления Госу-

[1] Постановление судебного участка № 22 Дзержинского судебного района Калужской области от 4 августа 2021 г. по делу № 1-21/2021 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 05.05.2026).

дарственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 26 мая 2000 г. «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов». Б. признан виновным в том, что 20 марта 1997 г., прибыв в аэропорт «Шереметьево-1» г. Москвы из г. Риги и имея при себе 250 тыс. долларов США, не внес их в таможенную декларацию, не заявил при устном опросе, произведенном работниками таможни, переместил указанную сумму в ручной клади через таможенную границу Российской Федерации, скрыв таким образом эти деньги от таможенного контроля.

Судебная коллегия по уголовным делам Московского городского суда 25 октября 2000 г. приговор оставила без изменения. Президиум Московского городского суда 18 июля 2002 г. оставил судебные решения без изменения, а протест заместителя Председателя Верховного Суда Российской Федерации, в котором ставился вопрос об исключении из приговора указания об обращении в доход государства 250 тыс. долларов США, – без удовлетворения. Председатель Верховного Суда Российской Федерации в представлении поставил вопрос о возобновлении производства по уголовному делу и об отмене судебных решений в части обращения в доход государства 250 тыс. долларов США в связи с тем, что Европейский суд по правам человека[1] постановлением от 9 июня 2005 г. признал нарушение ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод[2] при рассмотрении судом уголовного дела в отношении Б. и обращении 250 тыс. долларов США в доход государства.

---

[1] В связи с прекращением членства Российской Федерации в Совете Европы решения Европейского суда по правам человека, вступившие в силу после 15 марта 2022 г., исполнению судами Российской Федерации не подлежат. См.: О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 11 июня 2022 г. № 180-ФЗ //Официальный интернет портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=603101480 (дата обращения: 12.02.2026).

[2] С 16 марта 2022 г. прекратили действие в отношении Российской Федерации Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. и Протокол № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 20 марта 1950 г. См.: О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы : Федеральный закон от 23 февраля 2023 г. № 43-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=604761854 (дата обращения: 12.05.2026).

Президиум Верховного Суда Российской Федерации 10 мая 2006 г. удовлетворил представление по следующим основаниям. Как видно из приговора, Б. в судебном заседании заявил о принадлежности 250 тыс. долларов США не ему, а Б-ву, который попросил его доставить деньги в г. Москву.

Допрошенный в качестве свидетеля Б-ов подтвердил, что снял 250 тыс. долларов США со своего счета в банке г. Риги и попросил Б. перевезти их в г. Москву, так как намеревался с семьей переезжать в г. Москву и у него была договоренность о приобретении квартиры. 23 марта 2001 г. Бакланов обратился с жалобой в Европейски суд по правам человека, в которой утверждал, что был лишен денежных средств по судебному решению, которое не содержало правовых оснований для конфискации этих денежных средств.

Постановлением от 9 июня 2005 г. Европейский суд по правам человека признал, что имело место нарушение ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод (каждое физическое или юридическое лицо имеет право на уважение своей собственности. Никто не может быть лишен своего имущества иначе как в интересах общества и на условиях, предусмотренных законом и общими принципами международного права).

Констатируя нарушение положений Конвенции, Европейский суд по правам человека исходил из того, что в соответствии с ч. 1 ст. 86 УПК РСФСР орудия преступления, денежные средства и иные предметы, нажитые преступным путем, должны быть изъяты, а остальные вещи – возвращены их законным владельцам.

Тем не менее не было приведено доказательств того, что денежные средства заявителя (Б.) были нажиты преступным путем, национальные суды не ссылались на такое обстоятельство при принятии решения об обращении денежных средств в доход государства. Кроме того, Европейский суд по правам человека признал, что «рассматриваемое национальное законодательство не было сформулировано с такой точностью, чтобы заявитель смог предусмотреть последствия его действий в степени, разумной при обстоятельствах дела.

Следовательно, вмешательство в право собственности заявителя не могло рассматриваться как законное по смыслу статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции. В соответствии с подп. «б»

п. 2 ч. 4 ст. 413 УПК РФ установленное Европейским судом по правам человека нарушение положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод является обстоятельством, влекущим возобновление производства по уголовному делу. Президиум Верховного суда Российской Федерации на основании ч. 5 ст. 415 УПК РФ и в соответствии с Постановлением Европейского суда по правам человека судебные решения в отношении Б. в части обращения в доход государства 250 тыс. долларов США отменил[1].

Процесс применения конфискации имущества можно разделить на три этапа, каждый из которых имеет свои специфические особенности.

Первый этап – стадия досудебного производства и осуществления предварительного следствия. Этот этап состоит в принятии мер, направленных на обеспечение возможной конфискации имущества с целью надлежащего исполнения приговора в части имущественных взысканий (гражданский иск, конфискация имущества). Одной из таких мер является наложение ареста на имущество в ходе предварительного расследования, правовая регламентация которого дана в ст. 115, 116 УПК РФ.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в п. 6 постановления от 14 июня 2018 г. № 17 (ред. от 12 декабря 2023 г.) «О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве»[2] разъясняет, что на основании ч. 3 ст. 115 УПК РФ в целях обеспечения возможной конфискации арест может быть наложен судом на имущество, указанное в ч. 1 ст. 104.1 УК РФ, находящееся не только у подозреваемого, обвиняемого или лиц, несущих по закону материальную ответственность за их действия, но и у других лиц, если есть достаточные основания полагать, что оно получено в результате преступных действий либо использовалось или предназначалось для использования в качестве орудия, оборудования или иного средства совершения преступления либо для финансирования терроризма, экстремистской деятельности (экстре-

[1] Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 10 мая 2006 № 203-П06-ПРК. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] URL: https://www.vsrf.ru/files/26888 (дата обращения: 12.05.2026).

мизма), организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации). Арест на такое имущество может быть наложен и в тех случаях, когда по возбужденному уголовному делу личность подозреваемого или обвиняемого не установлена.

Второй этап – судебное производство: установление имущества, подлежащего конфискации, и назначение указанной меры в обвинительном приговоре суда.

Суд имеет право назначить конфискацию имущества в качестве иной меры уголовно-правового характера при соблюдении следующих условий: 1) назначение конфискации имущества в качестве меры уголовно-правового характера возможно только за совершение преступлений, указанных в п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ; 2) в ходе предварительного следствия, а также в ходе судебного заседания должно быть доказано, что имущество, подлежащее конфискации, получено в результате совершения преступления или является доходами от этого имущества либо использовалось или предназначалось для использования в качестве орудия преступления либо для финансирования терроризма, организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации).

Назначая конфискацию имущества, суд должен указать, какое имущество подлежит конфискации, т. е. указать его родовой признак (деньги, ценные бумаги, право на имущество и др.), определить его размер (например, 500 тыс. рублей) или конкретный предмет (охотничье ружье, автомобиль, компьютер и др.).

Третий этап заключается в непосредственном исполнении конфискации имущества, т. е. принудительном безвозмездном изъятии и обращении в собственность государства конфискованного имущества.

В соответствии со ст. 5 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ (ред. от 25 апреля 2026 г.) «Об исполнительном производстве»[1] органом принудительного исполнения судебных актов является служба судебных приставов. Непосредственное осуществление функций по исполнению судебных актов возлагается на судебных приставов-исполнителей, которые

[1] URL: http://pravo.gov.ru//proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102117007 (дата обращения: 12.05.2026).

наделяются соответствующими властными полномочиями. Общий порядок исполнения исполнительного документа о конфискации имущества определен в ст. 104 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве».

Передача конфискованного имущества государственному органу или организации в соответствии с их компетенцией производится по акту приема-передачи после снятия наложенного судебным приставом-исполнителем ареста на указанное имущество и без снятия ареста, наложенного иными органами.

Реализация имущества осуществляется путем его продажи специализированными организациями, привлекаемыми в порядке, установленном Правительством Российской Федерации.

Функции по реализации имущества, арестованного во исполнение судебных решений или актов органов, которым предоставлено право принимать решения об обращении взыскания на имущество, а также функции по реализации конфискованного, движимого бесхозяйного, изъятого и иного имущества, обращенного в собственность государства в соответствии с законодательством Российской Федерации, осуществляет Федеральное агентство по управлению государственным имуществом[1]. Исполнение конфискации имущества регламентируется Федеральным законом от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве».

3.3. Совершенствование законодательства, предусматривающего порядок назначения конфискации имущества и практики его применения

Институт конфискации имущества был возвращен в Уголовный кодекс Российской Федерации Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ не в качестве наказания, а как иная мера уголовно-правового характера, что породило непонимание как со стороны теоретиков уголовного права, так и со стороны практических работников.

[1] О Федеральном агентстве по управлению государственным имуществом : Постановление Правительства Российской Федерации от 5 июня 2008 г. № 432 : текст с изм. и доп. на 3 июля 2025 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/docbody=&nd=102122392 (дата обращения: 12.05.2026).

Более полно проблематику изложил Э.В. Мартыненко, с которым следует согласиться в том, что «в ст. 104.1–104.3 УК РФ законодатель смешал три различных вида конфискации, не указал основания и цели ее применения, сформулировал не совсем удачный перечень так называемых конфискационных преступлений. Кроме того, остаются неразрешенными вопросы назначения конфискации имущества при вердикте присяжных о снисхождении, при назначении наказания ниже низшего придела, при неоконченном преступлении, при условном осуждении, отсрочке исполнения приговора и некоторых других случаях. Остается законодательно неурегулированной проблема исполнения конфискации имущества в случаях, когда имущество у виновного отсутствует»[1].

Существующий перечень преступлений, полученное в результате совершения которых имущество подлежит конфискации, предусмотренный в п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ, является несовершенным. Мы считаем более целесообразным либо внести изменения в указанную статью, включив в перечень тяжкие и особо тяжкие преступления, совершенные из корыстных побуждений, предусмотренные в разделе VIII УК РФ, либо отказаться от предложенного законодателем перечня преступлений, полученное в результате совершения которых имущество подлежит конфискации, в связи с тем, что многие преступления, указанные в п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ, не влекут за собой какой-либо имущественной выгоды для виновного при их совершении, следовательно, отсутствует предмет, на который может быть направлена конфискация имущества[2].

За отмену перечня преступлений, за совершение которых предусмотрена конфискация имущества, выступает и Э.В. Мартыненко. В своей диссертационной работе он предложил исключить перечень преступлений, предусмотренный в п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ, при этом рассмотреть вопрос о возможности применения конфискации имущества как иной меры уголовно-

[1] Мартыненко Э.В. Указ. соч. С. 5.

[2] Зарубин А.В. Некоторые проблемы правового регулирования применения конфискации имущества // Уголовное право на рубеже тысячелетий : материалы региональной научно-практической конференции (г. Тюмень, 21 ноября 2007 года) / редкол.: А.И. Числов [и др.]. Тюмень, 2008. С. 85 ; Мартыненко Э.В. Указ. соч. С. 4.

правового характера за любое преступление, при совершении которого лицо получает имущественную выгоду[1].

В связи с вышеизложенным конфискация имущества может быть определена как принудительное безвозмездное изъятие у лица, признанного виновным в совершении преступления, имущества, полученного этим лицом в результате совершении преступления.

Подобной точки зрения придерживается В.Б. Абраменко: «Конфискация имущества есть принудительное безвозмездное изъятие в собственность государства части имущества, являющегося собственностью осужденного, но не может превышать размера причиненного преступлением вреда или размера выгоды, приобретенной преступным путем»[2].

Применение конфискации имущества сопряжено со множеством проблем, которые связаны, по нашему мнению, с недостатками действующего уголовного законодательства.

Представляется более верным заменить в тексте ст. 104.1 УК РФ понятие «преступление» на «деяние, предусмотренное Особенной частью Уголовного кодекса Российской Федерации». К имуществу, полученному в результате общественно опасного деяния, следует относить имущество, полученное при совершении общественно опасных деяний лицами, не достигшими возраста уголовной ответственности.

Такое расширительное толкование признаков преступления, при совершении которого виновный получает имущество «в результате совершения преступлений», предусмотрено, например, для ст. 174, 174.1 УК РФ в п. 4 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 июля 2015 г. № 32 (ред. от 9 декабря 2025 г.) «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем»[3].

Согласно ст. 104.3 УК РФ при решении вопроса о конфискации имущества в первую очередь должен решаться вопрос

---

[1] Мартыненко Э.В. Указ. соч. С. 5.

[2] Абраменко В.Б. Конфискация имущества как средство предупреждения преступлений в сфере экономической деятельности : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2010. С. 9.

[3] URL: https://www.vsrf.ru/documents/own/8442/ (дата обращения: 12.05.2026).

о возмещении за счет конфискованного имущества ущерба, причиненного законному владельцу имущества, а оставшаяся часть обращается в доход государства, однако в определении понятия «конфискация имущества», приведенном в ст. 104.1 УК РФ, нет указания на какую-либо часть имущества, подлежащую возвращению законному владельцу. При этом возникает проблема допустимости возвращения имущества законному владельцу, если законным владельцем имущества является сам виновный.

В соответствии с п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ деньги, ценности и иное имущество, являющиеся предметом незаконного перемещения через таможенную границу Евразийского экономического союза либо через Государственную границу Российской Федерации с государствами – членами Евразийского экономического союза, ответственность за которое установлена ст. 200.1, 226.1 и 229.1 УК РФ, перестают быть собственностью владельца данного имущества и подлежат конфискации (п. 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 июня 2018 г. № 17 «О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве»).

В пункте «г» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ законодатель предусмотрел, что конфискации имущества подлежат орудия, оборудование и иные средства совершения преступления, принадлежащие обвиняемому. В этой норме также содержатся понятия, которые не определены в действующем законодательстве: «оборудование» и «иные средства совершения преступления».

На основании п. «д» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ, введенного в Уголовный кодекс Российской Федерации Федеральным законом от 14 июля 2022 г. № 258-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 150 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»[1], конфискации, т. е. принудительному безвозмездному изъятию и обращению в собственность государства на основании обвинительного приговора, подлежит транспортное средство, принадлежащее обвиняемому и использованное им при совершении преступления, предусмотренного ст. 264.1, 264.2 или 264.3 УК РФ.

[1] URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=603153518 (дата обращения: 12.05.2026).

В пункте 30 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 декабря 2008 г. № 25 (ред. от 25 июня 2024 г.) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения»[1] также указывается, что в силу положений п. «д» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ транспортное средство, которое принадлежит обвиняемому (находится в его собственности, а также в общей собственности обвиняемого и других лиц, в том числе в совместной собственности супругов) и было использовано им при совершении преступления, предусмотренного ст. 264.1, 264.2 или 264.3 УК РФ, подлежит конфискации с соблюдением условий, определенных нормами главы 15.1 УК РФ. При применении указанных норм необходимо учитывать разъяснения, содержащиеся в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 июня 2018 г. № 17 «О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве».

Поскольку п. «д» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ является уголовным законом, ухудшающим положение лица, совершившего преступление, то в соответствии со ст. 10 УК РФ действие такого закона может распространяться только в отношении преступлений, предусмотренных ст. 264.1, 264.2 УК РФ, совершенных после введения данного пункта в ст. 104.1 УК РФ.

В отношении ст. 264.3 УК РФ действие ст. 10 УК РФ не распространяется, поскольку ответственность за управление транспортным средством лицом, лишенным права управления транспортными средствами и подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость, была введена тем же Федеральным законом от 14 июля 2022 г. № 258-ФЗ, т. е. одновременно с дополнением ч. 1 ст. 104.1 УК РФ пунктом «д».

Уголовный кодекс Российской Федерации не ограничивает применение конфискации имущества как иной меры уголовно-правового характера лишь имуществом, непосредственно принадлежащим лицу, совершившему преступление. В судебной практике допускается конфискация орудия преступления и в случае, если оно является совместной собственностью супругов.

[1] URL: https://www.vsrf.ru/documents/own/8156/ (дата обращения: 12.05.2026).

В настоящее время Верховный Суд Российской Федерации при конфискации имущества на основании п. «д» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ последовательно (см., например, определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2024 г. по делу № 64-УДП23-9-К9; от 19 марта 2024 г. по делу № 31-УДП23-20К6[1]) применяет положения п. 3 (1) постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 июня 2018 г. № 17 «О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве», введенного Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 декабря 2023 г. № 45[2], в соответствии с которым для целей главы 15.1 УК РФ принадлежащим обвиняемому следует считать имущество, находящееся в его собственности, а также в общей собственности обвиняемого и других лиц, в том числе в совместной собственности супругов.

Для защиты имущественных прав других собственников заинтересованные лица вправе обратиться в суд с иском о возмещении убытков, причиненных им в результате совершения исполнительных действий и (или) применения мер принудительного исполнения в соответствии с ч. 2 ст. 119 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве».

На наш взгляд, остаются нерешенными вопросы о возможности применения конфискации имущества как иной меры уголовно-правового характера в действующей редакции закона в отношении имущества, подлежащего конфискации по уголовному делу, по которому прошли сроки давности привлечения лица к уголовной ответственности, и о применении конфискации в отношении имущества, которое подлежит конфискации, но находится за пределами Российской Федерации.

В действующей редакции статей, посвященных конфискации имущества, законодателем не дано конкретное определение статуса лица, имущество которого подлежит конфискации. Так, в статьях о конфискации имущества законодатель определяет статус лица как «обвиняемый», «осужденный», «виновный».

[1] Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] URL: https://www.vsrf.ru/documents/own/33245 (дата обращения: 12.05.2026).

При этом в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации данные статусы лица являются абсолютно разными и влекут за собой разные права и обязанности указанных лиц.

Обвиняемый – лицо, которому предъявлено обвинение в совершении конкретного преступления, суд еще не признал лицо виновным в совершении преступления, а может и не признать вообще, следовательно, лицо не является «осужденным», так как к нему еще не применена мера наказания (более того, лицо может быть освобождено от уголовной ответственности и от наказания).

По нашему мнению, будет более понятно определить статус данного лица как «подсудимый», что вполне логично и объяснимо.

Во-первых, согласно ч. 1 ст. 104.1 УК РФ конфискация имущества может быть применена только на основании обвинительного приговора суда, следовательно, дело обязательно подлежит рассмотрению в суде.

Во-вторых, лицо, которому предъявлено обвинение по уголовному делу в совершении конкретного преступления, при рассмотрении данного уголовного дела в суде приобретает статус «подсудимого» независимо от того, будет ли он признан виновным в совершении преступления и будет ли ему судом назначено наказание.

В-третьих, даже если лицо совершило преступление, но признано при производстве судебно-психиатрической экспертизы невменяемым, уголовное дело без обвинительного заключения направляется на рассмотрение в суд, соответственно, данное лицо приобретает статус «подсудимый».

В пункте «г» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ законодатель предусмотрел, что конфискации имущества подлежат орудия, оборудование и иные средства совершения преступления, принадлежащие обвиняемому. В этой норме также содержатся понятия, которые не определены в действующем законодательстве. Возникает вопрос: что понимать под «оборудованием» и «иными средствами совершения преступления». С введением конфискации имущества в Уголовный кодекс Российской Федерации данные понятия стали новыми для действующего законодательства: они не предусмотрены в каких-либо иных законодательных актах Российской Федерации, кроме Уголовного кодекса. Интересной представляется формулировка «принадлежащие обвиняемому».

Здесь, по нашему мнению, может возникнуть проблема конфискации орудий совершения преступления, которые не принадлежат обвиняемому. В связи с этим предлагаем исключить из текста п. «г» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ словосочетание «принадлежат обвиняемому» ввиду нецелесообразности его применения и представить п. «г» в следующей редакции: «… орудия совершения преступления», следовательно, независимо от их принадлежности конкретному лицу.

Кроме того, целесообразно разграничить процесс изъятия орудий (предметов) совершения преступления либо способствовавших совершению преступления в ходе расследования уголовного дела, так как данные орудия (предметы) будут признаны вещественными доказательствами по уголовному делу и, соответственно, изъяты и сданы на хранение в камеру хранения вещественных доказательств, и конфискацию имущества как иную меру уголовно-правового характера, применяемую судом уже по оконченному производством уголовному делу.

Конфискация имущества была бы гораздо более эффективной уголовно-правовой мерой в противодействии преступлениям, если бы в п. «а» ст. 104.1 УК РФ были указаны статьи Уголовного кодекса Российской Федерации об ответственности за организацию деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества (ст. 172.2 УК РФ), создание некоммерческой организации, посягающей на личность и права граждан (ст. 239 УК РФ), нецелевое расходование бюджетных средств (ст. 285.1) и нецелевое расходование средств государственных внебюджетных фондов (ст. 285.2 УК РФ), мелкое взяточничество (ст. 291.2 УК РФ) и мародерство (ст. 356.1 УК РФ). Кроме того, наблюдается своеобразное дублирование в различных пунктах ч. 1 ст. 104.1 УК РФ. Например, при совершении преступлений, предусмотренных ст. 189, 200.1, 208, 209, 210, 222, 226.1, 229.1, 274.1, 275, 275.1, 276, 281–281.3, 283.1, 290, 355, 359 УК РФ, конфискация может быть применена как на основании п. «а», так и на основании п. «в» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ.

В случае совершения преступления, предусмотренного ст. 207.3 УК РФ, если преступление совершено из корыстных побуждений, конфискация сотовых телефонов, персональных компьютеров, иных электронных средств связи и коммуникации, которые были получены виновным и использовались им при совершении преступления, применяется на основании п. «а» ч. 1

ст. 104.1 УК РФ. Если преступление совершено по другим мотивам, то конфискация таких орудий, оборудования или иных средств совершения преступления применяется на основании п. «г» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ в соответствии с п. 5 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 июня 2018 г. № 17 «О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве». Проанализировав тенденции изменений, вносимых в ст. 104.1 УК РФ, можно сделать вывод о том, что перечень таких преступлений будет и далее увеличиваться.

По нашему мнению, развитие конфискации имущества в данном направлении способно: 1) оказать существенное профилактическое влияние на потенциальных преступников (должностных лиц), расходующих бюджетные средства не по прямому назначению; 2) обеспечить безопасность государства в сфере социально-экономического развития; 3) обеспечить восстановление должной социальной справедливости, а также решать другие задачи уголовного законодательства.

В частности, создание государственного внебюджетного федерального фонда помощи потерпевшим, где одним из источников дохода являлись бы средства, полученные от конфискации имущества в порядке, установленном уголовным законодательством Российской Федерации, что способно восстановить и обеспечить социальную справедливость в полном смысле этого слова.

Также следует отметить, что в целях обеспечения экономической безопасности и повышения ее уровня посредством применения уголовно-правовых мер необходимо расширение действия иных мер уголовно-правового характера. Считаем перспективным применение иных мер уголовно-правового характера к юридическим лицам, участвовавшим в преступлении, что, безусловно, усилит борьбу с нецелевым расходованием бюджетных средств. Вместе с тем это косвенно соответствует ратифицированным (вышеуказанным) конвенциям, поскольку преступность юридических лиц способствует повышению уровня криминогенности общества в целом. В частности, порождает такие опасные социальные явления, как коррупция (особый ее вид – корпоративная коррупция, т. е. незаконная корыстно-мотивированная деятельность государственных служащих в интересах юридических лиц), экологическая преступность, финансиро-

вание терроризма и организованной преступности, или создает условия для их развития.

Принимая во внимание вышеизложенное и основываясь на приведенных нами доводах, мы пришли к выводу, что для устранения выявленных нами несовершенств при применении конфискации имущества как иной меры уголовно-правового характера необходимо внести поправки в Уголовный кодекс Российской Федерации, а также принять постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации, в котором были бы разъяснены порядок и правила применения конфискации имущества как иной меры уголовно-правового характера, что существенно облегчило бы практику ее применения судами. Мы предлагаем следующую редакцию ст. 104.1 УК РФ:

«Статья 104.1. Конфискация имущества

1. Конфискации имущества, то есть принудительному безвозмездному изъятию у подсудимого подлежит следующее имущество:

а) деньги, ценности и иное имущество, в которые имущество, полученное в результате совершения преступления и доходы от этого имущества были частично или полностью превращены или преобразованы;

б) орудия совершения преступления.

2. Если имущество, полученное в результате совершения преступления, и (или) доходы от этого имущества были приобщены к имуществу, приобретенному законным путем, конфискации подлежит та часть этого имущества, которая соответствует стоимости приобщенных имущества и доходов от него».

Указанные проблемы, безусловно, требуют тщательного изучения и более качественной проработки для принятия решений российским законодателем, поскольку нормативное регулирование каждой из позиций будет определять качество и эффективность реализации уголовно-правовой политики.

Отметим, что конфискация имущества, в том правовом смысле, какой имеет сейчас, является перспективным направлением развития мер уголовно-правового воздействия, применяемых за совершение различного рода преступлений.

4. СУДЕБНЫЙ ШТРАФ

4.1. Судебный штраф как иная мера уголовно-правового характера

Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности»[1] в Уголовный кодекс Российской Федерации введена ст. 76.2, предусматривающая возможность освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа.

В разделе VI УК РФ «Иные меры уголовно-правового характера» появилась глава 15.2 «Судебный штраф», которая включает ст. 104.4 «Судебный штраф» и ст. 104.5 УК РФ «Порядок определения размера судебного штрафа».

Под судебным штрафом предлагается понимать иную меру уголовно-правового характера, назначаемую по решению суда в отношении лица, совершившего преступление, как условие его освобождения от уголовной ответственности, выражающуюся в правоограничениях имущественного характера, а также других прав и свобод. Это позволяет согласиться с позицией ученых, рассматривающих судебный штраф как форму «сделки с правосудием», характеризуя ее с положительной стороны[2].

Применение положений об освобождении от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа в настоящее время приобретает все большие масштабы. При этом до настоящего времени не решены многие проблемы правоприменения[3].

---

[1] URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102403665 (дата обращения: 12.05.2026).

[2] Шепелева С.В. К вопросу о судебном штрафе как мере уголовно-правового характера // Уголовная политика и правоприменительная практика : материалы IV Всерос. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 3 ноября 2016 г. / отв. ред. Е.Н. Рахманова. СПб., 2016. С. 382.

[3] Безбородов Д.А., Ильина А.Н. Некоторые особенности применения судебного штрафа при совокупности преступлений // Уголовное право. 2018. № 4. С. 25.

Ответы на некоторые вопросы содержатся в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19 (ред. от 29 ноября 2016 г.) «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности»[1], а также в утвержденном Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 10 июля 2019 г. Обзоре судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (ст. 76.2 УК РФ)[2].

Необходимо указать на сложную правовую природу судебного штрафа, который является, с одной стороны, видом освобождения от уголовной ответственности, с другой стороны, определен в Уголовном кодексе Российской Федерации в качестве иной меры уголовно-правового характера.

Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа возможно при наличии следующих условий, предусмотренных ст. 76.2 УК РФ, а также ст. 25.1 УПК РФ «Прекращение уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа» и ч. 2 ст. 27 УПК РФ «Основания прекращения уголовного преследования»: 1) преступление совершено впервые как фактически, так и юридически; 2) совершенное преступление относится к категории преступлений небольшой или средней тяжести; 3) лицо, совершившее преступление, возместило ущерб или иным образом загладило причиненный преступлением вред; 4) лицо, совершившее преступление, не возражает против прекращения уголовного преследования с назначением судебного штрафа.

Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа, так же, как и освобождение от уголовной ответственности по основаниям, установленным в ч. 1 ст. 75, ст. 76 и ст. 90 УК РФ, предусмотрено для применения к лицам, совершившим преступление небольшой или средней тяжести.

В связи с этим возникает вопрос о праве суда изменить категорию преступления в порядке, предусмотренном ч. 6 ст. 15

[1] URL: https://www.vsrf.ru/documents/own/8350/ (дата обращения: 12.05.2026).
[2] URL: https://www.vsrf.ru/documents/all/28088/ (дата обращения: 12.05.2026).

УК РФ, и освободить лицо от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа. В первой редакции п. 26 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности», действовавшей до 29 ноября 2016 г., содержалось разъяснение, согласно которому в случае, когда при постановлении приговора суд, назначив наказание, в соответствии с ч. 6 ст. 15 УК РФ изменил категорию преступления на менее тяжкую, то при наличии оснований, предусмотренных ст. 75, 76, 76.1 и 78 УК РФ, он освобождает осужденного от отбывания назначенного наказания. В действующей редакции данного Постановления Пленума такое положение отсутствует.

При этом в соответствии с п. 10 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 мая 2018 г. № 10 «О практике применения судами положений части 6 статьи 15 Уголовного кодекса Российской Федерации»[1] решение суда об изменении категории преступления с тяжкого на преступление средней тяжести позволяет суду при наличии оснований, предусмотренных ст. 75, 76, 78, 80.1, 84, 92, 94 УК РФ, освободить осужденного от отбывания назначенного наказания.

Необходимо отметить негативное отношение в науке уголовного права к возможности назначения судебного штрафа за совершение тяжких преступлений при изменении категории преступления.

В частности, В.Н. Сафонов и Н.К. Петровский указывают, что «теперь уже со всей очевидностью к таковым последствиям следует отнести правоприменительную практику, когда тяжкое преступление суд переводит в разряд преступлений средней тяжести, а затем применяются положения ст. 76.2 УК РФ и лицо освобождается от уголовного наказания по норме об освобождении от уголовной ответственности. Особенно неприемлемы такие правовые конструкции и обеспечивающие их “процессуальные лабиринты” в двух встречающихся случаях: 1) когда виновное лицо *освобождается от ответственности* за тяжкое преступление против личности (например, от ответственности

[1] URL: https://www.vsrf.ru/documents/own/26765 (дата обращения: 12.05.2026).

за преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 111 УК РФ) после назначенного наказания; 2) когда окончательное решение принимается в форме постановления суда, т. е. даже без соблюдения минимального процессуального „приличия”»[1].

На наш взгляд, суд при постановлении приговора, назначив наказание и изменив категорию преступления на менее тяжкую, при наличии оснований, предусмотренных ст. 76.2 УК РФ, может освободить осужденного от отбывания наказания и назначить ему меру уголовно-правового характера в виде судебного штрафа.

В норме об освобождении от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа в качестве постпреступного позитивного поведения названо возмещение ущерба или заглаживание причиненного преступлением вреда иным образом. Совершения других позитивных действий, как это предусмотрено в норме о деятельном раскаянии, от лица не требуется.

Освобождение от уголовной ответственности по данному основанию также возможно в случае, когда при полном возмещении ущерба не было достигнуто примирение с потерпевшим. Мнение потерпевшего должно иметь значение только при решении вопроса о способах заглаживания вреда и размере его возмещения.

На это, в частности, указывается в п. 7 Обзора судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (ст. 76.2 УК РФ), утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 10 июля 2019 г.: «Уголовный закон не предусматривает в качестве обязательного условия для освобождения лица от уголовной ответственности по основаниям, предусмотренным ст. 76.2 УК РФ, согласие потерпевшего».

Решение вопроса об освобождении от уголовной ответственности не связано с мнением потерпевшего, поскольку в силу публичного характера уголовно-правовых отношений данное право принадлежит государству в лице суда.

---

[1] Сафонов В.Н., Петровский Н.К. Уроки судебной практики распространения положений ст.76.2 УК РФ на категорию тяжких преступлений // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер.: Экономика и право. 2021. № 10. С. 87.

Относительно того, что следует понимать под возмещением ущерба и заглаживанием вреда, суду следует руководствоваться разъяснением, содержащимся в п. 2.1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности».

Применительно к ч. 1 ст. 75 и ст. 76.2 УК РФ под ущербом следует понимать имущественный вред, который может быть возмещен в натуре (в частности, путем предоставления имущества взамен утраченного, ремонта или исправления поврежденного имущества), в денежной форме (например, возмещение стоимости утраченного или поврежденного имущества, расходов на лечение) и т. д.

Под заглаживанием вреда (ст. 76.2 УК РФ) понимается имущественная, в том числе денежная, компенсация морального вреда, оказание какой-либо помощи потерпевшему, принесение ему извинений, а также принятие иных мер, направленных на восстановление нарушенных в результате преступления прав потерпевшего, законных интересов личности, общества и государства.

Способы возмещения ущерба и заглаживания вреда должны носить законный характер и не ущемлять права третьих лиц.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» указывает, что возмещение ущерба и (или) заглаживание вреда (ст. 75 – 76.2 УК РФ) могут быть произведены не только лицом, совершившим преступление, но и по его просьбе (с его согласия) другими лицами. В случае совершения преступлений, предусмотренных ст. 199 и 199.1 УК РФ, возмещение ущерба допускается и организацией, уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с которой вменяется лицу (примечание 2 к ст. 199 УК РФ).

Обещания, а также различного рода обязательства лица, совершившего преступление, возместить ущерб или загладить вред в будущем не являются обстоятельствами, дающими основание для освобождения этого лица от уголовной ответственности.

В статье 76.2 УК РФ словосочетания «возместило ущерб» и «иным образом загладило причиненный преступлением вред» соединены разделительным союзом «или». Это означает, что каждое из этих позитивных действий является самостоятельным основанием для освобождения от уголовной ответственности.

В случаях, когда потерпевшему преступлением причинен имущественный вред (ущерб), его возмещение должно быть расценено судом как основание для освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа. А если потерпевшему причинен неимущественный вред (физический или моральный), основанием для освобождения от уголовной ответственности является его заглаживание приемлемым для потерпевшего способом.

Полагаем, что по смыслу ст. 76.2 УК РФ под возмещением ущерба (имущественного вреда) для целей предусмотренного в этой норме закона освобождения от уголовной ответственности следует понимать возмещение ущерба (имущественного вреда) в полном объеме, т. е. в объеме, установленном согласно материалам дела.

При причинении потерпевшему неимущественного вреда способ и размер его возмещения должны быть приемлемыми для потерпевшего, поэтому мнение потерпевшего по этому вопросу должно быть учтено.

Однако явно несоразмерные причиненному вреду требования потерпевшего не должны приниматься во внимание, так как они противоречат задачам правосудия. В таких случаях суд, исходя из принципов разумности и справедливости, должен дать оценку размеру возмещения с точки зрения его достаточности для признания выполненным условия, предусмотренного ст. 76.2 УК РФ.

Например, при умышленном причинении легкого вреда здоровью, предусмотренном ч. 1 ст. 115 УК РФ, виновный выплатил потерпевшему компенсацию морального вреда в размере 100 тысяч рублей, а потерпевший требует возмещения в размере одного миллиона рублей. Суд, посчитав размер возмещения вреда разумным, справедливым и достаточным, может признать, что лицо выполнило обязательное для освобождения от уголовной ответственности условие заглаживания вреда.

Уголовный кодекс содержит значительное число формальных составов преступлений небольшой и средней тяжести, в которых не предусмотрено наступление общественно опасных последствий в виде причинения имущественного или неимущественного вреда физическим или юридическим лицам.

В связи с этим возникает вопрос о возможности применения судебного штрафа к лицам, совершившим такого рода преступления, поскольку в Уголовном кодексе Российской Федерации в качестве единственного основания для освобождения от уголовной ответственности предусмотрено возмещение ущерба или иное заглаживание причиненного преступлением вреда.

Так, К. была освобождена в соответствии со ст. 76.2 УК РФ от уголовной ответственности по ч. 6 ст. 204, ч. 6 ст. 204, ч. 6 ст. 204, ч. 1 ст. 204.2, ч. 1 ст. 204.2, ч. 1 ст. 204.2, ч. 5 ст. 204, ч. 5 ст. 204, ч. 6 ст. 204, ч. 6 ст. 204, ч. 5 ст. 204, ч. 5 ст. 204, ч. 1 ст. 204.2, ч. 1 ст. 204.2, ч. 5 ст. 204, ч. 5 ст. 204, ч. 1 ст. 174.1 УК РФ с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа в размере 50 тыс. рублей[1].

По нашему мнению, освобождение от уголовной ответственности лиц, совершивших подобные преступления, по основанию, указанному в ст. 76.2 УК РФ, нецелесообразно.

Такие лица могут быть освобождены от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием в соответствии с ч. 1 ст. 75 УК РФ либо по специальному основанию согласно примечанию к статье Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (специальный вид деятельного раскаяния). Так, лицо, совершившее преступление, предусмотренное ст. 322.3 УК РФ, может быть освобождено от уголовной ответственности по основанию, указанному в примечании 2 к указанной статье.

Однако судебная практика показывает, что анализируемый вид освобождения от уголовной ответственности применяется также и по делам, где не было ущерба и вопрос о его возмещении или заглаживании вреда не возникал.

---

[1] Постановление Индустриального районного суда г. Ижевска (Удмуртская Республика) № 1-507/2019 от 6 сентября 2019 г. по делу № 1-507/2019 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: https://www.sudact.ru/ (дата обращения: 08.06.2026).

В пункте 1 Обзора судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначение судебного штрафа (ст. 76.2 УК РФ), утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 10 июля 2019 г., о применении судебного штрафа сказано, что закон не содержит запрета на возможность освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа при соблюдении предусмотренных ст. 76.2 УК РФ условий и в случае совершения преступления с формальным составом.

В пункте 2 Обзора указано, что суды правильно исходят из того, что вред, причиненный преступлением, может быть возмещен в любой форме, позволяющей компенсировать негативные изменения, причиненные преступлением охраняемым уголовным законом общественным отношениям.

При этом в Обзоре приводится постановление Рузаевского районного суда Республики Мордовия от 28 июня 2017 г. о прекращении уголовного дела в отношении К., обвиняемой в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 228 УК РФ, в соответствии со ст. 25.1 УПК РФ с назначением судебного штрафа в размере 10 тыс. рублей.

К. загладила причиненный преступлением вред путем добровольного выполнения общественных работ в «Социально-реабилитационном центре для несовершеннолетних» и пожертвования денежных средств в данное учреждение на благотворительность.

Верховный Суд Российской Федерации оставил без внимания вопрос о соответствии объекта преступления, которому причинен вред, тем общественным отношениям, социальным ценностям, на поддержание которых виновный перечислил деньги в качестве благотворительности.

Положительный ответ дан в Обзоре и на вопрос о возможности назначения судебного штрафа при неоконченном преступлении: лицо может быть освобождено от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа и в том случае, когда в результате совершения преступления материальный ущерб фактически не причинен ввиду того, что преступление не было доведено до конца по независящим от этого лица обстоятельствам (п. 3 Обзора).

Сложной представляется ситуация, когда виновным совершается так называемое многообъектное преступление (напри-

мер, предусмотренное ст. 318, 319 УК РФ и др.) или преступление, в результате которого нарушены интересы общества или государства. Судебная практика свидетельствует о том, что и в подобных случаях правоприменители каких-либо препятствий для освобождения виновных лиц от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа не находят[1].

Так, Президиум Ленинградского областного суда отменил постановление Кировского городского суда Ленинградской области от 24 октября 2016 г. в отношении Б.А.В., Б.С.Н., К.Н.С. Постановлением Кировского городского суда Ленинградской области было прекращено уголовное дело по обвинению вышеназванных лиц в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 318 УК РФ. Б.А.В., Б.С.Н., К.Н.С. освобождены от уголовной ответственности, и им назначена мера уголовно-правового характера в виде судебного штрафа.

Отменяя данное постановление, Президиум Ленинградского областного суда указал, что преступление, предусмотренное ст. 318 УК РФ, имеет основной объект – интересы государства и дополнительный – интересы потерпевшего. «При таких обстоятельствах по данному основанию прекращены могут быть только такие дела, по которым имеется потерпевший и преступные действия совершены непосредственно против него и его прав. В тех случаях, когда преступное посягательство обращено на иной защищаемый законом объект – интересы государства, по роду которого указанные преступления расположены в соответствующих главах Уголовного кодекса Российской Федерации, относящихся к преступлениям против порядка управления, отсутствие ущерба у потерпевшего не устраняет вред, нанесенный основному объекту преступного посягательства»[2].

Признавая обоснованность позиции суда, считаем целесообразным упомянуть, что в Обзоре судебной практики освобожде-

---

[1] Постановление Городецкого городского суда Нижегородской области от 1 декабря 2016 г. по делу № 1-284/2016 ; Постановление мирового судьи судебного участка № 4 Свердловского судебного района г. Костромы от 6 апреля 2017 г. по делу № 1-7/2017 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: http://www.sudact.ru/ (дата обращения: 24.04.2026).

[2] Архив Ленинградского областного суда. URL: http://www.kodeks.ru/rospravo/ (дата обращения: 12.05.2026).

ния от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (ст. 76.2 УК РФ), утвержденном Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 10 июня 2019 г., в качестве положительного примера приведено постановление Тахтамукайского районного суда Республики Адыгея от 19 мая 2017 г., по которому Ч., обвиняемый в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 297 УК РФ, освобожден от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа.

Равным образом в Определении Конституционного Суда Российской Федерации от 24 сентября 2020 г. № 1938-О «По запросу Петрозаводского гарнизонного военного суда о проверке конституционности абзаца третьего статьи 5 и пункта 5 статьи 8 Федерального закона “О материальной ответственности военнослужащих”»[1] приведена ситуация, когда постановлением Петрозаводского гарнизонного военного суда от 14 августа 2019 г., вступившим в законную силу, уголовное дело в отношении Н.Н. Николаева, обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 350 УК РФ «Нарушение правил вождения или эксплуатации машин», было прекращено на основании ст. 25.1 УПК РФ с назначением Н.Н. Николаеву меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа.

При этом в вышеназванном Определении Конституционного Суда Российской Федерации указано, что в качестве обязательного условия освобождения лица от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа федеральный законодатель определил полное возмещение этим лицом ущерба или заглаживание иным образом вреда, причиненного преступлением. Данное правовое регулирование направлено на достижение конституционно значимых целей дифференциации уголовной ответственности и наказания, усиления их исправительного воздействия, предупреждения новых преступлений и в конечном счете – защиты личности, общества и государства от преступных посягательств. Учитывая, что различные уголовно наказуемые деяния влекут наступление разного по своему характеру вреда, предусмотренные ст. 76.2 УК РФ действия, направленные на за-

[1] URL: https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision497321.pdf (дата обращения: 12.05.2026).

глаживание такого вреда и свидетельствующие о снижении степени общественной опасности преступления, нейтрализации его вредных последствий, не могут быть одинаковыми во всех случаях, а определяются в зависимости от особенностей конкретного деяния.

В статье 76.2 УК РФ предусмотрено освобождение от уголовной ответственности только в судебном порядке, в том числе по ходатайству органов предварительного расследования. В данном случае законодатель не допустил противоречащее ст. 49 Конституции Российской Федерации несудебное признание лица виновным в совершении преступления, как это имеет место во всех остальных видах освобождения от уголовной ответственности, допускающих освобождение от уголовной ответственности органами предварительного расследования.

Необходимым условием освобождения от уголовной ответственности является установление факта совершения лицом преступления, что, по существу, означает признание лица виновным в совершении преступления. Только суд обладает правомочием признать лицо виновным в совершении преступления, он и должен решить вопрос об освобождении такого лица от уголовной ответственности. Органы предварительного расследования не должны осуществлять не свойственную им функцию правосудия.

В статье 76.2 УК РФ предусмотрено применение освобождения от уголовной ответственности на диспозитивных началах, т. е. по усмотрению суда. Это означает, что суд даже при наличии всех указанных в законе условий не обязан, а вправе освободить лицо от уголовной ответственности.

Упущением законодателя видится то, что в ст. 76.2 УК РФ не приведен обобщающий критерий, на основании оценки которого суд, установив наличие приведенных в законе объективных условий (совершение лицом впервые преступления небольшой или средней тяжести, возмещение ущерба и (или) заглаживание вреда), должен будет решить вопрос о целесообразности или нецелесообразности освобождения лица от уголовной ответственности.

По нашему мнению, критерии, ограничивающие судейское усмотрение, могут быть установлены с учетом того, что освобождаемое лицо подвергается уголовно-правовой мере в виде судебного штрафа, которая применяется в тех же целях,

что и уголовное наказание, а именно в целях восстановления социальной справедливости, исправления лица и предупреждения новых преступлений.

Уголовный кодекс Российской Федерации содержит немало составов преступлений, отнесенных к категориям небольшой и средней тяжести, но представляющих высокую общественную опасность. Например, преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, предусмотренные ч. 2 ст. 133, ч. 1 ст. 134, ч. 1 ст. 135, ст. 240.1 УК РФ.

Исправление лиц, совершивших такого рода преступления, вряд ли может быть достигнуто назначением судебного штрафа. Однако лицо, впервые совершившее такое преступление и возместившее ущерб или иным образом загладившее причиненный преступлением вред, по закону может быть освобождено от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа, поскольку иных кроме указанных ограничений законом не установлено.

Суд по таким делам вынужден будет мотивировать целесообразность освобождения лица от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа со ссылкой на основания, не предусмотренные законом, что сопряжено с риском отмены судебного решения ввиду неправильного применения закона. Законодательное установление данного обобщающего критерия создаст необходимые нормативные предпосылки для применения нормы об освобождении от уголовной ответственности с назначение судебного штрафа только в тех случаях, когда это соответствует целям ее применения.

Так, Белгородский областной суд, отменяя постановление суда первой инстанции о назначении судебного штрафа, указал следующее. Принимая решение об удовлетворении ходатайства следователя о прекращении в отношении П. уголовного дела с назначением меры уголовно-правового характера в виде штрафа, суд в постановлении сослался на то, что обвиняемый к уголовной и административной ответственности ранее не привлекался, по прежнему месту жительства и по месту проживания участковыми уполномоченными характеризуется положительно, на учетах в медицинских учреждениях не состоит, за время обучения в школе также характеризуется положительно; преступле-

ние, предусмотренное ч.1 ст. 228 УК РФ, относится к категории преступлений небольшой тяжести.

Суд также указал, что законом возможные способы возмещения ущерба и заглаживания вреда не ограничены, материального ущерба в результате действий П. причинено не было. С целью заглаживания причиненного охраняемым законом интересам государства и общества вреда П. перечислил денежные средства в размере 1500 рублей, с учетом его материального положения, в Благотворительный фонд Хабенского, оказывающий помощь онкобольным детям, а также дважды выступил с лекцией перед своими коллегами (на момент работы в магазине «Пятерочка») и перед учениками 9–10 классов МБОУ «Центр Образования „Перспектива”».

Указанные действия П. суд расценил как иные действия, достаточные в своем объеме, направленные на заглаживание вреда, свидетельствующие об уменьшении степени общественной опасности деяния и личности обвиняемого, и пришел к выводу о наличии всех оснований для прекращения в отношении П. уголовного дела с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа.

Между тем апелляционная инстанция посчитала принятое судом решение не в полной мере обоснованным и мотивированным.

Инкриминируемое П. преступление, действительно, относится к категории небольшой тяжести, и согласно ст. 76.2 УК РФ и ст. 25.1 УПК РФ прекращение уголовного дела допускается с соблюдением условия возмещения ущерба или иным образом заглаживания причиненного преступлением вреда.

Апелляционная инстанция признала, что вред, причиненный преступлением, может быть возмещен в любой форме, позволяющей компенсировать негативные изменения, причиненные преступлением охраняемым уголовным законом общественным отношениям.

Вместе с тем перечисление П. 1500 рублей в Благотворительный фонд и выступление с двумя вышеуказанными лекциями не являются теми условиями, которые бы позволяли сделать вывод, что лицо совершило достаточные действия, свидетельствующие об уменьшении степени общественной опасности

личности обвиняемого, который на момент инкриминируемого ему преступления являлся курсантом юридического института.

С учетом изложенного постановление суда нельзя признать законным и обоснованным, в связи с чем оно подлежит отмене с возвращением уголовного дела руководителю следственного органа[1].

Правовое регулирование определения размера судебного штрафа также не лишено недостатков.

В части 2 ст. 104.5 УК РФ в качестве обстоятельств, учитываемых судом при определении размера судебного штрафа, указываются: а) тяжесть совершенного преступления; б) имущественное положение лица, освобождаемого от уголовной ответственности; в) имущественное положение семьи лица, освобождаемого от уголовной ответственности; г) возможность получения лицом, освобождаемым от уголовной ответственности, заработной платы или иного дохода.

Таким образом ч. 2 ст. 104.5 УК РФ содержит исчерпывающий перечень обстоятельств, учитываемых при назначении судебного штрафа. В пункте 8 вышеназванного Обзора в качестве положительного опыта приведено постановление Магасского районного суда Республики Ингушетия от 17 августа 2017 г., в котором суд в нарушение требований Уголовного кодекса Российской Федерации при определении размера судебного штрафа в качестве иной меры уголовно-правового характера учел степень общественной опасности содеянного, личность обвиняемого, который по месту жительства характеризуется положительно, наличие на иждивении четверых малолетних детей и возмещение вреда потерпевшему в полном объеме.

Учет обстоятельств, относящихся к личности виновного, а также влияния назначенного судебного штрафа на условия жизни его семьи противоречит п. 7.1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58 (ред. от 23 декабря 2025 г.) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания»[2].

---

[1] Апелляционное постановление Белгородского областного суда от 21 апреля 2021 г. // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 14.05 2026).

[2] URL: https://www.vsrf.ru/documents/own/2470/ (дата обращения: 12.05.2026).

Явной проблемой применения судебного штрафа является, по нашему мнению, то обстоятельство, что в ч. 1 ст. 104.5 УК РФ не установлен минимальный размер судебного штрафа.

Регламентировано только два порядка определения максимального размера судебного штрафа: 1) когда штраф как наказание предусмотрен в санкции соответствующей статьи Особенной части УК РФ; 2) когда штраф не предусмотрен соответствующей статьей Особенной части УК РФ.

В первом случае размер судебного штрафа не может превышать половину максимального размера штрафа, предусмотренного в санкции статьи.

Во втором случае размер судебного штрафа не может превышать 250 тыс. рублей. В части 2 ст. 46 УК РФ установлен минимальный размер штрафа как меры наказания в сумме 5 тыс. рублей, а также в сумме 25 тыс. рублей при кратном исчислении размера штрафа.

При определении размера судебного штрафа руководствоваться этими цифрами у суда нет правовых оснований, так как в ч. 1 ст. 104.5 УК РФ не указано на это.

Таким образом, если судебный штраф назначен в размере 100 рублей и суд мотивирует это имущественным положением лица, освобождаемого от уголовной ответственности, и его семьи, то такое решение формально соответствует закону.

На наш взгляд, нужно законодательно установить минимальный размер судебного штрафа, иначе данная мера уголовно-правового характера может превратиться в фикцию.

При определении размера судебного штрафа за несколько преступлений небольшой и (или) средней тяжести суды обоснованно исходят из санкции статьи, устанавливающей наиболее строгую ответственность (п. 9 Обзора судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (ст. 76.2 УК РФ), утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 10 июля 2019 г.).

Имеются также некоторые особенности назначения судебного штрафа несовершеннолетним.

В соответствии с п. 16.1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2011 г. № 1 (ред. от 9 декабря 2025 г.) «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответ-

ственности и наказания несовершеннолетних»[1] при освобождении несовершеннолетнего от уголовной ответственности на основании ст. 76.2 УК РФ суду необходимо учитывать особенности, предусмотренные нормами главы 14 УК РФ, касающиеся, в частности: а) исчисления сроков давности уголовного преследования; б) сроков погашения судимости; в) размера штрафа, который может быть назначен несовершеннолетнему в качестве наказания, и т. д.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в п. 16.2 постановления от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» называет аналогичные факторы, подлежащие учету: исчисление сроков давности уголовного преследования, сроков погашения судимости, размера штрафа, который может быть назначен несовершеннолетнему в качестве наказания, и т. д.

Однако при этом необходимо иметь в виду, что основное постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» в п. 7.1 указывает, что с учетом того, что судебный штраф, назначаемый на основании ст. 76.2 УК РФ лицу, освобожденному от уголовной ответственности, не является уголовным наказанием, а относится к иным мерам уголовно-правового характера, предусмотренным разделом VI УК РФ «Иные меры уголовно-правового характера», правила ст. 46 УК РФ к назначению и исполнению судебного штрафа не применяются.

Неуплата судебного штрафа в установленный судом срок влечет отмену судебного штрафа и привлечение лица к уголовной ответственности (ч. 2 ст. 104.4 УК РФ).

Согласно ч. 6 ст. 103.1 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве», если по истечении 10 календарных дней со дня окончания срока уплаты судебного штрафа у судебного пристава-исполнителя отсутствуют сведения об уплате должником соответствующих денежных сумм, он направляет в суд представление об отмене указан-

[1] URL: https://www.vsrf.ru/documents/own/8276/ (дата обращения: 12.05.2026).

ной меры уголовно-правового характера и о решении вопроса о привлечении лица к уголовной ответственности.

Данная процедура сходна с действиями при злостном уклонении осужденного от уплаты штрафа-наказания, однако если при исполнении наказания исполнительное производство приостанавливается одновременно с направлением представления (п. 1 ч. 11 ст. 103 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве»), то в данном случае оно оканчивается (п. 3 ч. 7 ст. 103.1 этого же Закона).

Согласно позиции Пленума Верховного Суда Российской Федерации, изложенной в п. 19 постановления от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности», неуплата судебного штрафа должна образовывать состав уклонения: «Лицо считается уклоняющимся от уплаты судебного штрафа, назначенного в соответствии со ст. 76.2 УК РФ, если оно не уплатило такой штраф в установленный судом срок (до истечения указанной в постановлении суда конкретной даты) без уважительных причин.

Уважительными причинами неуплаты судебного штрафа могут считаться такие появившиеся после вынесения постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования обстоятельства, вследствие которых лицо лишено возможности выполнить соответствующие действия (например, нахождение на лечении в стационаре, утрата заработка или имущества ввиду обстоятельств, которые не зависели от этого лица)»[1].

Доказывание отсутствия уважительных причин уклонения является обязанностью судебного пристава-исполнителя. Однако конструкция уклонения от уплаты судебного штрафа не может быть идентична конструкции злостного уклонения от уплаты штрафа-наказания в силу различных процессуальных последствий данных фактов.

При установлении уважительных причин неуплаты штрафа осужденным суд отказывает в удовлетворении представления судебного пристава-исполнителя, приостановленное исполнительное производство возобновляется и сумма штрафа взыскива-

[1] URL: https://www.vsrf.ru/documents/own/8350 (дата обращения: 12.05.2026).

ется в принудительном порядке (п. 1 ч. 10, ч. 13 ст. 103 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве»).

При установлении уважительных причин неуплаты судебного штрафа суд не может отказать в удовлетворении представления, так как исполнительное производство окончено, а принудительное взыскание судебного штрафа законом не предусмотрено.

4.2. Назначение и исполнение судебного штрафа

Реализация уголовно-правовой нормы о судебном штрафе порождает множество вопросов как у законодателя, так и у правоприменителя. Как правило, данные вопросы состоят в целесообразности и эффективности применения нормы, начальная оценка чего проводится в первое время после введения данной меры воздействия.

Д.С. Дядькин верно отмечает, что наказание может быть справедливым, обоснованным и законным лишь при его осуществлении в соответствии со строгой и научно обоснованной базой[1]. Это предполагает всестороннюю предварительную исследованность вводимых положений, оценка результатов которой может быть объективной лишь по прошествии определенного времени[2].

Думается, указанная позиция в полной мере применима и к иной уголовно-правовой мере, в частности судебному штрафу. На основании этого авторы концентрируют внимание на вопросе порядка применения анализируемого вида освобождения от уголовной ответственности и пределах судебного штрафа.

Механизм рассматриваемого освобождения от уголовной ответственности регулируется положениями уголовного и уголовно-процессуального законодательства, что позволяет в очередной раз подчеркнуть его межотраслевой характер.

Введенная в Уголовный кодекс Российской Федерации Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ ст. 76.2 УК РФ

---

[1] Дядькин Д.С. Теоретико-методологические основы назначения уголовного наказания : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2009. С. 4.

[2] Полуэктов А.Г. Некоторые вопросы применения судебного штрафа // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 8. С. 205.

входит в состав главы 11 УК РФ, регулирующей вопросы освобождения от уголовной ответственности. Такое освобождение предполагает отсутствие вынесенного приговора суда, а соответственно, наступление предусмотренных правовых последствий, что следует из содержания, в частности, ч. 3 ст. 24 УПК РФ, согласно которой «прекращение уголовного дела влечет за собой одновременно прекращение уголовного преследования».

Положения ст. 76.2 УК РФ коррелируют с рядом норм уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации. Тем же Федеральным законом № 323-ФЗ в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации была введена группа норм, посвященных порядку освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа, а в некоторые уже действующие статьи внесены необходимые изменения и дополнения, касающиеся механизма применения данного вида освобождения от уголовной ответственности.

Так, в главу 4 УПК РФ была введена ст. 25.1, регламентирующая общие условия прекращения уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением судебного штрафа. На основании ее ч. 2 прекращение уголовного дела с назначением судебного штрафа возможно на любой стадии производства по уголовному делу до момента удаления суда для принятия решения в совещательную комнату. После указанного срока может быть вынесен лишь обвинительный приговор суда[1].

Следует обратиться к изложенной в ч. 1 ст. 10 УК РФ норме об обратной силе уголовного закона, устраняющего преступность деяния, смягчающего наказание или другим образом улучшающего положение лица. Как показывает анализ действующего законодательства, относительно освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа закон не предусматривает таковой возможности, а суды не применяют положения Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ в части реализации нормы об обратной силе уголовного закона.

[1] Белик Ю.С. Особенности реализации уголовно-правовых норм о судебном штрафе // Уголовная политика и культура противодействия преступности : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Краснодар, 30 сентября 2016 г. / Краснодарский ун-т МВД России ; ред. К.В. Вишневецкий. В 2 т. Т. 1. Краснодар, 2016. С. 221–222.

Фактически получается, что лица, осужденные до вступления данного нормативного акта в законную силу, не могут претендовать на применение норм, регламентирующих рассматриваемый вид освобождения от уголовной ответственности, даже если разница между датой вступления нормативного акта в законную силу и датой вынесения приговора суда равна одному дню.

Однако, полагаем, указанный Федеральный закон существенным образом расширил круг возможностей по освобождению от уголовной ответственности и предусмотренные им нормы могут быть отнесены к категории иным образом улучшающих положение лица. Следует учитывать, что в соответствии с ч. 1 ст. 10 УК РФ обратная сила уголовного закона распространяется на всех лиц, совершивших деяния до вступления соответствующего закона в силу, в том числе лиц, отбывающих наказание или отбывших наказание, но имеющих судимость. По этой причине было бы вполне обоснованным предусмотреть право осужденного на пересмотр приговора, который вступил в законную силу.

Такой подход привел бы к пересмотру существенного количества приговоров суда, а следовательно, повышению загруженности судов, однако не следует забывать, что необходимо исходить из интересов человека, в данном случае осужденного, а также потерпевшего.

Кроме того, такой подход имел бы длительный эффект, обусловленный последующей разгрузкой государственных учреждений в связи с высвобождением ресурсов по причине снижения нагрузки на субъектов исполнения наказаний. Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа, несмотря на сходство с другими видами освобождения от уголовной ответственности, предусмотренными главой 11 УК РФ, предполагает возможность реализации в отношении ряда категорий лиц, которые не могли ранее рассчитывать на применение иных видов освобождения от уголовной ответственности, в частности по основаниям деятельного раскаяния и примирения с потерпевшим.

Поскольку исследование не связано с анализом обратной силы уголовного закона, авторы не заостряют на данном вопросе внимание, лишь обозначая его и отмечая свою позицию. К тому же следует учитывать, что к настоящему времени прошел значительный срок со дня введения в действие рассматриваемого ос-

нования освобождения от уголовной ответственности и значительное число лиц, к которым мог быть применен данный субинститут, уже освобождены от отбывания наказания по различным основаниям или скоро будут освобождены.

Принять решение о применении анализируемого вида освобождения от уголовной ответственности может лишь суд, что обусловлено содержанием п. 3.1 ч. 1 ст. 29 УПК РФ, закрепляющим данное исключительное право суда. В первоначальной редакции законопроекта предполагалась возможность наделения полномочиями по освобождению от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа следователей и дознавателей. Однако Комитетом Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству в соответствии с Заключением по проекту федерального закона № 953369-6 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности», внесенному Верховным Судом Российской Федерации, такой подход был подвергнут критике ввиду того, что проектом фактически предлагалось считать лицо заведомо виновным в совершении преступления, несмотря на тот факт, что вина его не была доказана, а это противоречит назначению уголовного судопроизводства, закрепленному в п. 2 ч. 1 ст. 6 УПК РФ, и его принципам, предусмотренным, в частности, ст. 7, 8 и 14 УПК РФ[1].

В этой связи следует признать в некоторой степени справедливой позицию В.В. Кальницкого, предлагающего полное исключение органов расследования из участия в принятии решений о прекращении уголовного дела или уголовного преследования с применением ст. 76.2 УК РФ[2].

---

[1] Законопроект № 953369-6 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» // Система обеспечения законодательной деятельности : сайт. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/953369-6 (дата обращения: 12.05.2026).

[2] Кальницкий В.В. Порядок прекращения уголовного дела (преследования) в связи с назначением судебного штрафа // Законодательство и практика. 2016. № 2 (37). С. 6–12.

Дополнительно следует отметить, что главная проблема в случае принятия предлагаемой ранее редакции ст. 76.2 УК РФ состояла бы в необходимости установления размера штрафа. Если при примирении сторон или деятельном раскаянии такой вопрос в принципе не поднимается, а при применении ст. 76.1 УК РФ размер возмещения ущерба находится в прямой зависимости от суммы ущерба, убытка, незаконного дохода или размера совершенного деяния, то размер штрафа при освобождении от ответственности определяется субъектом принятия такового решения. А учитывая доводы, изложенные в вышеуказанном Заключении, такое решение вправе принять лишь суд. Кстати, в том числе этим и обусловлена некоторая исключительность рассматриваемого вида освобождения от уголовной ответственности, в отличие от других его видов, которая не всегда позитивно оценивается в юридической литературе[1].

Однако запрос разработчика законопроекта не остался совсем без внимания. В соответствии с ч. 1 ст. 25.1 УПК РФ следователю и дознавателю по согласованию с руководителем следственного органа и прокурором соответственно дано право обращения в суд с ходатайством о применении данного вида освобождения от уголовной ответственности. Кроме того, такое решение может быть инициативой суда, что предполагает два соответствующих порядка прекращения уголовного дела или уголовного преследования: 1) в ходе досудебного производства по уголовному делу. В случае происхождения инициативы от следователя или дознавателя ими выносится соответствующее постановление, направляемое с материалами уголовного дела в суд. При рассмотрении данного ходатайства суд может принять одно из двух решений: удовлетворить его или отказать, с соответствующими последствиями; 2) в ходе судебного производства по уголовному делу. Данное решение может приниматься судом в случае самостоятельного выявления необходимых условий освобождения от уголовной ответственности. На основании с ч. 2 ст. 446.3 УПК РФ суд разъясняет освобожденному послед-

[1] Амахина Е.А., Демидченко Ю.В. Проблемные аспекты применения судебного штрафа как новой формы освобождения от ответственности // Ростовский научный журнал. 2017. № 3. С. 156.

ствия несоблюдения условий освобождения и необходимость представления сведений об уплате штрафа в течение 10 дней после истечения срока уплаты судебному приставу-исполнителю.

Приняв решение о применении анализируемого вида освобождения от уголовной ответственности, суд также должен определиться с размером самого судебного штрафа.

Т.В. Непомнящая сроки или размеры уголовных наказаний называет мерами, которым свойственны некоторые присущие им особенности, среди последних отмечает целесообразность, экономичность, достаточную репрессивность, обоснованность и эффективность[1]. Сроки мер уголовно-правового воздействия имеют достаточно существенное значение при назначении и особенно при исполнении назначенной уголовно-правовой меры, что в первую очередь связано с их пределами.

Правоограничения, предусмотренные содержанием данных мер, не могут существовать сами по себе, они подлежат реализации в определенный период в зависимости от вида конкретной меры воздействия.

Так, обладающие сходством правоограничений арест, лишение свободы на определенный срок и пожизненное лишение свободы существеннейшим образом отличаются по продолжительности их реализации, причем разница может достигать десятков раз, если вообще возможно произвести такие подсчеты.

Дополнительно к изложенному следует добавить и потенциальное сравнение с административным наказанием в виде ареста, которое составляет срок до 15 суток в максимальном исполнении. Несмотря на различие самих кодексов, следует отметить, что такое сравнение вполне уместно ввиду того, что административное законодательство было кодифицировано лишь в конце прошлого столетия (Основы законодательства Союза ССР и союзных республик об административных правонарушениях 1980 года и КоАП РСФСР 1984 года) и заимствовало многие черты уголовного законодательства в его Общей и Особенной частях, в том числе частично систему мер воздействия.

Подчеркивая важность сроков и размеров, следует согла-

[1] Непомнящая Т.В. Мера уголовного наказания: проблемы теории и практики : дис. … д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2010. С. 10–12, 371–372.

ситься с А.Д. Черновым, который отмечает, что продолжительность срока представляет собой своеобразное мерило общественной опасности совершенного противоправного деяния и личности лица, его совершившего[1]. В связи с этим, на наш взгляд, условно можно предложить такое деление элементов правоограничений уголовно-правовых мер: сроки и размеры уголовно-правовых мер являются их формальной характеристикой, а непосредственные ограничения и лишения – материальной составляющей. Путем их корреляции происходит регулирование карательного воздействия уголовно-правовых мер.

Оценивая условия определения пределов судебного штрафа, т. е. его размеров, как показывает анализ судебной практики, суд руководствуется совокупностью факторов.

Анализ действующего уголовного законодательства позволяет дифференцировать их по группам: общие условия, предусмотренные для всех мер уголовно-правового характера, и специальные, регламентирующие назначение конкретной уголовно-правовой меры. Конечно же, деление условий на группы имеет в большей степени символический характер, так как выделение специальных условий, по сути, является конкретизацией общих условий. Тем не менее для удобства изучения вопроса авторы останавливаются на такой общепринятой схеме.

Несмотря на то что судебный штраф не входит в перечень наказаний и отнесен к «иным мерам», предполагающим освобождение от уголовной ответственности, на него в полном объеме распространяются требования главы 10 УК РФ «Назначение наказания», содержащей общие правила их назначения.

На этом фоне следует отметить интересный факт. В пункте 7.1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» констатируется, что правила ст. 46 УК РФ при назначении судебного штрафа не реализуются в связи с тем, что судебный штраф не является уголовным наказанием. Однако это лишь юридическое за-

[1] Чернов А.Д. Лишение свободы как вид уголовного наказания: уголовно-правовые и уголовно-исполнительны аспекты : дис. … канд. юрид. наук. М., 1998. С. 3–5.

крепление, фактические обстоятельства говорят об обратном. Как отмечается в юридической литературе, суды учитывают все те же условия в силу схожести штрафа и судебного штрафа[1]. Кроме того, как справедливо отмечает Р.А. Сысоев, «указанные общие правила назначения наказания применяются в отношении всех подсудимых без исключений»[2], в том числе и осужденных с применением других иных мер уголовно-правового характера.

В соответствии с ч. 3 ст. 60 УК РФ судом учету подлежит ряд критериев, имеющих основополагающее значение при применении любой уголовно-правовой меры, т. е. уголовных наказаний и других мер уголовно-правового характера. Анализ указанной нормы позволяет выделить следующие критерии[3].

1. Характер и степень общественной опасности преступления.

Данный аспект совершенного деяния законодательно не раскрывается, однако в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» разъясняется в абзацах 3 и 4 п. 1.

Характер общественной опасности преступления определяется уголовным законом и зависит от установленных судом признаков состава преступления.

Например, объект посягательства с учетом разрешенной к применению судебного штрафа тяжести преступления, т. е. при совершении преступлений небольшой и средней тяжести, может быть разнообразен и включать практически все родовые и даже видовые объекты, защита которых предусмотрена отечественным уголовным законом. Кроме того, и форма вины включает все ее виды как дозволительные при применении судебного штрафа, что обусловлено все той же тяжестью преступления, при которой может быть применена рассматриваемая мера.

Степень общественной опасности преступления устанавли-

---

[1] Звонов А.В. Субъективизм при исполнении уголовного наказания как фактор влияния на содержание кары уголовного наказания // Уголовно-исполнительное право. 2016. № 2 (24). С. 73.

[2] Сысоев Р.А. Отсрочка отбывания наказания больным наркоманией: теоретический и прикладной аспекты : дис. … канд. юрид. наук. М., 2015. С. 57.

[3] Полуэктов А.Г. Некоторые вопросы ... С. 205–206.

вается в зависимости от конкретных обстоятельств, отражающих наступившие последствия, от способа совершения деяния, умысла, роли лица в преступлении и т. д.

Поскольку форма вины лиц и объект преступлений, за совершение которых может быть применен судебный штраф, весьма разнообразны, возможно множество вариантов обстоятельств, влияющих на возможность применения судебного штрафа.

2. Личность виновного.

В соответствии с абзацем 5 п. 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» учету подлежат характеризующие виновного сведения, например о семейном и имущественном положении, состоянии его здоровья, поведении в быту, наличии на иждивении несовершеннолетних детей, иных нетрудоспособных лиц.

3. Обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание.

4. Влияние назначенной меры на исправление лица и на условия жизни его семьи.

Применение любой уголовно-правовой меры воздействия, в данном случае в части ее размера, должно соответствовать целям и задачам уголовного законодательства. Так, одной из задач уголовного закона является предупреждение преступлений, и, как следствие, судебный штраф также должен способствовать решению данной задачи, т. е. его назначение должно осуществляться с учетом необходимости ее решения.

Анализ основных положений уголовно-исполнительного законодательства позволяет заключить о родственности данной цели и цели исправления лиц, в отношении которых применены меры уголовно-правового характера.

Из изложенного следует, что необходим учет данного критерия при назначении судебного штрафа, однако не определено, что в отношении лиц, которым назначен судебный штраф, должно применяться исправительное воздействие. В указанных условиях скорее уместно говорить о самоисправлении в возможных вариантах его проявления, в том числе и через возмещение причиненного вреда и другие поведенческие жесты «доброй воли»[1].

[1] Полуэктов А.Г. Перспективы применения судебного штрафа: оценка от автора // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2026. № 6. С. 361.

В части специальных условий установления пределов судебного штрафа следует отметить, что при его установлении суд руководствуется в том числе и вышеуказанными специальными условиями, характеризующими совершенное деяние и личность лица, его совершившего. В соответствии с ч. 2 ст. 104.5 УК РФ подлежат учету в качестве специальных условий тяжесть деяния и имущественное положение лица и его семьи, его возможности получения заработной платы или другого дохода[1].

На необходимость учета данных сведений указывает формулировка ч. 3 ст. 46 УК РФ, регулирующей назначение штрафа как уголовного наказания, что в очередной раз позволяет сопоставить условия применения судебного штрафа и уголовных наказаний. На это указывают и положения ч. 1 ст. 104.5 УК РФ о судебном штрафе. Законодатель сам установил взаимосвязь судебного штрафа как иной меры уголовно-правового характера с уголовным наказанием в виде штрафа. Судья при определении размера судебного штрафа фактически вынужден сначала определиться с санкцией статьи, усмотреть пределы штрафа за совершенное деяние в качестве уголовного наказания, а лишь потом вычленить половину размера, тем самым установив пределы судебного штрафа в конкретном случае.

Следует обратить особое внимание на то, что данной схемы определения размера назначаемой меры уголовно-правового характера придерживаются большинство судей при вынесении решения о применении положений ст. 76.2 УК РФ.

Дополнительно подчеркнем, что Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» также соотносит вышеуказанные штрафы. Так, в пункте 16.2 Постановления указывается на необходимость учета особенностей, предусмотренных нормами главы 14 УК РФ, при

[1] Поздеев Д.А. Судебный штраф как новая иная мера уголовно-правового характера: проблемы терминологического обозначения и соотношения с видами юридической ответственности // 20 лет Уголовному кодексу Российской Федерации: итоги, проблемы, перспективы : материалы Всерос. науч.-практ. конф., Рязань, 5–6 октября 2016 г. В 2 ч. Ч. 1 / отв. ред. Л.Ю. Ларина. Рязань, 2016. С. 116.

освобождении от ответственности несовершеннолетних. Пленум разъясняет, что сроки давности уголовного преследования, сроки погашения судимости, размер штрафа и т. д. также подлежат учету, т. е., кроме прочего, подлежит учету потенциально назначаемый «уголовный» штраф за совершение деяния, вменяемого обвиняемому несовершеннолетнему.

В указанных условиях судья просто вынужден руководствоваться общими положениями, регулирующими назначение уголовного наказания, несмотря на вышеуказанное предписание п. 7.1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания».

Сложившееся положение дел вполне логично, закономерно и легко объяснимо. Такой подход поддерживают и другие ученые, которые также считают необходимым руководствоваться указанными выше критериями при назначении судебного штрафа: учет особенностей личности лица, характера совершенного преступления, обстоятельств его совершения и т. д.[1]. Об это прямо пишет в своих трудах заместитель председателя Ленинского районного суда г. Воронежа доктор юридических наук И.С. Федотов, отмечающий необходимость дополнительного учета других данных, характеризующих личность лица, среди которых он выделяет возраст, образование, здоровье, семейное положение, наличие иждивенцев[2].

Но существует и другая позиция. Так, судья Ставропольского краевого суда доктор юридических наук А. Кудрявцева и судья Советского районного суда г. Челябинска кандидат юридических наук К. Сутягин в своей статье отмечают невозможность применения общих и специальных правил назначения наказаний

---

[1] Есина А.С., Жамкова О.Е. Мера уголовно-правового характера в виде судебного штрафа как новое основание прекращения уголовного дела или уголовного преследования // Вестник экономической безопасности. 2016. № 5. С. 115–117 ; Монахова Л.В., Мусина А.Е. К вопросу об освобождении от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа // Марийский юридический вестник. 2016. № 4 (19). С. 66 и др.

[2] Федотов И.С. Нормы о применении положений меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа нуждаются в совершенствовании // Вестник Северо-Кавказского гуманитарно-технического института. 2016. № 4 (27). С. 106–107, 118.

применительно к судебному штрафу[1].

Считаем целесообразным нормативно закрепить фактически сложившееся положение дел и не запрещать судам открыто руководствоваться указанными выше нормами, способствующими определению размеров судебного штрафа. При этом официально ссылаться на положения ст. 46 УК РФ все же нельзя ввиду того, что они регулируют уголовное наказание, а не рассматриваемую иную меру уголовно-правового характера.

Кроме указанных фундаментальных условий применения судебного штрафа как иной меры уголовно-правового воздействия следует выделить и некоторые другие, фактически учитываемые при назначении штрафных санкций вообще, т. е. при назначении административного и «уголовного» штрафа. Учету могут подлежать наличие или отсутствие постоянного места проживания у лица, его благоприятное социальное окружение и иные характеризующие факты, например характеристики по месту проживания или с работы и все возможные иные данные. Отмеченные факультативные условия также имеют значение в системе факторов определения пределов судебного штрафа, что особо актуально, например, при выявлении у лица заболевания, требующего значительных денежных средств на лечение. Таким образом, указанные условия установления пределов судебного штрафа являются многоуровневыми при вертикальной раскладке и разнообразными при горизонтальном анализе. Только оценка их совокупности может способствовать назначению справедливого размера судебного штрафа.

Кроме учета интересов сторон уголовного процесса[2], институт освобождения от уголовной ответственности предусматривает и заинтересованность государства. Такая заинтересованность состоит не только в воздействии на лиц, преступивших уголовных закон, но и в финансовых приобретениях государства, выражающихся в получении денежных средств, что состоит в уплате освобожденными от уголовной ответственности судебного штрафа.

---

[1] Кудрявцева А., Сутягин К. Судебный штраф // Уголовное право. 2016. № 6. С. 102.

[2] Полуэктов А.Г. Некоторые вопросы ... С. 205.

Эти средства можно по-разному расценивать: как компенсацию расходов государства, обусловленных расследованием уголовного дела, ведением уголовного судопроизводства, как выгоду государства и т. д. В связи с этим находим справедливой ремарку Д.А. Поздеева о том, что судебный штраф является своего рода уголовно-правовой компенсацией, т. е. формой заглаживания вины перед обществом[1], а И.Г. Башинская подчеркивает, что «судебный штраф может выступать достаточно эффективным способом пополнения федерального бюджета»[2], на что также указывают и другие ученые.

В Заключении Комитета Государственной Думы по уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству по проекту федерального закона № 953369-6 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности», внесенному Верховным Судом Российской Федерации, отмечалось, что данный федеральный закон имеет значительные перспективы реализации в практической деятельности субъектов правоприменения, можно уверенно утверждать, что суммы, уплаченные освобожденными, будут значительны[3]. На фоне экономического кризиса, сопряженного с частичной политической блокадой нашей страны на международной арене, данные денежные средства явно не будут лишними и могут быть направлены как на решение острых социальных проблем, так и на деятельность самой правоохранительной системы.

В соответствии с тем, что нормы о судебном штрафе включены в главу 15.2 УК РФ, расположенную в разделе VI, судебный штраф является иной мерой уголовно-правового характера.

---

[1] Поздеев Д.А. Судебный штраф в российской материальном и процессуальном праве // Актуальные проблемы взаимосвязи уголовного права и процесса : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, Уфа, 31 октября 2016 г. / Башкирский гос. ун-т ; отв. ред. Д.А. Поздеев. Уфа, 2016. С. 220.

[2] Башинская И.Г. Судебный штраф как государственный способ возмещения расходов на уголовное судопроизводство // Общество и право.2017. № 2 (60). С. 151.

[3] URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/953369-6 (дата обращения: 12.05.2026).

Судебный штраф наряду с наказаниями на основании с ч. 2 ст. 2 УК РФ предусмотрен законодательством в целях решения задач Уголовного кодекса Российской Федерации. В связи с этим имеет очень много общего с другими уголовно-правовыми мерами, что вполне объяснимо. Кстати, анализ генезиса системы уголовно-правовых мер показывает, что данные меры включаются в перечень то уголовных наказаний, то иных уголовно-правовых мер. Например, система уголовных наказаний, предусмотренная Уложением о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года с последующими изменениями в 1867 и 1885 годах, насчитывала 11 родов наказаний, разделенных на 36 степеней видов наказаний, а с учетом параллельных степеней предусматривалось 47 их видов[1]. Однако с принятием Уголовного уложения 1903 года система была упрощена и включала лишь смертную казнь, шесть видов изоляционных наказаний, а также денежную пеню, а другие наказания перешли в разряд «придаточных» мер воздействия, дополняющих уголовные наказания.

В последнее время также были аналогичные примеры: конфискация имущества была уголовным наказанием при принятии Уголовного кодекса Российской Федерации, позднее исключена из ст. 44 УК РФ, а в 2006 году включена как иная мера уголовно-правового характера. Существует множество других примеров, что позволяет говорить о ситуационном характере включения той или иной уголовно-правовой меры в перечень наказаний или других мер.

Иные меры, как и уголовные наказания, предусмотрены в целях воздействия на лиц, преступивших уголовный закон, т. е. именно для этих лиц они и разработаны, в отношении их и применяются. В связи с этим целесообразно рассматривать судебный штраф с позиций правоограничений, предусмотренных нормами о судебном штрафе, регулирующими условия его исполнения лицами, к которым он применен с освобождением от уголовной ответственности. Именно этими правоограничениями и предопределены условия, в которые попадает данное лицо.

Правоограничения любой меры уголовно-правового харак-

[1] Полный курс уголовного права. В 5 т. Т. 1. Преступление и наказание / А.И. Бойцов [и др.] ; под ред. А.И. Коробеева. СПб., 2008. С. 753.

тера достаточно многогранны. В целях их систематизации авторы обратились к классификации, согласно которой правоограничения следует дифференцировать на две основные группы[1].

Первая группа правоограничений – базовые, они имеют конституционную основу и предусмотрены в отношении определенных мер воздействия.

Так, в соответствии с содержанием Конституции Российской Федерации можно выделить ограничиваемое право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени, право на неприкосновенность жилища, право свободы передвижения и выбора места пребывания и жительства и т. д.

Представленные примеры характеризуют лишь часть тех правоограничений, которые предусмотрены действующим законодательством, что позволяет уже на данном этапе рассмотрения вопроса обозначить их значимость и существенность. Несмотря на то что судебный штраф является условием освобождения от уголовной ответственности, на данную категорию лиц все же распространяются многие правоограничения общего характера, реализация которых предусмотрена также в отношении осужденных, т. е. не освобожденных от уголовной ответственности[2]. Непосредственные ограничения и лишения обусловлены содержанием конкретной меры уголовно-правового характера, где и раскрываются трансформации ограничения конституционных прав и законных интересов. Уже на этой стадии следует отметить сходство правоограничений при назначении судебного штрафа и уголовных наказаний. Объем правоограничений базо-

---

[1] Звонов А.В. Режим уголовного наказания в системе карательного содержания уголовного наказания // Библиотека уголовного права и криминологии. 2016. № 4 (16). С. 71–72 ; Его же. Содержание кары уголовного наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью: краткий обзор // Человек: преступление и наказание. 2016. № 4 (95). С. 82–83 и др.

[2] Трубникова Т.В. Производство о назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа: сущность и гарантии от злоупотребления правом // Современное уголовно-процессуальное право России: уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования : материалы Междунар. конф. к 60-летию д-ра юрид. наук, проф., засл. деят. науки Рос. Федерации В.В. Николюка, Орёл, 20–21 октября 2016 г. Орёл, 2016. С. 369–370.

вого характера при назначении уголовных наказаний, безусловно, больше, чем судебного штрафа, но все же значительная их часть распространяется и на освобожденных от ответственности с применением судебного штрафа[1].

Вторая группа включает правоограничения специального характера, т. е. свойственные именно данной мере уголовно-правового воздействия. Проведя исследование по вопросу правоограничений, А.В. Звонов выделяет следующие основные их виды: морально-психологическое воздействие, состоящее в осуждении факта совершения преступления путем изменения социального положения, финансово-имущественные правоограничения, заключающиеся в денежных потерях; ограничения в трудовой сфере, предполагающие ограничение свободы выбора места и рода занятий; ограничения свободы территориального характера, предполагающие ограничение свободы передвижения; лишение свободы в части изоляции лиц, а также лишение жизни, связанное с ее физическим окончанием[2]. Те или иные меры воздействия, как правило, имеют одно основное правоограничение, которое дополняется иными правоограничениями, т. е. предполагается реализация совокупности таковых в единстве.

Анализ положений, регламентирующих судебный штраф как иную меру уголовно-правового характера, позволяет выделить ряд правоограничений в случае его назначения.

Во-первых, это финансово-имущественные правоограничения.

В соответствии с ч. 1 ст. 104.4 УК РФ «судебный штраф есть денежное взыскание, назначаемое судом при освобождении лица от уголовной ответственности», что означает обязанность лица, к которому применена рассматриваемая мера уголовно-правового характера по уплате установленной суммы. Это позволяет говорить о сущности данной иной меры уголовно-правового характера как имущественной мере, назначаемой

[1] Звонов А.В. Штраф как уголовное наказание и иная мера уголовно-правового характера: к постановке вопроса // Всероссийский криминалогический журнал. 2018. Т. 12, № 4. С. 583–589.

[2] Звонов А.В. Система ограничений и лишений, предусмотренных отечественными уголовными наказаниями // Вестник Российской правовой академии. 2017. № 2. С. 31–32.

по решению суда в денежной форме. На основании этого часто денежный штраф связывают именно с формулировкой, изложенной в вышеуказанной норме уголовного закона[1].

В данном случае следует говорить не просто о денежном взыскании, а именно имущественном в денежной форме. Это обусловлено тем, что к предмету судебного штрафа относятся как непосредственно денежные средства освобожденного от ответственности, так и его имущественные права, к которым относятся в том числе и право на получение стипендий, зарплат, пенсий и других выплат как материальный доход виновного. Однако в любом случае размер судебного штрафа определяется в виде денежного взыскания.

Наличие финансово-имущественных правоограничений позволяет сопоставлять судебный штраф как иную меру уголовно-правового характера со штрафом как уголовным наказанием, который в соответствии с ч. 1 ст. 46 УК РФ также является денежным взысканием[2]. Кроме того, подобные последствия также проявляются и при реализации уголовного наказания в виде исправительных работ, предполагающих отчисления в доход государства[3], обязательных работ, предполагающих безвозмездность труда, лишения специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград в части выплат при наличии некоторых из них[4] и в целом любой уголовно-правовой

---

[1] Башинская И.Г. Указ. соч. С. 150 ; Есина А.С., Жамкова О.Е. Судебный штраф как средство гуманизации уголовной политики // Уголовная политика и культура противодействия преступности : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Краснодар, 30 сентября 2016 г. В. 2 т. Т. 1 / Краснодарский ун-т МВД России. Краснодар, 2016. С. 154–60 ; Ковалева Я.Е., Михайленко И.С. Особенности института освобождения от уголовной ответственности с применением судебного штрафа // Инновационная наука. 2016. № 12-2. С. 179 и др.

[2] Баженов О.Н. Наказание в виде штрафа: проблемы законодательного закрепления, назначения и исполнения : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2013. С. 16 ; Уткина С.С. Уголовное наказание в виде штрафа : дис. … канд. юрид. наук. Томск, 2004. С. 6 и др.

[3] Маликов А.М. Наказания в виде обязательных и исправительных работ : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Махачкала, 2011. С. 7–8 ; Рахмаев Э.С. Исправительные работы как вид уголовного наказания : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Рязань, 2005. С. 6–7 и др.

[4] Кулешова Н.Н. Дополнительные виды наказаний: уголовно-правовой и уголовно-исполнительный аспекты : дис. … канд. юрид. наук. Рязань, 2006. С. 205–206.

меры в большей или меньше степени в части выбора трудовой деятельности и, соответственно, получения доходов[1].

Сам же размер судебного штрафа в соответствии с ч. 1 ст. 104.5 УК РФ не может превышать половину максимального размера штрафа, установленного соответствующей статьей Уголовного кодекса Российской Федерации, если же ее санкция не предусматривает штраф, то размер судебного штрафа не может превышать 250 тыс. рублей. Данная норма предполагает два варианта исчисления размера судебного штрафа. В первом случае его пределы ставятся в зависимость от санкции статьи, которая предусматривает штраф как уголовное наказание. Во втором случае его размер ограничен суммой 250 тыс. рублей. Такой подход обязывает обратиться к вопросу соразмерности данных сумм.

Сумма судебного штрафа, предусмотренная для случаев отсутствия в санкции статьи уголовного наказания в виде штрафа, должна соотноситься по верхнему пределу с суммой штрафа за совершение преступлений небольшой и средней тяжести, предусмотренного санкцией статьи в качестве наказания. Анализ статей Особенной части УК РФ свидетельствует, что наибольшая сумма штрафа за совершение преступлений небольшой и средней тяжести составляет 500 тыс. рублей при закреплении там же лишения свободы, что соответствует требованию половинчатости санкции при назначении судебного штрафа.

Суммы штрафа, предусмотренного за совершение данных категорий преступлений, весьма разные. В связи с совершением преступления небольшой тяжести может быть назначен штраф как 80 тыс. рублей, например по ст. 125 УК РФ, так и 400 тыс. рублей – ст. 143 УК РФ, а за совершение преступления средней тяжести может быть назначено 200 тыс. рублей – ч. 3 ст. 137 УК РФ и 500 тыс. рублей – ст. 142.1 УК РФ. При этом за совер-

[1] Бутенко Т.П. К вопросу о правовой природе уголовного наказания в виде принудительных работ // Вестник. Амурского государственного университета. Серия: «Гуманитарные науки». 2013. № 62. С. 64 ; Карабанов А. Л. Ограничение по военной службе как вид уголовного наказания: уголовно-правовые и уголовно-исполнительные аспекты : дис. … канд. юрид. наук. М., 2006. С. 34–35 ; Мясников В.В. Лишение свободы на определенный срок: содержание, цели и средства их достижения : дис. … канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2003. С. 6–7, 173–181 и др.

шение преступлений небольшой и средней тяжести могут быть назначены одинаковые размеры штрафов: например, от 200 тыс. до 500 тыс. рублей при совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 141.1 УК РФ, являющегося преступлением небольшой тяжести, и преступления, предусмотренного ст. 142.1 УК РФ, относящегося к категории средней тяжести. Такое сопоставление поднимает вопросы, касающиеся сопоставления сумм штрафов, однако это тема отдельного исследования.

Полученные данные свидетельствуют о справедливости установленной суммы, равной 250 тыс. рублей. К тому же суд вправе снизить ее до существенных пределов.

Интерес представляет также минимальный размер судебного штрафа. Если верхний предел законодатель обозначил, то нижний порог им не установлен. Этот вопрос требует разрешения в целях избежания превращения данной уголовно-правовой нормы в фикцию. Более того, он не требует существенных усилий, что обусловлено законодательной привязкой к положениям об уголовном наказании в виде штрафа. Необходима лишь законодательная фиксация минимального размера судебного штрафа.

Среди тех, кто предлагает ее увеличить, как показал дополнительный опрос, доминирует позиция, согласно которой отсутствие судимости уже является существенным послаблением для осужденного, в связи с чем предлагается сравнять сумму судебного штрафа и сумму штрафа как уголовного наказания. В свою очередь, дополнительный опрос среди сторонников ее снижения показал, что, как правило, они считают несоразмерным освобождение от уголовной ответственности и немалые суммы штрафных санкций.

Кроме того, при рассмотрении пределов судебного штрафа следует обратить внимание и на срок его уплаты. В соответствии с ч. 5 ст. 446.2 УПК РФ при вынесении решения о применении ст. 76.2 УК РФ судья устанавливает срок уплаты судебного штрафа. Однако никакие другие уголовно-правовые нормы не регулируют данный вопрос, на что указывают многие авторы[1].

[1] Дудченко М.Ю. Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа: возможные проблемы на практике // Уголовный процесс. 2016. № 10 (142). С. 60–61 ; Рыжаков А.П. Новое основание прекращения дела и последствия его введения // Уголовный процесс. 2016. № 10 (142). С. 52–58 ; Чуринова М. А. Указ. соч. . С. 54–55 и др. 130

Предлагаются разные варианты расчета сроков уплаты судебного штрафа. Например М.Ю. Дудченко считает, что данный срок должен соотноситься со сроками давности по категорийности преступлений, предусмотренной ст. 78 УК РФ. Исходя из этого максимальный срок уплаты назначенной суммы для преступлений небольшой тяжести должен составлять 2 года, а средней тяжести – 6 лет[1]. Однако, думается, это противоречит сущности судебного штрафа, состоящей в том числе в краткосрочности и простоте уплаты. Судебный штраф не является наказанием, а представляет собой условие освобождения от уголовной ответственности. Следует также помнить, что данное условие освобождения от уголовной ответственности может быть нарушено лицом, а учитывая относительную длительность рассмотрения уголовного дела, к моменту вынесения приговора в этом случае прошедшие сроки могут существенно превышать указанные выше 2 года и 6 лет соответственно, что повлечет непривлечение к ответственности лица, совершившего преступление. Да и на форму рассрочки платежа, как при уголовном наказании в виде штрафа, это уже похоже, что не предусмотрено действующим законодательством в отношении судебного штрафа.

В связи с этим в части срока и порядка исполнения данной меры воздействия «изобретать велосипед» нет необходимости. Всего лишь нужно обратиться к законодательству, регулирующему данный вопрос, которым является Федеральный закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве», на основании ч. 1 ст. 103.1 которого «судебный штраф… исполняется по правилам, установленным настоящим Федеральным законом, с особенностями, установленными настоящей статьей».

Поскольку данной статьей не устанавливается срок уплаты судебного штрафа, следует обратиться к другим положениям данного Федерального закона, регулирующим схожие отношения, а именно ст. 103, в соответствии с ч. 5 которой устанавливается 60-дневный срок уплаты штрафа со дня вступления приговора в законную силу. Данной позиции придерживается и И.С. Федотов, отмечающий одинаковость сроков для штрафа как уголовного наказания и судебного штрафа и их соразмерность[2].

---

[1] Дудченко М.Ю. Указ. соч. С. 60–61.

[2] Федотов И. С. Указ. соч. С. 106–107.

Указанный срок является приоритетным, по мнению судей большинства субъектов Российской Федерации, которые в подавляющем большинстве случаев его назначают для уплаты судебного штрафа.

Установление подобных сроков обусловлено значительным сходством судебного штрафа с уголовным наказанием в виде штрафа, в связи с чем нормы, регулирующие сроки его исполнения, было бы справедливым применять и в отношении судебного штрафа. Следует также учитывать, что лицо, освобождаемое от уголовной ответственности, добровольно принимает условие – судебный штраф, в связи с этим и длительные сроки не нужны.

Такой подход логичен и соответствует общим условиям назначения судебного штрафа. Он не может исполняться на протяжении длительного времени, а относительная простота порядка освобождения от уголовной ответственности предполагает и простоту его исполнения, а значит, краткосрочность.

Во-вторых, это правоограничения, связанные с морально-психологическим воздействием.

Морально-психологическое воздействие проявляется в негативной оценке государством совершенного деяния от имени общества и изменении социального статуса освобожденного от уголовной ответственности лица. В частности, оно состоит в публичности принимаемого судом решения, хранении данных в условиях относительной секретности в базах данных органов внутренних дел, а также непосредственно наложении правоограничений, обусловленных вновь приобретенным статусом лица, освобожденного от уголовной ответственности. Такое воздействие свойственно каждой уголовно-правовой мере, а некоторые наказания, например лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград, предусматривают такое воздействие в качестве основополагающего[1].

[1] Капелюшник М.С. Наказания, ограничивающие трудовую правоспособность осужденных, по российскому уголовному праву : дис. … канд. юрид. наук. Казань, 2006. С. 176 ; Мосиенко В.П. Лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград как вид наказания в российском уголовном праве: уголовный и уголовно-исполнительный аспекты : дис. … канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2000. С. 145–146 и др.

В-третьих, ограничение свободы территориального характера.

Любая мера уголовно-правового характера предполагает осуществление контроля за лицом, к которому она применена. В отношении освобожденных от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа предусматривается ведение личного дела до исполнения судебного решения в части уплаты установленной суммы, а также осуществление контроля органами полиции.

Освобожденный от ответственности вправе сменить место проживания, но лишь при уведомлении уполномоченного органа по месту его жительства. В этом и состоит хотя и незначительное, но все же ограничение, обусловленное изменившимся правовым положением лица. Кстати, все лица, к которым применены меры уголовно-правового характера, ограничиваются в свободе передвижения или пребывания, разница состоит лишь в объеме ограничений: если применительно к наказаниям, подлежащим исполнению в специализированных учреждениях, т. е. связанным с изоляцией от общества, вопросов не возникает, то относительно уголовно-правовых мер, не связанных с таковой изоляцией, также обязателен контроль уполномоченных органов, что проявляется, например, в обязанности приходить по вызову в специализированный орган, что способствует обеспечению исполнения назначенной меры воздействия.

В-четвертых, ограничения в трудовой сфере.

Данные правоограничения обусловлены вновь приобретенным статусом лица, совершившего преступления. Далеко не каждый работодатель предпочитает держать в штате работников его учреждения или организации лиц, совершивших преступление, тем более в недавнем прошлом, или, что еще хуже, если преступление совершено в отношении самого учреждения или организации. Необходимо также учитывать, что правоограничения в трудовой сфере являются производными от группы базовых правоограничений, состоящих в запрете на некоторые виды деятельности лицам, привлекавшимся к уголовной ответственности. Подобные последствия, сопровождающие судебный штраф, связаны с фиксацией факта заведения уголовного дела в отношении лица в информационных центрах органов внутренних дел. Как следствие, они будут отражены в справке о наличии либо отсутствии судимости, получаемой в целях трудоустройства, допуска к определенного рода информации и т. д.

Относительно иных мер уголовно-правового характера ограничения в трудовой сфере прямо регламентируются в части лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, обязательных и исправительных работ, ограничения по военной службе. Другие уголовно-правовые меры предусматриваются также в обязательном порядке в зависимости от объема правоограничений, например в зависимости от наличия соответствующей обязанности при осуждении условно с испытательным сроком.

Именно совокупность указанных правоограничений и образует содержательную сторону судебного штрафа в качестве условия освобождения от уголовной ответственности. В основе находятся финансово-имущественные правоограничения, которые дополняются морально-психологическим воздействием, ограничениями в трудовой сфере и ограничениями свободы территориального характера.

Такое положение дел роднит данную уголовно-правовую меру с уголовным наказанием в виде штрафа[1], а также другими уголовно-правовыми мерами воздействия. Как утверждают Н.Э. Мартыненко и Э.В. Мартыненко, судебный штраф более «соответствует карательной мере, чем виду освобождения от уголовной ответственности»[2], с чем следует частично согласиться. К.В. Чемеринский, чье мнение мы не разделяем, идет еще дальше и отмечает фактическое стирание грани между наказанием и иной мерой[3].

---

[1] Благов Е.В. Судебный штраф как зеркало уголовного законотворчества // 20 лет Уголовному кодексу Российской Федерации: итоги, проблемы, перспективы : материалы Всерос. науч.-практ. конф., Рязань, 5–6 октября 2016 г. В 2 ч. Ч. 1 / отв. ред. Л.Ю. Ларина. Рязань, 2016. С. 70–72 ; Савин Д.В., Сутурин М.А. Судебный штраф в уголовном праве // Тренды развития современного общества: управленческие, правовые, экономические и социальные аспекты : сб. науч. ст. 6-й Междунар. науч.-практ. конф., Курск, 22–23 сентября 2016 г. / отв. ред. А.А. Горохов. М., 2016. С. 112.

[2] Мартыненко Н.Э., Мартыненко Э.В. Судебный штраф как иная мера уголовно-правового характера // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 1 (41). С. 26.

[3] Чемеринский К.В. Судебный штраф как иная мера уголовно-правового характера: новое направление уголовной политики // Уголовная политика и культура противодействия преступлениям : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Краснодар, 30 сентября 2016 г. В 2 т. Т. 2 / Краснодарский ун-т МВД России ; ред. К.В. Вишневецкий. Краснодар, 2016. С. 360.

Изложенная совокупность правоограничений характеризует судебный штраф, с учетом освобождения от уголовной ответственности, всех прочих негативных последствий, как незначительную меру воздействия по сравнению с уголовными наказаниями, являющуюся альтернативной им. Однако данная внешняя незначительность, состоящая в небольшом перечне правоограничений, фактически лишь финансово-имущественных, может выражаться в достаточно крупных размерах денежных сумм. Во многом этим обусловливается восприятие освобожденными от уголовной ответственности данной меры воздействия[1].

Опрос лиц, освобожденных по данному основанию, показал, что подавляющее большинство воспринимают судебный штраф как упрощенный вид уголовного наказания в виде штрафа. Однако частично внесудебный порядок разрешения уголовного дела с окончанием уголовного преследования, вдвое сокращенная сумма денежного взыскания, а также отсутствие судимости воспринимаются крайне позитивно данной категорией лиц.

В целях эффективного воздействия указанной системы правоограничений на лицо, совершившее преступление, законодатель предусмотрел средства их обеспечения. Эти средства имеют как позитивный характер последствий, так и негативный.

Положения ч. 2 ст. 104.4 УК РФ предусматривают ответственность за неуплату судебного штрафа в виде привлечения к ответственности по соответствующей статье Уголовного кодекса Российской Федерации. Данный вариант является негативным последствием. Он предусмотрен законодателем в целях обеспечения уплаты судебного штрафа. Такой подход законодателя является классическим в отечественной уголовно-правовой доктрине: лицу дается шанс отбыть меру воздействия без изоляции от общества, но при нарушении ее условий предусмотрена ответственность, применяемая в отношении практически всех остальных уголовно-правовых мер, среди которых условное осуждение, оба вида отсрочки отбывания наказания, условно-досрочное освобождение от отбывания наказания, штраф как

[1] Полуэктов А.Г. Система правоограничений, применяемая в отношении освобожденных от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа: краткий анализ // Вестник Самарского юридического института. 2018. № 1. С. 60–61.

уголовное наказание, исправительные работы, обязательные работы, ограничение свободы и т. д.

Условием признания лица исполнившим обязанность по уплате судебного штрафа является полная уплата установленной судом суммы. Ее частичное погашение не может быть признано таковым ввиду отсутствия данного варианта в законодательстве. В этом случае факт частичной уплаты может лишь являться обстоятельством, смягчающим наказание. В отличие от наказания в виде штрафа, судебный штраф не предполагает вариантов рассрочки выплат определенными частями. Это во многом обусловлено идеей простоты исполнения судебного штрафа, в связи с чем авторы не разделяют позицию о необходимости освобождения от уголовной ответственности даже при частичной уплате[1].

Таким образом, в случае нарушения предписанных условиями исполнения судебного штрафа в течение срока, установленного судом, требований, что выражается в уклонении от уплаты суммы штрафа, к лицу, освобожденному от ответственности по данному основанию, подлежит применению ретроспективная ответственность в виде возобновления преследования в связи с совершением ранее преступления.

Но даже при уплате установленной судом суммы правоотношения не являются законченными в полном объеме. Анализ положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации позволил выявить обязанность лица, освобожденного от уголовной ответственности, представить сведения о ее уплате в 10-дневный срок в соответствии с ч. 2 ст. 446.3 УПК РФ. Данное требование необходимо в целях завершения производства по реализации данной меры уголовно-правового характера.

При этом невыполнение данного требования не может оказать существенного влияния на решение вопроса об отмене судебного штрафа с последующим привлечением к ответственности. Суд при решении вопроса об отмене судебного штрафа и привлечении лица к уголовной ответственности по соответствующей статье Уголовного кодекса Российской Федерации должен убедиться в неуплате установленной суммы штрафа.

---

[1] Бурцев А.С., Миронюк И.В. Судебный штраф: критический очерк // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2017. № 2 (81). С. 127.

В целом считаем судебный штраф эффективной мерой уголовно-правового воздействия, обладающей хорошо проработанной системой правоограничений, налагаемых на лиц в связи с его применением, а также эффективной системой средств обеспечения данных правоограничений. Это находит выражение в востребованности указанного вида освобождения от уголовной ответственности субъектами правоприменения.

Несмотря на тот факт, что судебный штраф вторичен по отношению к институту освобождения от уголовной ответственности[1], его значение сложно переоценить. Исполнение судебного штрафа уполномоченным органом является обратной стороной отбывания наказания лицом, к которому он применен. Исполнение судебного штрафа играет важнейшую роль в механизме реализации любой уголовно-правовой меры в связи с тем, что без надлежащего контроля специализированных органов психология лица, к которому применены уголовно-правовые меры, не позволяет надлежащим образом самостоятельно исполнить негативное для него решение суда. Именно поэтому законодатель предусмотрел привлечение к реализации судебного штрафа значительного числа субъектов правоохраны.

Их перечень различен в зависимости от непосредственной ситуации на разных процессуальных стадиях. На них возлагаются и разные задачи, не только имеющие организационное значение в части достижения конечной цели исполнения судебного штрафа, выступающего условием освобождения от ответственности, но и задачи по исправлению данной категории лиц, а также предупреждению совершения новых преступных деяний, что обусловлено сходствами судебного штрафа, являющегося иной мерой уголовно-правового характера, и наказаний. Это позволяет говорить о единстве субъектов в достижении единой цели рассматриваемых положений в системе уголовного закона, главное предназначение которого состоит в противодействии преступности[2].

---

[1] Шепелева С.В. К вопросу о судебном штрафе как мере уголовно-правового характера // Уголовная политика и правоприменительная практика : материалы IV Всерос. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 3 ноября 2016 г. / отв. ред. Е.Н. Рахманова. СПб., 2016. С. 382.

[2] Полуэктов А.Г. К вопросу о субъектах исполнения постановления об освобождении от уголовного наказания с назначением судебного штрафа // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 6. С. 253.

Уже на стадии вынесения в отношении лица решения об освобождении от уголовной ответственности с ним проводится профилактическая беседа судьей, выносящим такое решение[1]. В соответствии с ч. 6 ст. 446.2 и ст. 446.3 УПК РФ суд разъясняет последствия уклонения от уплаты назначенной суммы. Подобную беседу с лицом проводят следователь или дознаватель, в производстве которых находится конкретное уголовное дело[2].

Первая редакция законопроекта № 953369-6 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» предусматривала предложение по дополнению ст. 173 УПК РФ ч. 3.1, в соответствии с которой лицам, впервые совершившим преступление небольшой или средней тяжести, следователем должно разъясняться, кроме общих прав, предусмотренных ст. 47 УПК РФ, право на освобождение от ответственности при примирении с потерпевшим и заглаживании вреда.

Данное предложение представляет значительный интерес и имеет практическое значение. Указанные субъекты и без этого предписания осуществляют такое разъяснение. Во многом это обусловлено более простым рассмотрением уголовного дела, скорейшим его списанием и, как следствие, снижением нагрузки на следователей и дознавателей. То есть заинтересованы все субъекты уголовного процесса. Во всех возможных случаях в отношении лиц, к которым могут быть реализованы положения об освобождении от уголовной ответственности, проводится разъяснительная беседа. Данная беседа предполагает разъяснение возможности освобождения от уголовной ответственности в случае выполнения предусмотренных Уголовным кодексом

---

[1] Муллахметова Н.Е. Некоторые вопросы прекращения уголовного дела в связи с назначением судебного штрафа // Обеспечение прав и законных интересов граждан в деятельности органов предварительного расследования : материалы межведомств. круглого стола и Всерос. круглого стола, Орёл, 19 октября 2016 г. Орёл, 2017. С. 176.

[2] Шалумов М.С. Некоторые вопросы, возникающие при рассмотрении судьей ходатайства органа предварительного расследования о применении судебного штрафа // Судья. 2017. № 8 (80). С. 55–56.

Российской Федерации условий и последствий нарушения требования по уплате судебного штрафа.

Таким образом, еще до вступления в законную силу судебного решения уполномоченными субъектами проводится значительная работа по профилактике преступного поведения. Она имеет системный и комплексный характер.

При вступлении в законную силу решения суда об освобождении от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа суд, вынесший такое решение, на основании ч. 2 ст. 393 УПК РФ направляет постановление о назначении судебного штрафа судебному приставу-исполнителю, который на основании ч. 5 данной статьи обязан известить суд о его приеме к производству и исполнении. Данная норма позволяет выделить основной субъект исполнения судебного штрафа – Федеральную службу судебных приставов.

Этот же факт закрепляется и в ч. 2 ст. 103.1 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве», указывающей, что судебный штраф исполняется ФССП России в лице судебных приставов-исполнителей.

Основным направлением деятельности службы судебных приставов в части рассматриваемого вопроса является исполнение постановления суда о назначении судебного штрафа. В этих целях ФССП России проводится целый ряд мероприятий с момента приема к производству судебного решения.

На основании полученных документов в соответствии с ч. 1 ст. 30 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» судебный пристав-исполнитель возбуждает исполнительное производство в отношении конкретного лица, которому назначена рассматриваемая уголовно-правовая мера.

Это позволяет говорить о первом направлении деятельности судебных приставов в части рассматриваемого вопроса – учет лиц. Учет данной категории лиц представляет собой комплекс мероприятий по установлению их наличия и количества, а также сбору, обобщению и анализу сведений о них, осуществляемых в процессе исполнения постановления суда. В этих целях службой судебных приставов организуется и ведется делопроизводство в установленном порядке.

Среди основных форм учета следует выделить: 1) персо-

нальный учет, осуществляемый по журналам и автоматизированным базам данных, куда вносятся сведения о лицах, по которым ведется или велось исполнительное делопроизводство, а также непосредственно по самому исполнительному производству в отношении конкретного лица; 2) количественный учет, ведущийся по установленным формам отчетности, подготавливаемой ежеквартально.

Обобщение данных сведений дает возможность выявить уровень эффективности работы службы судебных приставов, в частности в отношении исполнения судебных штрафов.

После постановки на учет лица, в отношении которого назначен судебный штраф, и заведения соответствующего исполнительного производства лицо подлежит вызову к судебному приставу для разъяснения его положения, способа и порядка исполнения судебного штрафа. Данное право также может быть реализовано в любой момент и в последующее время в соответствии с ч. 1 ст. 32 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве». Это является следующим направлением деятельности судебных приставов – разъяснение порядка и условий отбывания назначенной меры уголовно-правового характера.

Несмотря на то что частично подобное разъяснение уже осуществлялось до вынесения постановления об освобождении от уголовной ответственности и при его постановлении, подобная беседа имеет большое значение. Именно к этому моменту, как показывает практика, лицо осознает в полной мере те негативные последствия, которые сопровождают освобождение от уголовной ответственности, – необходимость оплаты судебного штрафа. После первого, порой эйфорического, периода, предполагающего освобождение от уголовной ответственности, к моменту вступления постановления суда в законную силу и заведения исполнительного производства наступает период осознания всей тяжести финансовых последствий, пусть и в меньшей степени, чем при осуждении.

После всех необходимых первичных мероприятий, имеющих в большей степени формальный характер, наступает период уплаты непосредственно судебного штрафа. В этих целях судебный пристав-исполнитель осуществляет контроль за данным процессом.

Положения ч. 3 ст. 103.1 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» регламентируют, что контроль за исполнением судебного штрафа лицом, которому эта мера назначена, является важной задачей судебного пристава-исполнителя, на которого она и возлагается. Порядок осуществления контроля достаточно прост, он предполагает учет лишь уплаты установленной суммы денежных средств: наличия или отсутствия факта уплаты. Проведение каких-либо иных мероприятий в части осуществления контроля со стороны судебного пристава-исполнителя не предусмотрено, ибо надзор, как и при назначении других иных мер уголовно-правового характера, законодательно не предусмотрен. В связи с этим И.С. Федотов пишет, что реализация положений о судебном штрафе представляет собой важную часть реформирования государственной уголовной политики[1].

Освобождение от ответственности должно быть относительно простым или максимум односложным, не предусматривающим длительность мероприятий. Следует также помнить, что лицо освобождается от ответственности за совершение уголовно наказуемого деяния, что достаточно примечательно. Но все же оно совершило преступление, что не может быть оставлено без внимания специализированными правоохранительными структурами. Такими структурами являются органы обеспечения правопорядка в лице органов внутренних дел.

Непосредственным субъектом общего профилактического воздействия со стороны полиции является служба участковых уполномоченных полиции, находящаяся в постоянном взаимодействии с населением по территориальному принципу. Казалось бы, именно данное подразделение и обязано осуществлять контроль за рассматриваемой категорией лиц, однако участковые уполномоченные полиции не ведут специальный учет данной категории лиц. Приказом МВД России от 31 декабря 2012 г. № 1166 (ред. от 8 сентября 2016 г.) «Вопросы организации дея-

[1] Федотов И.С. Нормы о применении положений меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа нуждаются в совершенствовании // Вестник Северо-Кавказского гуманитарно-технического университета. 2016. № 4 (27). С. 107.

тельности участковых уполномоченных полиции»[1] предусмотрен достаточно широкий перечень лиц, представляющих профилактический интерес: среди них и лица, освобожденные из исправительных учреждений, и больные алкоголизмом или наркоманией, и допускающие правонарушения в сфере семейно-бытовых отношений и представляющие опасность для окружающих, и некоторые категории граждан, привлеченных к административной ответственности, и многие другие, но нет освобожденных от уголовной ответственности по какому-либо из предусмотренных главой 11 УК РФ основанию.

Однако следует помнить, что это лица, совершившие преступление пусть и небольшой или средней тяжести, но все же это преступление. Не предусмотрен контроль за освобожденными от уголовной ответственности и Федеральным законом от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (ред. от 8 марта 2026 г.) «О полиции»[2]. Положения п. 26 и других пунктов ст. 12 данного Закона, среди прочих категорий, за которыми устанавливается контроль, не предполагают его осуществление в отношении лиц, освобожденных от уголовной ответственности. При этом неупоминание рассматриваемой категории в вышеуказанном Приказе МВД России объясняется достаточно просто: в соответствии с ч. 2 ст.12 Федерального закона «О полиции» иные обязанности могут быть возложены на полицию только путем внесения изменений в данный Федеральный закон.

В настоящее время отечественный законодатель регламентировал исполнение постановления о применении ст. 76.2 УК РФ одним уполномоченным органом – службой судебных приставов-исполнителей. Однако контроль за данной категорией лиц, преступивших закон, фактически не осуществляется ни службой судебных приставов, ни органами внутренних дел, ни иными субъектами правоохраны. Исполнение судебного штрафа трансформируется в формальный и даже механический процесс по уплате назначенной судом суммы, в процессе чего все

[1] URL: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=288422 (дата обращения: 12.05.2026).

[2] URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&first=1lastDoc=1nd=102145133 (дата обращения: 12.05.2026).

остальное, даже предупреждение в дальнейшем новых преступлений, не представляет для правоохранительных органов никакого интереса.

В связи с этим полагаем целесообразным включить категорию освобожденных от уголовной ответственности в перечень лиц, представляющих профилактический интерес. В этих целях следует дополнить п. 26 ст. 12 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» после слов «участвовать в осуществлении контроля за поведением» словами «освобожденных от уголовной ответственности».

Кроме того, необходимо также изменить приказ МВД России от 31 декабря 2012 г. № 1166 «Вопросы организации деятельности участковых уполномоченных полиции» путем дополнения раздела VII приложения 3 пунктом 25 «Лица, освобожденные от уголовной ответственности». Данный пункт должен включать следующие сведения: номер по порядку; фамилия, имя и отчество; дата, место рождения; адрес места жительства, контактный телефон; место работы, должность, адрес, рабочий телефон; основание освобождения от уголовной ответственности, статья Уголовного кодекса Российской Федерации и обстоятельства совершения преступления; примечание, которые позволят отражать информацию, представляющую наибольший первичный интерес. К тому же данная информация об указанных лицах, совершивших преступления, в полном объеме хранится в информационных центрах органов внутренних дел и представляет значительный оперативный интерес[1].

Изложенная позиция подкрепляется и содержанием Токийских правил[2], в соответствии с которыми цель надзора заключается, в частности, в сокращении рецидива правонарушений, что невозможно без деятельности специализированного органа в лице полиции. В свою очередь, предлагаемое дополнение Приказа МВД России от 31 декабря 2012 г. № 1166 будет соответствовать

[1] Полуэктов А.Г. К вопросу о субъектах исполнения ... С. 253–255.

[2] Минимальные стандартные правила Организации Объединенных наций в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила) : приняты Резолюцией 45/110 Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1990 г. URL: https://www.un.org.ru/documents/decl_conv/conventions/tokyo_rules_html (дата обращения: 12.05.2026).

содержанию п. 10.2 Токийских правил, предписывающего создание условий для деятельности соответствующего компетентного органа.

Осуществляя контроль за порядком уплаты судебного штрафа, судебный пристав-исполнитель вправе применять меры воздействия в случае нарушения данной обязанности лицом, освобожденным от уголовной ответственности. С этим связано еще одно направление его деятельности – внесение в суды в установленном порядке представлений об отмене постановления, в соответствии с которым назначен судебный штраф.

Положения ст. 446.5 УПК РФ регулируют порядок действий при неуплате лицом судебного штрафа: суд отменяет ранее вынесенное постановление[1]. Порядок рассмотрения представления, применяющийся при рассмотрении вопросов, связанных с исполнением приговора суда, вступившего в законную силу, регламентирован ст. 399 УПК РФ. Исходя из положений ч. 2 данной статьи, обязательным в судебном заседании является участие лишь представителя службы судебных приставов, участие же лица, не уплатившего судебный штраф, не является обязательным. Действительно, если участие представителя ФССП России необходимо, то присутствие лица, совершившего преступление, не столь востребовано. Его роль состоит в уплате назначенной суммы судебного штрафа, подтверждение или опровержение чего возможно и в его отсутствие судебным приставом путем предоставления соответствующих документов о переводах денежных средств, что достаточно легко отследить, так как каждый платеж имеет назначение с указанием установочных данных плательщика. Кроме того, в случае уплаты денежных средств даже в последний день, установленный судом, следует учитывать, что до судебного заседания пройдет длительный период, в течение которого о таковом переводе станет известно, поскольку судебный пристав-исполнитель направляет представление об отмене постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования и назначении меры

[1] Халилова Г.Р. Императивность и диспозитивность в положениях о судебном штрафе // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2017. № 4 (14). С. 115.

уголовно-правового характера в виде судебного штрафа лишь по истечении 10 дней после окончания установленного судом срока, плюс 14-дневный срок извещения о дате, времени и месте судебного заседания до дня судебного заседания. Следует также учитывать и сроки принятия организационно-распорядительных решений и проведения соответствующих мероприятий. Итак, сроки могут достигать нескольких недель, чего вполне достаточно для установления факта платежа при его наличии.

В части данного вопроса следует отметить необязательность участия и прокурора как гаранта законности, осуществляющего надзор за соблюдением требований Конституции Российской Федерации и других законов на основании ч. 1 ст. 1 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1 (ред. от 29 декабря 2025 г.) «О прокуратуре Российской Федерации»[1]. В соответствии с ч. 6 ст. 399 УПК РФ прокурор вправе принять участие в судебном заседании, но не обязан этого делать. С одной стороны, следует принять такое законодательное закрепление как должное, что обусловлено колоссальной нагрузкой на сотрудников прокуратуры. Но с другой стороны, нужно помнить, что никакая значительная нагрузка не может служить оправданием нарушения основных принципов уголовно-процессуального законодательства.

Подобное закрепление механизма участия прокурора в судебном заседании в качестве его права способствует нарушению принципа состязательности сторон, регламентированного ст. 15 УПК РФ: со стороны защиты присутствуют и само лицо, совершившее преступление и освобожденное от ответственности под условием уплаты судебного штрафа, а со стороны обвинения прокурор не является на судебное заседание.

В указанных условиях суд, рассматривая данное представление, формально не может даже учитывать мнение службы судебных приставов по той причине, что ее представитель не является стороной процесса, т. е. не обладает необходимыми правами и фактически бесправен в ходе судебного заседания: такой представитель не может обжаловать решение суда в кассационной

[1] URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102014157 (дата обращения: 12.05.2026).

или надзорной инстанции в силу того, что на основании действующего законодательства такие права, связанные с обжалованием постановления суда в данном конкретном случае, предусмотрены лишь в отношении осужденного, его законного представителя, адвоката, а также прокурора.

В связи с изложенным находим целесообразным обязательное участие прокурора в судебном заседании при рассмотрении вопросов, связанных с исполнением приговора суда. В этих целях предлагаем внести изменения в редакцию ч. 6 ст. 399 УПК РФ, изложив ее следующим образом:

«6. В судебном заседании участвует прокурор».

Аналогичных взглядов придерживаются и другие исследователи (например, А.В. Звонов[1], А.А. Рыбаков[2], Р.А. Сысоев[3]), изучавшие вопросы реализации иных мер уголовно-правового характера. К тому же, как совершенно справедливо отмечают вышеуказанные авторы в своих трудах, беседа лица, совершившего преступление, с прокурором никогда не будет лишней, ее профилактическое значение трудно переоценить ввиду высокого статуса органов прокуратуры[4].

Исполнительное производство в связи с постановлением суда о назначении судебного штрафа подлежит окончанию в следующих случаях, указанных в ч. 7 ст. 103.1 Федерального закона «Об исполнительном производстве»:

1) уплата судебного штрафа в полном объеме.

Данное основание прекращения исполнительного производства является позитивным. В этом случае лицо уплачивает назначенную судом сумму в полном объеме и в установленное им же время. После этого освобожденный от уголовной ответственности предоставляет судебному приставу-исполнителю квитанцию об уплате всей суммы, который прекращает производство по рассматриваемому основанию. Причем назначенная

---

[1] Звонов А.В. Ответственность условно осужденных: уголовно-правовой и уголовно-исполнительный аспекты : дис. … канд. юрид. наук. Владимир, 2011. С. 109–110.

[2] Рыбаков А.А. Контроль за лицами, условно-досрочно освобожденными от отбывания наказания : дис. … канд. юрид. наук. М., 2015. С. 109–110.

[3] Сысоев Р.А. Отсрочка отбывания наказания больным наркоманией: теоретический и прикладной аспекты : дис. … канд. юрид. наук. М., 2015. С. 167.

[4] Полуэктов А. Г. К вопросу о субъектах ... С. 255−256.

судом сумма должна быть уплачена в полном объеме в установленных временных пределов. Это не исключает возможности уплаты ее частями, но в указанный судом временной промежуток. В случае же частичной уплаты данное основание прекращения производства невозможно. На основании ч. 2 ст. 104.4 УК РФ судебный штраф должен быть отменен, а лицо привлечено к уголовной ответственности. Денежные же средства, частично уплаченные, должны быть возвращены;

2) направление в суд, выдавший исполнительный документ, представления об отмене судебного штрафа.

Данное основание прекращения исполнительного производства, в отличие от ранее указанного, является негативным. Оно возможно лишь в случае нарушения условия уплаты судебного штрафа, в котором и состоит основа рассматриваемого вида освобождения от уголовной ответственности.

При удовлетворении такого представления суд направляет вынесенное постановление руководителю следственного органа или прокурору и на основании ст. 446.5 УПК РФ производство по уголовному делу подлежит реализации в общем порядке. Как отмечает Т.А. Плаксина, введение ст. 76.2 УК РФ способствовало восполнению существовавшего пробела, связанного с отсутствием в Уголовном кодексе Российской Федерацияя условных видов освобождения, применяемых в отношении совершеннолетних лиц, совершивших преступления[1].

Необходимо отдельно подчеркнуть, что при уклонении лицом от уплаты судебного штрафа, сопряженном с уклонением от контроля судебного пристава-исполнителя, на основании ч. 3 ст. 78 УК РФ течение сроков давности подлежит приостановлению и может быть возобновлено лишь в момент задержания уклоняющегося лица;

3) возвращение исполнительного документа по требованию суда, выдавшего исполнительный документ.

Основания такого запроса могут быть различными: от обжалования в надзорном порядке до технических ошибок в вынесенном судом постановлении.

---

[1] Плаксина Т.А. Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа // Алтайский юридический вестник. 2016. № 4. С. 80.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Иные меры уголовно-правового характера – это меры государственного принуждения, предусмотренные в нормах Общей части Уголовного кодекса Российской Федерации, назначаемые по обвинительному приговору суда либо в процессе исполнения наказания лицу, признанному виновным в совершении преступления, вместо наказания либо в качестве дополнительной к наказанию уголовно-правовой меры, заключающиеся в осуждении лица и совершенного им преступления от имени государства и правоограничениях некарательного характера, направленных на достижение целей наказания.

Принудительные меры медицинского характера – меры государственного принуждения, назначаемые, продлеваемые, изменяемые и прекращаемые по определению (постановлению) суда лицам, которые совершили общественно опасное деяние, предусмотренное Особенной частью Уголовного кодекса Российской Федерации, в состоянии невменяемости, а также лицам, у которых после совершения преступления наступило психическое расстройство, делающее невозможным назначение или исполнение наказания, либо назначаемые по приговору суда лицам, виновным в совершении преступления и страдающим психическим расстройством, не исключающим вменяемости, но повлиявшим на осознанно волевую регуляцию поведения во время совершения преступления, и заключающиеся в мероприятиях, направленных на восстановление, укрепление психического здоровья, предупреждение совершения нового общественно опасного деяния, опасности причинения вреда себе или другим лицам, возможности причинения иного существенного вреда, соблюдение прав и законных интересов этих лиц.

Под конфискацией имущества понимается мера государственного принуждения, предусмотренная уголовным законом, направленная на устранение экономической мотивации совершения преступлений, а также получения доходов от незаконно нажитого имущества, применяемая в целях предупреждения пре-

ступлений и заключающаяся в принудительном безвозмездном изъятии имущества, полученного в результате совершения преступления или используемого при совершении преступления, в том числе личного имущества, у лица, виновного в совершении преступления, а также третьих лиц в случае, предусмотренном законом, на основании решения суда.

Конфискация имущества, характеризуется следующими специфическими признаками, отличающими ее от остальных иных мер уголовно-правового характера: 1) она не является самостоятельной формой реализации уголовной ответственности; 2) не является и альтернативной наказанию мерой, а всегда сочетается с наказанием; 3) может сочетаться как с основным видом наказания, так и с совокупной мерой, т. е. с основным и дополнительным видами наказаний; 4) может назначаться и при применении таких иных мер уголовно-правового характера, как условное осуждение, отсрочка отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей; 5) объектом ее воздействия являются имущество, полученное в результате преступления, имущество, используемое при совершении преступления либо предназначенное для определенной в законе преступной деятельности, а также орудия и иные средства совершения преступления; 6) может выступать в качестве меры уголовно-правового характера, ограничивающей имущественные права осужденного или третьих лиц (только в той части, которая касается конфискации находящегося в законном владении имущества).

Наряду с общими функциями (восстановительной, специально-превентивной и общепредупредительной) конфискации присущи следующие специальные функции: 1) лишение виновного имущества, полученного в результате совершения преступления; 2) восстановление и упорядочивание отношений собственности и экономической деятельности; 3) устранение экономической основы терроризма и организованной преступности; 4) изъятие орудий и иных средств совершения преступлений; 5) обеспечение возмещения ущерба, причиненного преступлением, и 6) фискальная функция.

В целях повышения превентивной функции уголовного закона конфискацию имущества необходимо установить в качестве обязательного дополнительного наказания за преступления

экономической направленности, совершаемые в крупном и особо крупном размере. В этой связи следовало бы рассматривать конфискацию имущества не только в качестве иной меры уголовно-правового характера, предусмотренной ст. 104.1 УК РФ, но и в качестве обязательного дополнительного наказания в санкциях статей Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации. Для этого необходимо дополнить Уголовный кодекс ст. 52.1, изложив ее в следующей редакции: «Конфискация имущества есть принудительное безвозмездное изъятие в собственность государства части имущества, являющегося собственностью осужденного, но не может превышать размера причиненного преступлением вреда или размера выгоды, приобретенной преступным путем».

С криминологической точки зрения назначение конфискации имущества в качестве меры предупреждения преступлений в сфере экономической деятельности состоит в обеспечении индивидуализации правового воздействия путем карательного и психологического влияния на лицо, имеющее корыстный умысел на совершение преступлений, выраженного в материальных правоограничениях, которые могут распространяться на личное имущество или денежные средства осужденного.

Научное издание

Дмитрий Анатольевич БЕЗБОРОДОВ
кандидат юридических наук, доцент

Андрей Викторович ЗАРУБИН
кандидат юридических наук, доцент

ИНЫЕ МЕРЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИИ

Монография

Редактор *Н.Я. Елкина*
Компьютерная правка и верстка *Ж.Т. Дерюжкина*

Подписано в печать 23.10.2026 г. Формат 60x90/16.
Печ. л. 11,0. Тираж 500 экз. (1-й з-д 1—80). Заказ 32/26.

Отдел научной информации и издательской деятельности
Санкт-Петербургского юридического института (филиала)
Университета прокуратуры Российской Федерации

Отпечатано в Санкт-Петербургском юридическом институте (филиале)
Университета прокуратуры Российской Федерации
191014, Санкт-Петербург, Литейный просп., 44